

Б.В. Зылев

Воспоминания о народном ополчении

(второе издание)

МОСКВА 2012 г.

Оглавление

	стр.
Предисловие ко второму изданию	3
Предисловие к первому изданию	4
Создание 6-й дивизии народного ополчения Дзержинского района города Москвы	5
В резерве фронта	16
В обороне	44
Отступление	59
В окружении под Вязьмой	68
Выход из окружения под командованием генерал-майора Козлова	83
По Смоленщине	103
Краткая биография автора книги	123
Примечания	131

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Автор этой книги, Борис Владимирович Зылев, сумел создать исключительно интересное, яркое описание первых, самых тяжелых месяцев войны. Сотрудники нашего университета, многие из которых являются его учениками, помнят его как замечательного педагога, историка МИИТа и железнодорожного транспорта.

В 1941 году Борис Владимирович Зылев ушел добровольцем на фронт командиром взвода 6-ой дивизии Народного ополчения Москвы, в которую вошли 300 работников МИИТа. Многие из них отдали свои жизни, обороняя Москву и нашу страну. Их фамилии сейчас на памятнике в сквере университета. Эта книга тоже памятник этим людям, тем, которые прошли суровые испытания 1941-45 годов и вернулись к созидательной деятельности, а также тем, которые отдали свои жизни ради будущих поколений.

Текст настоящего издания полностью повторяет первое издание. В конце книги мы добавили краткий биографический очерк жизни автора.

*Директор Института пути, строительства и сооружений
Т.В. Шепитько*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эти воспоминания написаны в 1958 году. Тогда стали собирать ополченцев, и московский комитет ветеранов войны предложил нам написать воспоминания об ополчении. На основании этих воспоминаний в 1961 году в издательстве “Московский рабочий” вышла книга “Народное ополчение Москвы”, а в 1966 году книга “От Москвы до Берлина”. В оба сборника вошли отдельные фрагменты моих воспоминаний. Большая же часть моих записок существовала в виде машинописного текста. В настоящее время появилась возможность создать компьютерную копию воспоминаний. Эта копия содержит все, что было написано в 1958 году.

Я думаю, что любая подробность может представлять исторический интерес, когда речь идет о том, что происходило с участниками Народного ополчения на дальних подступах к Москве летом и осенью 1941 года. Именно здесь в условиях необыкновенно трагических событий, таких как Вяземское окружение, родилась наша воля к победе, воля народа, вставшего на бой за свою жизнь, счастье и свободу.

Воспоминания непосредственно относятся к созданию и деятельности 6-ой дивизии Народного ополчения Дзержинского района Москвы. Позже эта дивизия была переименована в 160-ую стрелковую дивизию.

Я вступил в дивизию Народного ополчения 7-го июля 1941 года и разделял ее судьбу до 20-го октября 1941 года, когда после выхода из окружения под Вязьмой я явился в Дзержинский райвоенкомат для определения моей дальнейшей службы в армии.

Этот небольшой по времени период был насыщен многими необыкновенными событиями, как в жизни нашей Родины, так и в жизни 6-ой дивизии народного ополчения Дзержинского района г. Москвы.

*Доцент МИИТ/а,
в настоящее время пенсионер*

22 декабря 1996 года Б.В. Зылев

СОЗДАНИЕ 6-ой ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ ДЗЕРЖИНСКОГО РАЙОНА ГОРОДА МОСКВЫ

22 июня 1941 года было воскресенье. После дождливой ночи настало ясное летнее утро, которое дышало свежестью и, казалось, мирным покоем. Это особенно чувствовалось за городом, где мы вместе с женой обрабатывали наш первый огород. И вдруг до нашего дома долетела страшная весть - утром немецкие самолеты бомбили Киев, Минск, Севастополь, немецкая армия, нарушив мирный договор, начала военные действия на всем протяжении наших западных границ. Эту весть, изменившую всю нашу жизнь, принесла нам самая обыкновенная женщина, одна из тех, что так часто проходила по улице вдоль нашего забора. Но сказала она это взволнованным голосом, в котором слышались слезы, тревога, негодование. Мирное, тихое утро превратилось в первый день Великой Отечественной войны.

Скорей в Москву! Там уже, наверное, есть повестка в военкомат... На станции много народа, лица взволнованные, у репродукторов в молчании стоят люди, все ждут известий: что будет дальше, как развернутся события, что будет делать страна, какова судьба каждого ближнего и твоя собственная судьба.

То тут, то там слышны возгласы возмущения вероломным поступком гитлеровской Германии, но теперь это уже факт. Теперь больше думают о том, что делать, как отбить нападение, как наказать зарвавшегося врага.

Москва уже совсем другая, что-то изменилось в ней. Еще все одеты в праздничные платья, еще все напоминает мир, но что-то отделило всех людей от мира.

Вот институт, такой же как вчера, вот сад, булочная, вот вчерашняя мирная газета, но чувствуется, что это все прошло, теперь другая жизнь, мира нет, есть война. Мы не слышим грохота орудий, взрывов бомб, но каждый представляет, что мира нет, что есть война, и от этого люди стали серьезнее, напряженнее взгляды, порывистее движения. Как огромный океанский пароход отчаливает от берега, чтобы пуститься в плавание по безбрежному водному простору, так наша страна отошла от "берега" мира и вверглась в пучину войны, и там, где лежала черта между миром и войной, было это летнее утро 22 июня 1941 года.

Каждый день приносит тревожные вести: враг перешел государственную границу, враг бомбит наши мирные города и села, наши войска с боями оставили Бессарабию, враг вошел на украинскую землю. Все живут известиями с фронта, радио не выключается весь день, у газет на улице по утрам собираются люди. В армию призывается 13 возрастов. Многие уже в армии и уехали на фронт. На заводах кипит напряженная работа, люди по суткам не уходят от станков, на предприятиях происходят митинги протеста и возмущения против вероломного нападения гитлеровской Германии. Организована противовоздушная оборона, в каждом доме созданы команды местной противовоздушной обороны. Я записан в пожарную команду вместе с И.И. Савиным, соседом по дому. Мы дежурируем ночью на чердаке нашего дома.

Каждую ночь воздушные тревоги, гремят зенитные орудия, свистят осколки зенитных снарядов, прожекторы разрезают небо яркими полосами - они ищут самолеты врага. Население во время воздушных тревог уходит в бомбоубежища: у нас бомбоубежища в институте и в подвале Химического корпуса.

Но мне не пришлось побывать в бомбоубежище, мое место по расписанию дежурства команд - чердак нашего дома. Оттуда, с крыши дома видна Москва, но она теперь совсем другая, не такая, как пять дней назад: светомаскировка сделала ее неузнаваемой, она погружена во тьму. Мы следим за светомаскировкой: на лестничных клетках - синие лампы, на окнах - шторы, на улицах фонари не горят. Мостовую кое-где приходится красить белыми полосами, чтобы видели машины. Фары не включают, машины идут без огней. Окна домов оклеены полосами бумаги: говорят, что это помогает - стекла становятся крепче, и больше вероятности, что стекла не выбьет взрывной волной от авиабомбы.

На чердаках заготовлены ящики с песком. Чтобы песок можно было бросать на зажигательную бомбу издали, его насыпают в чулки.

Кругом работают курсы ПВО, санитарные курсы. Моя мать обучает прямо во дворе нашу санитарную дружину по оказанию первой помощи, отец является начальником ПВО нашего двора.

Днем наша жизнь кажется такой же, как и раньше, если так может казаться в этой обстановке; я хожу заниматься в аспирантуру, сдаю экзамен по философии на "отлично".

Экзаменатор тов. Савельев поздравляет с полученной отметкой. Папа ходит в институт, заканчивает экзамены, готовит кафедру математики к новому учебному году, мама ездит на работу в институт Обуха, но она теперь приезжает обычно поздно. Моя жена ездит в свой институт Маркса, Энгельса, Ленина, где она работает младшим научным сотрудником в секторе Маркса. Я иногда заезжаю за ней, и мы идем домой пешком. Мы говорим всегда о войне, о том, что наши основные части еще, наверное, не вступили в бой с врагом, считаем, сколько у немцев сбито самолетов, и сколько они потеряли танков; мы ждем перелома в ходе войны в нашу пользу, но вести с фронтов не утешают нас, враг продолжает продвигаться на нашу территорию, бомбит наши города, и мы утешаемся тем, что наши самолеты авиации дальнего радиуса действия бомбят столицу Германии - Берлин.

В условиях войны наша жизнь продолжает идти как бы по-старому, только больше забот, только редко приходится спать ночью, только не покидает нас чувство тревоги. Вся жизнь как бы в тумане, как бы во сне, от которого надо вернуться к реальности. Хочется каких-то особенных дел; все, что было до войны, кажется не тем, что должно быть теперь, во время войны.

Ночь третьего июля сменилась утром. Темный город, исчезающий во мгле ночи, стал виден в первых лучах зари; не гасли огни города в свете утренней зари, не гасли потому, что их не было. Дневной свет заполнил просторы между домами, стали видны ближайшие дома, все четче вырисовывались очертания театра ЦДКА, затем стали видны башни Кремля, и весь город теперь такой же, как обычно, предстал перед нашими глазами. Утро чудесное, тихое летнее утро, город, подернутый розовой дымкой, дымкой утренней зари. Все было таким же, как 10 дней назад.

Но вот низко с бешеной скоростью пролетел над нами красавец-истребитель. Это один из патрульных самолетов, которые теперь находятся в воздухе над Москвой на случай налета фашистских бомбардировщиков. Нет, теперь совсем другое; вот и мы с Иваном Савиным стоим на крыше нашего дома и встречаем утреннюю зарю. Наше дежурство окончено, мы спускаемся на землю по пожарной лестнице, обходим дом и Химический корпус, подходим к крыльцу, хотим прощаться, но вдруг слышим из открытого окна позывные: "...Широка страна моя родная..."

Знакомая мелодия заставляет нас насторожиться, мы подходим к окну и слушаем. Голос диктора говорит: "...Сейчас перед микрофоном будет выступать председатель комитета обороны тов. Сталин". Трудно передать то волнение, которое охватило нас при этих словах. Мы знали, что речь, которую мы сейчас услышим, будет исключительно важной, может быть, решающей в судьбе нашей Родины. Я побежал домой, чтобы сказать всем, что у микрофона будет выступать Сталин. Молча, с величайшим вниманием выслушали мы всю речь Сталина 3 июля 1941 года. Речь эта хорошо известна, и я не буду пересказывать ее, но и сейчас помнится многое: "Братья и сестры... враг хочет поработить нашу Родину... отступая, надо угонять скот, сжигать дома... наш народ поднялся на Великую Отечественную войну... в ряде городов организуется народное ополчение... в бой вступают главные полевые силы Красной Армии... не верьте распространителям всяких ложных слухов... враг будет разбит, победа будет за нами".

Сегодня все говорят о речи Сталина, о Великой Отечественной войне, говорят о том, что теперь противник получит достойный отпор.

На кафедре мостов МИИТа мы составляем атлас по временному и краткосрочному восстановлению мостов, составляем проекты восстановления мостов какой-то дороги, уже захваченной немцами. Мы задаемся разрушением, мы сами "бережно" разрушаем мосты: то у моста подорвана средняя опора, то перебито пролетное строение посередине.

Как мы были далеки в наших предположениях от истины! Ведь фашисты разрушали мосты так, что от них не оставалось ничего, что можно было бы использовать при восстановлении.

Но ведь мы не знали еще, что такое война и что такое гитлеровская армия.

Насколько помню, 4 июля в нашем институте стала организовываться дивизия Народного ополчения, а седьмого числа я, как и многие профессора, преподаватели, рабочие и служащие института, вступил в 6-ю дивизию Народного ополчения Дзержинского района Москвы.

Записал меня в ополчение секретарь парткома института мой преподаватель строительной механики Тихон Георгиевич Фролов.

С этого дня я - ополченец, командир саперного взвода 4-го запасного полка дивизии.

Состав самого взвода необычен: в нем 11 преподавателей нашего института, работники Министерства Внутренних дел, плотники, приехавшие к нам из Орехова-Зуева.

Помнятся мне следующие товарищи по саперному взводу: Калганов, до ополчения работник Гушосдора НКВД СССР. Он был помкомвзвода и парторгом и выполнял во взводе не только функции помощника командира взвода, но и политрука, хотя, конечно, такой должности во взводе не было. Помню преподавателей МИИТа, которые были в саперном взводе: доценты, кандидаты наук Смирнов А.Ф.^{*0}, Дарков А.В., Осокин А.В., Гудков В.П., Лидерс Г.В., Успенский М.П., Моргунов И.С., Дьяконов П.В., профессор, доктор технических наук Урбан И.В., преподаватель МЭМИИТа Левин А.П.

Другая часть взвода была укомплектована плотниками, приехавшими к нам из Орехова-Зуева; их фамилии, к сожалению, не сохранились у меня в памяти, за исключением фамилии ополченца Соленова, уже пожилого человека, участника империалистической и гражданской войн. Соленов захватил в ополчение топор - лучшего своего друга и помощника.

Дивизия комплектовалась очень быстро: с 4-го по 7-е июля она была полностью укомплектована людским составом.

7-го июля командиром дивизии был назначен полковник Шундеев Алексей Иванович (С 4-го по 7-е июля командиром дивизии был генерал-майор Н.Д. Дрейер), комиссаром дивизии - преподаватель философии Савельев Михаил Никитич, начальником штаба - полковник Лебедев М.В. Помню я еще (по встречам в дивизии народного ополчения) ополченцев, которые вступили в дивизию из МИИТа: Костюка АИ, Бармашева А.А., Ледовского В.И., Запорожеца Г.И., Никитина В.В., Руднева Г.В., Волкова С.С. (доцент кафедры сопротивления материалов), Хапанцева, Барибана А.Л., Минорина Г.А., Никольского Н.И., Богдановича А.Ф., дочь доцента Лобандиевского - Надю Лобандиевскую, Женю Ильина (аспиранта), Карпова (преподаватель военной кафедры), Шебунина А.А., Мостовского А.Ф. (доцента кафедры теоретической механики), Саухина (монтера института) и преподавателя физкультуры - Румянцева С.И., столяра Прокофьева В.И.,

Щепетильникова В.А., Носко К.Л., аспирантку Маньковскую Н.. Многие из них погибли или в боях в октябре 1941 года, или в немецком плену, а некоторые и сейчас работают в МИИТе и в других учебных заведениях.

С 7-го июля мы переведены на казарменное положение, наш взвод разместился на 5-м этаже главного здания МИИТа в аудитории 508. Парты частично сдвинуты в угол, частично убраны в коридор. Мы располагаемся прямо на полу, положив под головы свои рюкзаки, в которых собрано все наше добро. У меня рюкзак довольно полный: в нем две смены белья, полотенце, мыло, сахар, сухари, колбаса, 10 книг по саперному делу и по восстановлению мостов, которые я взял из библиотеки.

Одеты мы в свою гражданскую одежду. Отец купил мне сапоги, в которых будет удобно в полевых условиях.

Утром 8-го числа мы идем на фабрику-кухню МИИТа, где нас кормят завтраком, там же мы получаем обед и ужин. Наш день занят до предела: после завтрака - строевая подготовка, мы маршируем по улицам, больше занимаемся в Институтском переулке. После обеда в Александровском общежитии получаем матрацы, которые переносим в 508 аудиторию. Теперь у нас будут сносные кровати. После этого мы занимаемся чтением военных уставов, изучаем винтовку. Вечером, когда взвод уже отдыхает, надо заняться списками, выбрать командиров отделений, а потом хочется сходить домой, ведь моя семья находится в этом же дворе.

Девятого наш взвод перевели из здания МИИТа в помещение маленькой школы, которая находилась позади нашего Вышеславского общежития. В этой маленькой школе, выложенной из красного кирпича, мы прожили 9 и 10 июля 1941 года.

Дни наши заполнены учебой, маршировкой, медицинским осмотром, особенно тех, кто жаловался на состояние здоровья; из нашего взвода в Москве было уволено 2 человека по состоянию здоровья. Помнится такой эпизод тех дней. Иду я по коридору института, вдруг слышу голос: "Голубчик!". Я обернулся и вижу генерал-майора Савченко - заведующего военной кафедрой МИИТа, под руководством которого я, как многие мои товарищи, прошел высшую вневоинскую подготовку (В.В.П.) и получил звание младшего лейтенанта запаса. "Голубчик,- говорит мне Савченко,- слышал я, что ты командир саперного взвода, возьми у

меня носимые пехотинские лопатки, они вам пригодятся, а здесь они зря проваляются". Он открыл склад, и я взял у него 14 новеньких в кожаных чехлах лопаток. Эти лопатки пригодились нам позднее.

Девятого вечером я в последний раз сходил с женой в парк ЦДКА. Мы ходили по аллеям парка и говорили о нашей жизни, думали о будущем. Мы чувствовали, что вскоре нам придется расстаться, вскоре, но никто из нас не знал, что это будет послезавтра, а срок разлуки будет измеряться 2,5 годами войны.

Десятого нам выдали обмундирование. Мы получили черные гимнастерки и брюки галифе, такие, какие бывают у военизированной охраны складов, кроме того выдали нижнее белье и обмотки, пилюльки. Обувь и шинели нам выдали только в середине августа.

Мы с Калгановым занимались выдачей и подгонкой этого обмундирования, старались получить обмундирование, которое по размерам подходило бы людям нашего взвода. Некоторые остались в своей верхней одежде.

Днем 9 или 10 числа дивизия была выстроена на дворе института для проверки личного состава. Это была полнокровная дивизия, в которой был порядок, которая могла действовать и управляться.

Командир дивизии А.И. Шундеев обошел подразделения и принял рапорты от командиров полков и отдельных рот и батальонов.

Мы стояли против своего родного института, недавние его работники, мы стали его бойцами. Теперь началась та другая, настоящая жизнь, жизнь, которую я ждал с первых дней войны, о которой мы слышали от участников гражданской войны, жизнь, которой мы завидовали еще с детских лет.

В дивизию народного ополчения вошли представители многих предприятий Дзержинского района, но больше всего здесь чувствовались коллективы МИИТа, МЭМИИТа, Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, заводов "Борец", "Станколит". Состав дивизии был самый разнообразный: тут были совсем молодые рабочие и студенты, начиная от 17 лет, и уже совсем старые люди, которым было за пятьдесят лет (людей старше 55 лет в ополчение не записывали). Столь же разнообразен был

состав людей по специальностям: тут были и дипломаты из Министерства иностранных дел, профессора МИИТа и МЭМИИТа, кадровые военные, которые возглавляли некоторые подразделения дивизии, рабочие промышленных предприятий, строительные рабочие, студенты, даже школьники 10-х классов. Были в дивизии и женщины, но их число было невелико, они составляли санитарный батальон и были в штабах дивизии и некоторых ее подразделениях.

Дивизия состояла из людей, которые обладали большим военным опытом, и из людей, которые даже никогда не служили в армии. В общем, дивизия народного ополчения была по составу такой же, как и население нашего Дзержинского района.

Нас всех соединяло одно желание - как можно скорее разгромить гитлеровскую армию, наказать зарвавшегося врага, освободить нашу землю от немецко-фашистских захватчиков. И, глядя на многотысячные ряды нашей дивизии, мы чувствовали великую силу нашего народа, чувствовали, что народ наш поднялся на справедливую и благородную борьбу. Каждый из нас был горд тем, что ему пришлось участвовать в этих событиях.

За те несколько дней, которые прошли с момента начала организации нашей дивизии, была проделана огромная работа. Были укомплектованы личным составом все части и подразделения дивизии, был назначен командный состав, который уже руководил жизнью дивизии, познакомился с подчиненными и успел проделать большую работу по освоению строевой подготовки, изучению уставов армии и изучению оружия.

Надо сказать, что часть командиров была из кадровых, но большая часть командного состава была из партийных работников учреждений и предприятий, много было командиров из числа командиров запаса. Большинство командиров и политработников имели опыт службы в Красной Армии, а некоторые являлись участниками войны 1914-18г.г. и гражданской войны 1918-21г.г.. Опыт, которым обладал командный состав, наряду с большой помощью в деле организации дивизии со стороны партийных и советских органов, сделали возможным создание дивизии в течении 3-4 дней. Она была способна действовать, обладала дисциплиной и могла быть использована командованием для выполнения заданий по борьбе с немецко-фашистской армией.

В эти дни нас еще не снабдили оружием, вернее оружие было дано дивизии в очень малом количестве. В саперном взводе была 10 июля только одна винтовка системы СВТ. В некоторых частях дивизии оружия было больше, но вообще число винтовок в каждом взводе не превышало нескольких штук.

Но нас не смущал недостаток оружия: мы понимали, что оружие мы получим, когда это станет необходимым, и что мы можем быть использованы в качестве помощников кадровым частям по постройке оборонных сооружений, на рытье окопов, противотанковых рвов, на устройстве минных полей и на других работах.

День 11 июля начался так же, как и все последние дни: утром я проводил зарядку во дворе школы, затем взвод ходил завтракать. После завтрака занимались строевой подготовкой, после обеда изучали устройство окопов, наблюдательных пунктов, готовились к деятельности саперов.

День был жаркий, жара сохранилась и до самого вечера. Когда после ужина мы стали располагаться на отдых, пришел вестовой от командира полка и приказал мне вести взвод в полной походной выкладке, т.е. со всеми вещами, к зданию института. Он сказал также, что нас повезут для строительства оборонительных сооружений на ближних подступах к Москве. Гудков попросился домой отнести свою шинель. Он жил совсем недалеко от школы: в доме МИИТа на Сущевской 22. Я его отпустил и попросил взять также и мою шинель. В этот жаркий вечер она казалась мне совсем лишней. Гудков взял шинели и через пять минут вернулся без них. Мы потом очень жалели, что совершили этот опрометчивый шаг.

В темноте ночи (было уже около 10 часов) наш взвод отправился на Бахметьевскую улицу (сейчас улица Образцова). Как только мы стали подходить к улице, то увидели, что здесь происходит что-то необыкновенное: вся улица была заполнена автобусами, их было несколько сотен. Некоторые машины стояли неподвижно, другие куда-то перемещались, воздух был наполнен бензиновой гарью. Около машин двигались люди. Нашему взводу было указано место за воротами напротив институтского сада. Было приказано подготовиться к посадке, предупредили, что уходить никому нельзя.

Как хотелось сходить домой! Ведь дом был совсем рядом. Как хотелось проститься с родителями, с женой, проститься с местом, в котором прошла почти вся моя жизнь, но уйти нельзя, тем более, что надо размещать взвод.

А вот и наши автобусы! Мы садимся в два автобуса: в первом - три отделения, во втором - одно отделение нашего взвода и люди другого взвода. Во втором автобусе за старшего едет Калганов. Несколько минут ожидания в автобусах... Но вот слышен рокот моторов, и машины одна за одной трогаются.

Длинная вереница новых пассажирских автобусов растянулась по улицам Москвы. Спит город или только кажется, что спит: огней не видно, улицы пустынные, а по ним едет дивизия народного ополчения. Притихли бойцы. Они смотрят на знакомые улицы, смотрят на знакомую Москву и прощаются с ней. Все понимают, что для них началась военная дорога.

Вот уже наши машины идут по Можайскому шоссе. Мимо проходят бесконечными лентами новые огромные дома. Кое-где блеснет луч прожектора, пролетит где-то вдаль одинокая ракета, покажутся знакомые силуэты зданий. При этом что-то шевельнется в сердце - будто увидел родного человека. В тиши знойной летней ночи, в ее обаянии, в этой сердечной тоске было что-то запоминающееся навсегда.

Так Москва прощалась со своими сыновьями, провожая их в далекий неведомый путь.

Вот уже миновали последние окраины Москвы. Мы проехали 10, 20, 30 километров, а машины все несутся вперед. Вот уже Можайск! Кто-то говорит, что мы уже в 102 километрах от Москвы, а машины все мчатся и мчатся вперед.

Утром нас привозят в Вязьму. Здесь автобусы заправляются бензином на каком-то складе горючего около железнодорожной линии. В это время, когда наши машины находятся на заправке, над станцией пролетают немецкие бомбардировщики, объявляется воздушная тревога. Из соседнего состава выскакивают люди. Оказывается, что это эшелон с ранеными. Самолеты сбрасывают несколько бомб, они падают где-то далеко за станцией, не причинив никому никакого вреда, а мы начинаем спешить.

Скоро мы в машинах и едем дальше на запад. Теперь уже никто не говорит о близких подступах к Москве. Автобусы сворачивают с

шоссе на проселочные грунтовые дороги, скорость машин резко снижается. Теперь мы едем довольно медленно. Временами автобусы не могут ехать из-за песчаной дороги, мы вылезаем и идем пешком, а иной раз помогаем машинам пройти наиболее трудные участки пути.

Кончился и этот день. Мы подъехали к Дорогобужу. Ночью мы еще продвигались вперед, но проехали очень мало - машины то и дело застревали в песке.

Утром нас высадили где-то между Дорогобужем и Ельней. Вскоре подъехала машина с 4-ым отделением, и саперный взвод опять соединился. Командование полка приказало расположиться в районе небольшого леса, находящегося недалеко от дороги, по которой уехали в Москву привезшие нас автобусы. Москва теперь была очень далеко, между ней и нами было более 300 километров.

В РЕЗЕРВЕ ФРОНТА.

Саперный взвод, как и весь запасный полк дивизии, расположился на опушке леса и ждал дальнейших распоряжений. Мы закусили тем, что было в наших вещевых мешках, и, выбрав места посуше, легли на траву отдохнуть от утомительного пути. Но отдыхали мы не долго. Через два часа нам было приказано построиться, и мы всем полком, вытянувшись в длинную цепочку, пошли по проселочным дорогам в направлении на запад.

Шли мы почти целый день. С непривычки многим, особенно пожилым бойцам, было тяжело проделывать этот длинный путь. В нашем взводе особенно тяжело было преподавателю МИИТа тов. Левину. Мешали ему три обстоятельства: возраст, который превышал 50 лет, полнота и большой рюкзак человека, который еще не знал пословицы, что в походе и иголка тянет. Мы организовали ему помощь и поочередно несли его рюкзак.

Иногда в небе над нами пролетали немецкие самолеты, которые потом называли "рамами". В этом случае давалась команда "Воздух", и взвод, разбегаясь с дороги, ложился по соседним канавам. Но самолеты пролетали очень высоко и, скорее всего, нас не замечали.

Запомнился мне на этой дороге один случай. Мы остановились на привал около одного из крайних домов небольшой деревушки, сняли свои рюкзаки и легли отдохнуть. Вдруг подбегает к нам кто-то из бойцов саперного взвода и говорит: "Товарищ командир взвода, в соседней избе человек режется!" Я встал и вместе с ним, обогнув угол дома, в тени которого мы лежали, вошел с маленького крылечка в полутемные сени. В углу против двери стоял человек. Глаза его дико блуждали, рубашка на груди была разорвана, из двух ран на груди и из раны на шее густыми ручейками бежала кровь. В руках он держал небольшой столовый нож, намереваясь вонзить его в тело в том месте, где находится сердце. "Брось нож", - скомандовал я спокойно. Спокойно, ибо чувствовал, что только такой подход может дать результат. Человек посмотрел на меня каким-то жалким растерянным взглядом, и нож выпал из его разжавшейся руки. Я подобрал нож. Тут подошли другие. Мы помогли раненому выйти на крылечко, где он лег. Это был

ополченец из взвода, который шел впереди нас. Я спросил его, почему он это сделал. Он ответил мне только: "...необоснованное обвинение..." и больше ничего не говорил. Вскоре подошел фельдшер и стал перевязывать раны, подошли и его товарищи. Я скомандовал саперному взводу подъем, и мы продолжали наш путь, поспевая за теми, кто шел впереди.

К вечеру мы остановились в лесу, примерно в километре от деревни Починки. Командир полка сказал нам, что мы здесь будем находиться долго, и приказал строить шалаши. На еду нам раздали черный хлеб и по полбанки сгущенного молока. Мы стали строить шалаши. Здесь нам пригодились лопатки генерала Савченко, с их помощью можно было нарубить жердей и сучьев. Орехово-зубовские плотники оказались прекрасными мастерами строить шалаши, которые походили на довольно просторные домики, имевшие даже двери. Где-то по соседству было найдено сено, которым вместе с тонкими ветками был устлан пол шалашей.

Шалаши были, в основном, закончены до темноты, и мы расположились на ночлег.

У меня, как и у большинства ополченцев, не было ни одеяла, ни пальто, и я лег на сено, закрывшись своим пиджачком, который я все-таки взял с собой. Но, несмотря на то, что было 13 июля, и стояла жаркая погода, спать было холодно, холод чувствовался особенно под утро, когда зелень и одежда стали влажными от росы и тумана.

Утром мы закусили хлебом и сыром, который был роздан по взводам, и отправились к месту, где нашему взводу было поручено заготавливать колья для проволочного забора и для вбивания кольев в поле, которое могло служить для приземления немецких самолетов, и рыть линию окопов.

Доставил нас на место военный интендант первого ранга, кадровый военный, который выполнял, очевидно, функции начальника снабжения нашего полка. Мы работали вовсю. Тут вновь пригодились маленькие лопатки и топоры, которые захватили с собой многие плотники из Орехова-Зубова.

Мы заготовили колья и стали вбивать их в шахматном порядке на указанном нам поле. Мы работали в чудесной природе на опушке молодого лиственного леса. С опушки открывался вид на поля, леса и деревни Смоленщины. Ландшафт укрался

небольшими пологими холмами. Яркая зелень лесов и полей, бездонное с одиночными, как бы застывшими, облаками небо, непривычная тишина природы - все это успокаивало и как бы гнало мысль о войне. Но мы не забывали ни на минуту, зачем мы находимся здесь, мы спешили выполнить свои задачи, думали о том, что, может быть, здесь мы или другие будут сражаться с немцами. Может быть, этот чудесный уголок русской земли станет местом, где прольется человеческая кровь. От этих мыслей становилось тревожно на душе.

В обед нас кормили какой-то кашей. Это была первая горячая пища с тех пор, как мы покинули Москву. Во второй половине дня мы продолжали свою работу. Все без исключения работали быстро и напряженно, и преподаватели уступали плотникам только в сноровке.

Когда мы вернулись с работы, нам во взвод выдали несколько винтовок с патронами. Это были польские винтовки. Теперь у нас вместе с СВТ было уже 5 или 6 винтовок. Ночь прошла спокойно. Утром мы пошли на работу, как и накануне. Часов в 10 утра мы стали слышать артиллерийскую стрельбу, которая доносилась с запада. Все стали спрашивать, что это за стрельба. Нам ответили, что это маневры. Но стрельба эта совсем не походила на стрельбу при маневрах. Ко мне подошел боец тов. Соленов и сказал: "Взводный, а это не учебная стрельба; я прослужил всю империалистическую и гражданскую войны и говорю, что это стрельба не учебная, это немцы стреляют, знаю их повадки".

Мы еще горячее принялись за работу. Окопы были уже готовы, колья для проволоки были вбиты там, где им надлежало быть, но проволоки не было. Стрельба, которую мы услышали 15 или 16 июля, то стихала, то совсем прекращалась. Была она от нас, как говорили люди, бывавшие раньше на войне, верстах в 15-20. Слышалась эта стрельба с юго-запада, где, как мы теперь знали, находился городок Ельня.

После работы мы разошлись по своим шалашам, завязались разговоры о доме, о том, как живут сейчас наши родные и близкие, как Москва, бомбят ли ее, как писать домой письма, какой у нас адрес, а вскоре все, кроме дневального, улеглись спать.

Около полуночи меня разбудил дневальный и передал приказание командира полка срочно явиться к нему. С трудом в

темноте нашел я палатку командира. Каждый входивший докладывал о приходе и садился на указанное место. Разговоров не было, чувствовалась какая-то напряженность.

Когда собрались все, командир полка сказал (эти слова хорошо сохранились в моей памяти): "Стрельба, которую вы слышали днем - не учебная стрельба. Это бои с немецким десантом, который немцы высадили с самолетов в районе города Ельня. Десант, по данным нашего командования, хорошо вооружен, многочисленен и имеет легкие танки. Сейчас наш полк займет те окопы, которые мы рыли, и будем бить немецких захватчиков".

Наступила еще большая тишина, которую нарушил командир одного из наших батальонов, сказав: "Чем мы будем бить немцев? Лопатами? Обидно ведь!" Командир полка ответил: "Будем бить лопатами, но земли не сдадим". "Есть бить лопатами",- ответил командир батальона мрачно и решительно.

Для занятия боевой позиции было приказано выстроить подразделения полка на дороге, по которой несколько дней назад мы пришли на это место. Бойцам говорить о цели построения было не приказано, это должен был сделать сам командир полка.

Через 10 минут весь полк был построен на дороге. В тиши ночи трудно было представить, что здесь стояло более полутора тысяч человек - так тихо строились люди. Временами раздавались приглушенные слова команды, и только шум шагов показывал, что здесь много людей, что здесь стоит почти целый полк. Вместо того, чтобы вести нас в сторону окопов, нас повернули в сторону востока, и была отдана команда: повзводно шагом марш!

Только потом я узнал, что в последний момент пришло приказание не занимать линии обороны и отойти к востоку.

Из состава дивизии было выбрано около 300 человек под командованием кадрового капитана. Они пошли навстречу немецкому десанту. Насколько мне известно, большинство из них погибло в бою с сильным, хорошо вооруженным противником, но действия этого отряда сыграли большую роль в деле остановки продвижения немецко-фашистского десанта. (Уже после войны я узнал, что это был не десант, а передовые части немецко-фашистской армии). Бой этого отряда с немецко-фашистским десантом, насколько мне известно, был первым боевым эпизодом в жизни 6 дивизии народного ополчения Дзержинского района

города Москвы. Командир этого отряда остался жив. В соответствии с духом того времени он был обвинен в неудаче операции. Знаю, что он долго находился под арестом и следствием в штабе дивизии. Дальнейшая судьба этого человека мне неизвестна.

После получения приказа двигаться наш полк, а вместе с ним и вся дивизия, шли по проселочным дорогам обратно к Дорогобужу. Шли мы остаток ночи, весь следующий день и только в 3 часа ночи, т.е. после 27 часов непрерывного пути, остановились около деревни Куровость или Немерзь, точно я не помню названия. (На карте Смоленской области, изданной в 1994 году - Немерзь.)

Путь этот был очень тяжел, пищи мы не получали, остановки были очень короткие, днем было жарко. Шли мы на восток, это было обидно. Но вот привал: гудят усталые ноги, плечи ноют от лямок рюкзака. Я начинаю завидовать Орехово-Зуевцам, у каждого из которых за плечами маленький мешок весом в 2-3 килограмма, не более.

На привале нам привезли прямо из Москвы пищу, которая состояла из хлеба и маринованных селедок, сыра, сгущенного молока и белых булок. В этом месте мы пробыли всего несколько часов и уже во второй половине дня пошли обратно, т.е. на запад почти по тем же дорогам, по которым пришли к Немерзи.

Путь на запад мы проделывали медленнее, проходя в сутки километров по 15. Через 2 дня пути мы дошли до местечек, расположенных западнее города Дорогобужа.

В деревнях мы не останавливались, избегая заходить в них. Ночевали всегда там, где заставала нас ночь. Постелью нам служили ветки ели, в лучшем и редком случае - пучок сена, обычно же ложились на землю. По утрам от холода и от ходьбы у меня болели суставы на ногах, но днем мы были все бодры и молча шагали на запад.

Где-то в районе Березняков (там, где мы были, на карте 1994 года указано название Березовка) наш полк остановился на один - два дня. Здесь нам выдали винтовки на всех бойцов. Теперь мы были полностью вооружены.

Когда мы стояли под Березняками, наш взвод получил боевое задание: по данным нашей разведки стало известно, что немцы будут двигаться по большой проселочной дороге, которая проходит

через деревню Барсуки, командование дивизии решило поставить заслон на этой дороге около Барсуков. Для этой цели было выделено 4 взвода, в число которых попал и саперный взвод нашего полка. Мы срочно выстроились и направились к месту, где должны были занять линию обороны. Когда четыре взвода двигались через лес, нам было приказано выделить отделение, чтобы прочесать лес справа от дороги, так как в этом лесу были замечены немецкие автоматчики.

В отряд, который выполнил это задание, вошли, как помнится, А.Ф. Смирнов, А.В. Дарков, Дьяконов и несколько Орехово-Зуевцев. Отряд выполнил задание, но немецких автоматчиков не встретил.

За Барсуками протекает маленькая речка с довольно широкой (метров 200) пойменной частью. Через эту речку перекинут мост на широкой грунтовой дороге. Вот в этом месте мы должны были занять оборону. Окопы было решено разместить на восточном берегу реки так, что ячейки стрелковых окопов были обращены на запад, в сторону деревни Барсуки.

Мы пришли на место часа в 2 дня, а уже к вечеру окопы были готовы, и мы приготовились встретить немцев, которых ожидали со стороны деревни. Здесь саперный взвод простоял два дня, но немцы не появлялись, они были, очевидно, остановлены где-то западнее. Несколько раз ночью приходилось выходить в разведку в сторону запада, за деревню Барсуки. Помню, как, пройдя километра три от наших окопов, прятались мы в посевах и смотрели на дорогу. Нам светили яркие звезды, иногда в сторону Москвы пролетали немецкие бомбардировщики, которых мы узнавали по ровному с перекатами гулу моторов.

В эти минуты мы думали о Москве, о судьбе наших близких, думали о том, что им приходится идти в бомбоубежище, проклинали немецких летчиков, которые несли смерть и разрушение нашему мирному городу.

Через два дня все четыре взвода были сняты от деревни Барсуки, и саперный взвод вернулся под Дорогобуж, где более 20 дней занимался сооружением линии обороны.

Саперный взвод запасного полка дивизии получил довольно значительный участок линии обороны юго-западнее города Дорогобужа. Этот участок являлся частью большой линии

обороны, на постройке которой работала наша дивизия. Мы копали стрелковые окопы, соединительные ходы, траншеи, окопы для пулеметов, площадки для орудий. Работы производились ночью, с тем, чтобы они были незаметны для немецкой авиации. Выкопанные сооружения маскировались дерном и ветками.

Жили мы все это время в леске, который был расположен позади линии обороны, на расстоянии полукилометра. Спали мы прямо на открытом воздухе, подложив под себя ветки и сено, которое рвали на соседнем лугу. Мы не стали строить шалашей, так как не знали, долго ли нам придется здесь оставаться. Надо прямо сказать, что жить на открытом воздухе без шинелей, без одеял и плащ-палатки было нелегким делом. Бывали случаи, что мы вымокали от дождя, и тогда замерзали так, что болели кости. Кормили нас в этот период, хотя довольно регулярно, но очень однообразно и в малом количестве. Нам привозили утром кашу, а в обед суп и ту же кашу. Кроме того, выдавали грамм по 600 черного хлеба. То, что мы работали ночью, устраивало нас вполне еще тем, что днем на солнце было тепло и можно было заснуть.

Кроме рытья окопов мы занимались изучением винтовки, строевой подготовкой, изучали выданные нам к концу июля противогазы (примерно к 25 июля 1941г. винтовки были выданы всему личному составу дивизии). Но главным нашим занятием было рытье окопов. Начинали мы работу часов с девяти вечера, когда темнело, и продолжали до четырех часов утра, т.е. до рассвета. Работали все дружно, и работа продвигалась у нас хорошо. Не всем одинаково давалась эта суровая жизнь в природе; помню, что тяжело было доценту Осокину, который не обладал хорошим здоровьем; тяжело было А.Ф. Смирнову, у которого болели почки; жаловался на свое здоровье И.В. Урбан - единственный профессор нашего взвода. Зато выносливыми были орехово-зуевцы, а из числа москвичей хорошо переносили эту обстановку ассистент кафедры "Строительная механика" Дьяконов и доцент той же кафедры Анатолий Владимирович Дарков. Дьяконов был, кроме того, весельчаком, находил возможность пошутить, работал за двоих, что вполне соответствовало его крепкому телосложению.

Несколько раз Калганов предлагал мне закрываться вместе с ним его одеялом. Я долго отказывался, но к концу июля я

воспользовался его предложением, и мы стали укрываться его одеялом вдвоем. Еще одно одеяло было у А.В. Даркова. Под ним спали вместе с Дарковым А.Ф. Смирнов и Гудков. В этот период мы с Гудковым не раз жалели о том, что оставили в Москве свои железнодорожные шинели.

Начиная с 20 числа июля месяца мы переписывались со своими родными. Сколько радости нам доставляло маленькое письмо! Получив письмо из дома, я чувствовал себя счастливым. Больше всего нас беспокоило то, как идет в Москве жизнь, здоровы ли все члены семьи? Прочитав письмо и узнав, что дома все благополучно, как-то успокаивался, еще больше хотелось жить и работать, и наша полевая жизнь, казалось, наполнялась теплом и лаской.

Зато, если письма задерживались, я начинал волноваться, в сердце ползли тревожные мысли, появлению которых способствовал переливчатый гул немецких бомбардировщиков, нередко пролетавших над нами в сторону Москвы. Да, эти письма с адресом "Действующая Красная Армия, полевая почтовая станция 235, 6-я дивизия Народного ополчения, 6-й полк (наш полк назывался 4-й запасный полк или 6-й полк, как бы дополнительный полк 6-й дивизии), саперный взвод" были для каждого из нас дороги, как были дороги и наши письма, которые получали наши родные и близкие в Москве.

В 10-х числах августа из нашего взвода был уволен И.В. Урбан, который получил освобождение от военной службы по состоянию здоровья. Числа 15 августа нас полностью обмундировали. Это было большим событием нашей жизни. Нам выдали ватные кавалерийские куртки желто-зеленого цвета со стоячими воротниками, плащ-палатки, пилотки, обувь. Я, как командир взвода, получил яловые сапоги, удивительно прочные, полевую сумку, компас, а самое главное, я получил наган номер ПМ-104 1941 г. С этим наганом я вышел из окружения под Вязьмой и с оккупированной территории. Компас долгое время хранился у меня дома, потом я передал его в музей истории и реконструкции Москвы.

Теперь мы не боялись ни холода, ни дождя. Самой замечательной из всех приобретенных вещей была плащ-палатка. Она совершенно не пропускала воду, защищала от ветра, из нее

можно было делать плащ, если шел дождь, и палатку, под которой можно было прекрасно спать, не опасаясь промокнуть.

После месяца, который мы провели под открытым небом в одних гимнастерках, мы чувствовали себя не хуже, чем обладатели теплых благоустроенных домов.

Из периода нашей жизни под Дорогобужем запомнились мне еще следующие эпизоды: над нами нередко пролетали немецкие самолеты "мессершмитты", пролетали так низко, что было видно желтоватое брюхо самолета, черные кресты на его крыльях и фашистский знак на хвостовых рулях. Отходя от расположения взвода, я стрелял по "мессершмиттам" из винтовки СВТ, причем раздобыл для этой цели бронебойные пули, но никакого результата не замечал. Спустя несколько лет мне в руки попала карточка, показывающая наглядно, как надо стрелять по летящему "мессершмитту", и я увидел тогда, что стрелял совсем неправильно: я брал опережение не более, чем на один корпус, а надо было брать опережение на 2-3 корпуса. Очень пожалел я тогда, что нам вовремя не указали, как надо стрелять по немецким самолетам.

В конце июля наш взвод рыл окопы на большом гороховом поле. Горох был уже спелым, его стручки были полны зерен. Мы все с удовольствием лакомились этим зеленым горохом, казавшимся нам вкуснее самых вкусных яблок. Помню, как встретился я однажды ночью с Ледовским В.И. – профессором, орденоносцем нашего института, старым членом партии. Он рыл окоп, соседний с одним из окопов нашего взвода. Я подошел к нему и поздоровался, он ответил мне. Я спросил его, не трудно ли ему копать? "Нет,- сказал он,- сейчас нет ничего трудного",- и продолжал копать энергично и напряженно.

Около 15 августа запасный полк был расформирован, и его людской состав был распределен по другим частям нашей дивизии. Саперному взводу было приказано явиться в военные лагеря юго-восточнее Дорогобужа, где все это время располагался штаб дивизии. Мы должны были помогать хозяйственной части штаба грузить обмундирование, продукты и другие вещи, что было вызвано передислокацией штаба на новое место. Не без некоторого сожаления покинули мы лесок, где прожили чуть ли не целый месяц. Я скомандовал: "На ремень!", и взвод зашагал в сторону бывшего расположения штаба дивизии. Мы пришли на территорию

лагеря часов в 12 дня 10 или 11 августа (дату я установил по сохранившимся дома письмам), правда, возможно не точно, так как в письмах о перемене положения части мы не писали.

Около лагеря в лесу я нашел большой склад кружек и котелков. Это был склад какой-то части, стоявшей здесь раньше. Склад оприходовала наша хозяйственная часть, мы взяли себе эмалированные кружки и котелки. Мы производили погрузку, приводили в порядок расположение лагеря. Работы было не так много, и к концу дня она была почти закончена. Спокойный летний день клонился к вечеру. Здесь вблизи линии фронта ничто не нарушало тишины природы, даже ветер не колыхал листья деревьев, было очень тепло.

В километре от лагерей мирной жизнью жил маленький городок Дорогобуж. Думал ли кто-нибудь, что сегодня этот городок превратится в развалины, что многие его мирные жители - женщины, старики и дети, будут убиты и искалечены, потеряют своих родных и близких.

В Дорогобуже не было никаких военных объектов, армия в этот период войны размещалась, как правило, вне населенных пунктов. Единственный военный объект Дорогобужа представляла пекарня, в которой выпекали хлеб для нашей дивизии. Так что Дорогобуж был самым мирным, самым невоенным городом, и вот его то выбрала фашистская авиация в качестве объекта одной из своих бесчисленных бомбардировок.

Около пяти часов дня с запада показался отряд фашистских бомбардировщиков, состоявший из 7 или 8 самолетов. Мы заметили эти самолеты раньше, чем поняли зачем они летят. Они сделали круг над городом на очень малой скорости, почти выключив моторы, затем первый самолет пошел в пике. С того места, где мы находились, хорошо было видно всю эту нелепую по своей бесчеловечности картину.

Первый самолет пикировал над городом по прямой, которая была не положе 60 градусов к горизонту. Он летел беззвучно, выключив мотор, и так низко спустился, что нам одно время казалось, что он упадет на землю, но сейчас же он показался над городом. Вслед за тем раздался взрыв от сброшенных им бомб. Все остальные самолеты повторили то же пике, что и первый, но они выходили из пике раньше, чем он, и было видно, как от них

отделялся смертоносный груз, и затем раздавались взрывы. С удивительным хладнокровием фашистские бандиты уничтожали Дорогобуж и его жителей, над городом поднялся столб огня и дыма.

Разгрузившись от бомб и продемонстрировав виртуозную технику пикирования и бесчеловечное хладнокровие, не встретив никакого сопротивления, отряд бомбардировщиков выстроился над городом и улетел в западном направлении. Мы думали, что на этом бомбежка закончена, но это было не так. Через несколько минут на дороге со стороны горящего Дорогобужа показались несчастные жители. Они бежали, даже не оглядываясь назад. Женщины тащили за руку маленьких плачущих детей, кто-то тащил на плечах мешок с вещами, кто-то вез остаток своих вещей на тележке, большинство же шло из своего родного города без вещей. Куда они шли, о чем они думали?

В это время над городом появился тот же отряд бомбардировщиков и вновь повторил свое страшное дело. Как черные вороны кружились "юнкеры" над горящим городом, бросаясь на беззащитный Дорогобуж, как ворон с высоты бросается на свою жертву.

Нельзя забыть этой страшной картины! Пылающий город, объятый пламенем и дымом, взрывы бомб, бегущие по дороге жители, и над всем этим - парящие в высоте черные птицы - фашистские пикирующие бомбардировщики.

Вечером нашему взводу было приказано двигаться в район деревни Подмошье, около которой разместился теперь штаб дивизии. По дороге я выбросил лишние вещи из моего рюкзака и в том числе девять книг, которые я взял с собой. Я оставил только какой-то справочник по саперному делу.

Мы пришли к месту расположения штаба нашей дивизии ночью. Мне указали палатку, где находился командир дивизии; получив разрешение, я вошел и увидел тов. Савельева. Даже не увидел, так как в палатке было темно, а слышал его голос.

Я доложил, что саперный взвод прибыл, он сказал, что мы вольемся в состав саперной роты при штабе дивизии и приказал нам располагаться на ночлег. Я забыл сказать, что в августе из саперного взвода были уволены наши товарищи, которым было более пятидесяти лет. Мы распрощались с товарищами Левиным и

Соленовым, передали через них письма домой и пожелали им счастливого пути.

Наутро командир саперной роты тов. Авдеев А.В. при моем участии распределил состав нашего взвода по другим взводам роты. Часть наших товарищей попала в группу дивизионного инженера. К ним относились: Калганов, Дарков и, если мне не изменяет память, несколько позднее в эту группу были направлены Осокин и Дьяконов. Я был назначен на должность помощника командира третьего взвода саперной роты. Командиром взвода был военный инженер второго ранга тов. Князьков Константин Николаевич - добродушный человек богатырского телосложения.

Саперная рота располагалась рядом с огромной шелковой палаткой, в которой находился комиссар дивизии. В этой палатке происходили инструктивные совещания с комиссарами полков и с политруками отдельных подразделений.

В леске около палатки комиссара расположилась саперная рота. Каждый из плащ-палатки устроил себе двускатный шатер, окопал по периметру небольшой канавкой, чтобы стекала вода, наложил под навес сучьев и травы и устроил себе хороший дом.

Иногда, лежа в своей палатке, я слышал голос комиссара Савельева, когда он читал лекцию на политические темы для политработников дивизии. Я вспоминал институт, вспоминал, как Савельев читал нам, аспирантам, курс философии. И тогда я видел, как много изменилось за эти полтора месяца. На всем огромном фронте от Белого моря до Черного шла Отечественная война с гитлеровской Германией. Немецкие войска продолжали еще наступать на Украине. На центральном фронте, частицей которого была и наша дивизия, положение стабилизировалось. Немцы не продвигались. Наша дивизия была в это время в резерве фронта и передовой линии обороны не занимала. Положение было в это время очень напряженное, немцы заняли огромную территорию в западных и юго-западных районах страны. Немецкие самолеты продолжали бомбить наши города, немецкая авиация явно господствовала в воздухе на всех участках фронта, особенно это чувствовалось на Центральном фронте. Очень много говорили в то время о всяких немецких шпионах. Разговоры о шпионах, различные статьи о шпионах в газетах взвинчивали и без того

тяжелую обстановку. Боязнь шпионов вносила недоверие в нашу среду и часто мешала нашей борьбе и работе.

С другой стороны мы не понимали немцев: мы еще не осознали, что фашисты, пользуясь подкупом и опираясь на националистические и реваншистские настроения, имели на своей стороне большинство немецкой нации, которая, обманутая Гитлером и его сподручными и ослепленная легкими удачами своих военных авантюр в Европе, действовала решительно и, видимо, единодушно на нашем фронте.

Мы ждали пробуждения классового сознания в солдатской массе немецкой армии, верили в то, что большинство этой армии воюет против своей воли, но надо прямо сказать, что в то время это был самообман.

Потребовалась школа Великой Отечественной войны, прежде чем сознание несправедливости войны с Советским Союзом проникло в широкие массы гитлеровской армии. К тому же, надо заметить, что немалую роль в настроении гитлеровской армии в начале войны играло ее преимущество в технике, особенно в авиации, в стрелковом оружии (большое число автоматов), в минометах, в танках; только в артиллерии мы не только не уступали немцам, но и превосходили их.

Все эти мысли возникли у меня в связи с воспоминанием о том, как Михаил Никитич Савельев вел беседы с политруками и комиссарами частей нашей дивизии. В то время мы еще не знали как следует немецкой армии: с одной стороны, мы думали, что большинство немецких солдат чуть ли не силой принуждают воевать против нашей страны, с другой стороны, мы во много раз преувеличивали и число, и какую-то необыкновенную ловкость немецких шпионов.

Ознакомление с немецкой армией в процессе войны, ознакомление с ее сильными и слабыми сторонами, реальное представление о немецкой армии способствовало, как и многое другое, нашим дальнейшим успехам, которые привели нас к победе в Великой Отечественной войне. Я делаю здесь вывод, может быть, и общеизвестный, но вывод, к которому я и многие участники войны пришли на основании опыта военных лет. Знание противника, реальное представление о нем сильно облегчают борьбу с ним.

Штаб дивизии располагался в лиственном лесу недалеко от маленькой деревни Подмошье. Кроме палаток на территории, занятой штабом, было построено несколько блиндажей для командования и наиболее важных отделов штаба на случай бомбежки немецкими самолетами. В постройке этих блиндажей большое участие принимала саперная рота. Кроме постройки блиндажей саперная рота, как и другие части дивизии, усиленно проводила различные военные занятия. Мы проходили строевую подготовку, изучали различные инженерные сооружения, занимались подрывным делом, изучали подготовку противотанковых минных полей, учились пользоваться противогАЗами и тренировались ходьбе в противогАЗах.

Третий взвод саперной роты занимался обычно на территории деревни Подмошье или около нее. В этот период дивизия приобретала необходимый опыт, выучку и тренировку. Мы теперь были похожи на кадровую армию, нас отличали только кавалерийские куртки. Теперь мы были полностью вооружены, обмундированы и представляли боеспособную стрелковую дивизию.

В это время мы были резервом фронта, но нередко отдельные части дивизии и в этот период принимали участие в борьбе с немецкими разведчиками, с немецкими парашютистами, с отдельными автоматчиками немцев, которые просачивались иногда на нашу сторону фронта.

Помню, как один связист рассказывал, как они во время проводки линии связи увидели, что с немецкого самолета было сброшено несколько парашютистов. Заметив их, связисты уничтожили всех парашютистов, перестреляв их всех в воздухе.

Как-то раз на территорию, где располагались наши подразделения, был вынужден приземлиться немецкий бомбардировщик, поврежденный огнем нашей зенитной артиллерии. Ополченцы задержали экипаж самолета и привели его в штаб дивизии. Пленные немцы были направлены в штаб армии.

Я, конечно, не перечислю всех эпизодов, в которых участвовали ополченцы шестой дивизии в это время, т.к. мне известны только некоторые из них, но эти эпизоды имели место, и их было не так уж мало. Но в основном, период, когда штаб дивизии стоял около деревни Подмошье, характеризуется как

период напряженной военной учебы, период освоения техники и интенсивной подготовки частей и подразделений дивизии.

Остановлюсь на некоторых эпизодах этого периода.

Числа 20 августа командир роты Авдеев приказал мне явиться к комиссару дивизии за получением поручения. Комиссар дивизии приказал мне получить 20 тонн тола в полевом складе В.В. какого-то саперного батальона 20 армии. Мне была выдана соответствующая бумага, где указывалось, что мне, младшему лейтенанту Зылеву Б.В., доверяется получить на указанном полевом складе 20 тонн тола. В бумаге ссылались на согласие командования 20 армии, и указывалось положение полевого склада.

Для выполнения задания было выделено 10 полуторок, а мне дана карта района, где находился полевой склад.

Через несколько минут мы уже были в пути, примерно через два часа мы без особых затруднений отыскали полевой склад; он охранялся. Начальник охраны, молодой сержант, прочитал бумагу и сказал, что он не может выдать тол без приказа командира батальона.

Узнав от сержанта расположение штаба саперного батальона, я оставил в леске около склада 9 автомашин и поехал в штаб батальона.

Наша дорога шла через Дорогобуж. Раньше я никогда не видел этого города, хотя мы 20 дней работали в его окрестностях.

От города осталась только часть - одна улица, которая называется Ямщиной. Эта улица отходит от города вдоль по дороге. Весь же маленький город был превращен в руины. Странно выглядел этот город: местами от дома остались лишь стены, а то и одна печка с трубой - все остальное сгорело. В обгоревших комнатах можно было увидеть обгоревшую кровать, на окнах - обгорелые, покрытые копотью цветочные горшки. Сквозь руины разрушения проглядывало лицо маленького русского города и, казалось, спрашивало своих разрушителей: "За что?"

В штабе саперного батальона тоже отказались выдать тол по предъявленной мной бумаге и направили нас в штаб корпуса, который, к счастью, был расположен в соседней деревне.

Но и в штабе корпуса нам не повезло: корпус отказался выдать тол без приказа начальника инженерной службы армии. Мы узнали расположение штаба армии и поехали туда; до штаба было

километров 15-20. Ехали мы в направлении северо-запада. С трудом мы нашли по указанным нам приметам штаб 20 армии, который располагался в лесу. Только в два часа ночи нашел я начальника технической службы армии. Это был генерал-майор технической службы. Он спал, положив под себя сиденье от грузовой автомашины. Я разбудил его. Прочитав бумагу и выслушав мой краткий рассказ, каким образом я попал к нему, он написал на моей бумаге: "Выдать 6 ДНО 20 тонн тол", расписался и сказал: "Как хорошо, что есть еще люди, которым нужен тол". Побывав в штабе корпуса и в штабе саперного батальона, наша машина часов в 7 утра стояла около полевого склада взрывчатки. Перевезли мы тол в две поездки. Машины брали не более одной тонны груза из-за плохих проселочных дорог.

Только часов в 11 ночи я доложил комиссару дивизии об успешном выполнении задания. Тол этот, насколько мне известно, был использован для установки минных полей и для минирования дорог в районе передней линии обороны. Задание было выполнено без особых осложнений, если не считать того, что нам несколько раз приходилось прятать машины по сторонам дороги, когда над нами пролетали немецкие самолеты.

В этот период мне пришлось наблюдать не одно воздушное сражение. Как сейчас помню воздушный бой, который проходил прямо над местом расположения штаба дивизии. Вечерело, вдруг раздался оглушительный рев моторов, и три самолета с бешеной скоростью промчались над нашими головами на высоте 100-150 метров. Один самолет был наш, а два другие - "мессершмитты". Наш самолет был из числа тех совершенных машин, которые в скорости не уступали "мессершмиттам". В первые месяцы войны таких самолетов было очень мало. На самолете был мужественный пилот. Он вступил в бой с превосходящим его противником. Тактика, выбранная нашим летчиком, была такова: летая низко над землей, настолько низко, как позволяли верхушки деревьев, он делал возможно меньшие круги и пытался зайти "мессершмиттам" в хвост. Летчик, как видно, обладал необходимыми качествами для принятой им тактики: эти качества состояли из мужества и колоссальной выносливости, позволявшей делать маленькие круги на огромной скорости. Но "мессершмитты" использовали свое численное превосходство: поочередно уходя от преследования, они

заходили ему в хвост. Самолеты сделали над нами 4 или 5 полных кругов; они летали, как метеоры, сотрясая все бешеным ревом моторов, к которому присоединялись пулеметные очереди. Почему-то нам в это время не разрешали стрелять в немецкие самолеты, и мы не могли ничем помочь нашему летчику!

Вдруг черная полоса дыма показалась за хвостом нашего самолета, и он на полной скорости врезался в землю на опушке леса, в котором располагался штаб дивизии. Летчик был убит. В его партийном билете лежала телеграмма, в которой его поздравляли с днем рождения. Какое трагическое совпадение! На груди у него был орден Боевого Красного знамени.

Мы все были очевидцами мужества, проявленного этим замечательным человеком. Он был похоронен товарищами из авиационной части, в которой он служил.

В это время появилось новое средство борьбы с танками: это были зажигательные бутылки. Одни из них загорались после попадания в танк с помощью спичек, прикрепленных к бутылке (специальную большую спичку надо было зажигать до бросания бутылки). Другие бутылки зажигались при разбивании. Эти бутылки назывались КС. Мы получили зажигательные бутылки в специальных сумках и учились ими пользоваться, бросая бутылки в твердые предметы с расстояния 20-25 метров.

В двадцатых числах августа состав дивизии принимал военную присягу. В саперной роте это происходило так: рота была выстроена для принятия присяги, перед строем роты стоял командир роты и представитель политотдела роты. Каждый ополченец выходил вперед, читал перед строем роты военную присягу и расписывался в ее принятии. Принятие присяги происходило в торжественной обстановке, тишину леса нарушал только голос ополченца, принимавшего присягу, да иногда вдали раздавались пушечные выстрелы.

Давно уж мы замечали, что на нашем участке фронта готовятся большие боевые операции. Со стороны Москвы шли танки, тягачи с орудиями, машины везли ящики со снарядами. На машинах и пешком двигались в сторону запада кадровые войсковые части. Все говорило за то, что готовилось наступление на немецко-фашистских захватчиков.

На нашем участке фронта происходили активные боевые действия, часто на западе гремели орудийные выстрелы, больше стало наших самолетов. В сторону немцев пролетали наши бомбардировщики и штурмовики. По дороге, которая проходила около расположения штаба дивизии, ехали пополнения, а с фронта везли раненых.

Развертывались операции по первому большому контраступлению наших войск на немецко-фашистские войска в районе Ельни.

В конце августа меня назначили на должность коменданта штаба дивизии. Это была для меня совершенно новая и незнакомая работа. Главные мои обязанности заключались в охране штаба, особенно в ночное время, расквартировании командования и отделов штаба при передислокации, наблюдении за общей маскировкой штаба и прибывающих машин и наблюдении за светомаскировкой в ночное время. Я не имел навыка в выполнении этих функций, и эта работа требовала от меня большого напряжения. Спать приходилось очень мало, и то только под вечер, когда заканчивалась основная дневная работа в штабе, и от рассвета до 8-9 часов. Ночью надо было проверять караулы, впускать и выпускать с территории штаба машины, приехавшие из частей. Насколько помню, в конце августа штаб дивизии передислоцировался в сторону фронта и расположился в маленькой деревне Костино. Отделы штаба разместились в крестьянских домах, комендантское отделение во главе со своим командиром Волковым Александром Сергеевичем (хорошо помню его имя и фамилию, но в отчестве полной уверенности нет) расположилось в каком-то сарайчике на окраине деревни. Я разместился вместе с ними.

Период жизни в Костино мало чем отличался от периода жизни около деревни Подмошье. В этот период части дивизии продолжали осваивать полученную технику и проходить военную подготовку в полевых условиях. Но в штабе шла напряженная работа: готовилось и начало осуществляться наступление наших войск в районе Ельни, и, хотя части дивизии непосредственного участия в боевых операциях 24-ой армии, в которую входила наша дивизия, еще не принимали, но время, когда наша дивизия должна была занять участок переднего края, приближалось, и все ждали

этого момента. Моя жизнь изменилась значительно: я был занят чуть ли не целые сутки, выполняя обязанности коменданта. Приедет машина из части и остановится около одного из домов, где размещен какой-нибудь отдел штаба, а мне нагоняй: "Почему машина не замаскирована, почему она не убрана под навес или под деревья?" Поэтому большинство машин останавливалось около деревни в лесочке.

В Костино пришлось повидаться с ополченцами, которые уезжали в институт: с Никитиным В.В.- преподавателем кафедры математики, увольняемым из ополчения по возрасту, и Саухиным - монтером нашего института, увольняемым из ополчения по состоянию здоровья.

В штабе мы больше встречали людей, которые уезжали в Москву или приезжали из Москвы. Мы теперь получали больше сведений о жизни института и наших родных. Особенно запомнилось мне одно известие: жена писала мне, что мы ждем теперь ребенка. Это известие имело для меня какое-то особое значение, оно создало приподнятое настроение, давало какие-то новые, еще неизвестные мне до сих пор силы.

Институт наш продолжал работать, был произведен набор студентов на первый курс, папа, как и ранее, возглавлял экзаменационную комиссию. Его фотография была опубликована в газете "Вечерняя Москва" с подписью: "Профессор Зылев В.П. экзаменует поступающих в МИИТ по математике". Жизнь моей семьи была неразрывно связана с моей жизнью, и, хотя нас разделяло большое расстояние и разные условия, наши жизни были неразрывны.

Однажды к нам в дивизию во второй половине августа приехал из Москвы ансамбль Красной Армии под управлением Александрова. Одно из его выступлений состоялось в лесу поблизости от деревни Костино. На небольшой прогалине поставили рядом два грузовика с открытыми кузовами. Эти кузова образовали своеобразную сцену, на которой выступали солисты, певцы и танцоры. Музыканты окружили машины, расположившись на земле вокруг них, далее сидели ополченцы. Здесь были работники штаба дивизии, часть батальона разведки и саперной роты. Слушателей было не менее пятисот человек. Мы тихо сидели на лесной траве и ждали, когда ансамбль начнет свое выступление.

Разговаривали мы мало. Было что-то торжественное в этом лесном фронтовом выступлении известного всей стране ансамбля.

С запада доносилась орудийная стрельба, каждую минуту могли показаться вражеские самолеты. И все это делало выступление ансамбля особенно впечатляющим, особенно торжественным и особенно интересным. Это настроение было общим, и это воодушевляло артистов, которые, казалось, выступали особенно хорошо.

Когда хор ансамбля исполнил свою знаменитую песню

"Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой...".

Наступила восторженная тишина, разразившаяся бурей рукоплесканий. Когда аплодисменты смолкли, встал командир батальона разведки командарм второго ранга Орлов Ф.М. и своим громким голосом сказал: "Слава Сталину, прошу повторить еще раз!", и ансамбль спел свою песню во второй раз. С тех пор я запомнил эту песню и помню ее и теперь.

Недолго штаб дивизии стоял в Костино. Как-то в самых первых числах сентября я получил приказ выехать в 3.00 утра в деревню Пожогоино-Богородицкое (это две соединившиеся деревни, на карте Смоленской области 1994 года - Богородицкое) и подготовить помещения для размещения отделов штаба дивизии, которые должны были к 8.00 прибыть к месту новой дислокации.

Как-то особенно относились мы к этому перемещению, ведь оно происходило на запад, в деревню, которая еще два дня перед тем была передним краем нашей обороны, а теперь осталась в тылу нашей армии. Ведь наша передислокация была связана с первыми нашими боевыми успехами и участием в них 6-ой ДНО.

Резервный фронт силами 24-ой армии перешел в наступление и под натиском Красной Армии немцы отступили, оставив города Ельню и Ярцево. Конечно, теперь, после Великой Отечественной войны, ельнинское наступление не выглядит особенно значительным и особо большим, но тогда это наступление имело особое значение, т.к. оно было первым наступлением нашей армии на довольно большом участке фронта. Мы видели в нашем перемещении начало пути на запад, начало нашей победы. Мы

верили, что враг уже теряет свои силы, и что теперь начнется наш успех, который приведет нас к победе. Хотелось посмотреть места боев, увидеть немецкую технику, вступить на освобожденную от врага нашу родную землю.

С этими мыслями прибыли мы еще до рассвета в Пожогоино-Богородицкое, большое село, пострадавшее порядком от немецкого артиллерийского обстрела. Группа, в обязанности которой входило размещение штаба, состояла из части комендантского отделения, представителей АХЧ (административно-хозяйственная часть), представителей 1-го отдела штаба и представителей политотдела. Мы должны были осмотреть все дома и решить, какой отдел штаба разместится в том или ином доме.

До войны в Пожогоино был большой и богатый колхоз. Мы увидели оборудованный скотный двор, теперь он был пуст, коровы и лошади были эвакуированы в тыл. Помещения скотного двора были еще совсем новые, и тем более странными выглядели разбитые стены, развороченная кровля и другие следы артиллерийского обстрела. В колхозе имелся небольшой клуб, в котором до войны показывали кинофильмы. Он тоже был поврежден снарядами и для размещения штаба был непригоден.

В деревне сохранилось довольно много жилых домов, правда, почти все стекла в них были разбиты; но их можно было заклеить бумагой.

Вот уже показалось солнце, а мы осматривали один дом за другим, шагая через обгорелые балки, через груды кирпичей, оставшихся от какой-нибудь печи.

В деревне было довольно много жителей: некоторые из них прятались во время боев в соседнем леске или даже оставались в деревне. Другие уже успели вернуться из соседних деревень, где они находились в то время, пока Пожогоино располагалось в районе передовой линии нашей обороны.

К приезду штаба мы распределили между отделами подходящие для них дома. Часов в девять стали прибывать первые машины с людьми и оборудованием. Для командира дивизии полковника Шундеева я выбрал самый сохранившийся дом. Этот дом был расположен на восточном склоне холма, на котором стояла основная часть деревни. Дом уцелел от артиллерийского обстрела,

т.к. с запада он был загорожен холмом; мне казалось, что это самый подходящий дом для командира дивизии.

Не успели мы разместить все отделы, как ко мне подошел связной и передал приказание явиться немедленно к полковнику Шундееву. Получив впервые вызов к командиру дивизии, я почти бегом направился к его дому. Доложив полковнику по всей форме, я стоял, дожидаясь его приказаний. Чувствовалось, что полковник нервничал. Рядом с ним в комнате сидел комиссар дивизии.

Прежде, чем начать говорить, тов. Шундеев постучал пальцами по столу, покраснел и вдруг обрушился на меня с раздраженной речью, которая напоминала более всего ругань: "Вы что, командир или тряпка, разгильдяй, идиот?" И слова, и тон, которым они были произнесены, ввели меня в полную растерянность. Я посмел только спросить: " В чем я виноват?" "Что, не могли вы найти для командира лучшего дома? Вы что, не знаете, что крайний дом для командира выбирать нельзя: могут быть диверсии, нападения из леса! Марш бегом в деревню и отыскать мне дом, какой нужно!" Я повернулся и бегом бросился в деревню. Еще раз перебрал я свободные дома, но все они были хуже того, в котором остановился полковник. Выбрав дом, я вернулся к нему и доложил, что мне удалось найти. К моему удивлению гнев полковника куда-то исчез. Он выслушал меня и сказал, что остается в этом доме, "...но в следующий раз выбирайте дом для меня как следует". Я был свободен.

Штаб уже приступил к своей работе: Волков расставил охрану, и мы вместе с ним пошли отдохнуть в наше новое жилище, которое находилось в большом сарае для сушки и теребления льна. Сарай находился на юго-западной окраине Пожогина. С холма, на котором стоял этот сарай, открывался чудесный вид на запад и юго-запад. По склонам холма тянулись огороды, далее по равнине текла небольшая речка, за которой виднелись леса, а перед ними раскинулась широкая полоса лугов; на небе мирно плыли облака, солнце освещало эту картину яркими лучами, воздух был полон ароматом полей. В природе стояла тишина, не было слышно орудийной стрельбы, и мы, расстегнув свои ополченские куртки, сидели, прислонившись спиной к сараю, наслаждаясь коротким отдыхом после бессонной ночи.

После обеда начальник АХЧ тов. Коршунов приказал нам очистить территорию деревни от невзорвавшихся немецких снарядов. Так как все люди комендантского отделения были заняты охраной, уборкой этих снарядов занялись Волков и я. Мы собирали невзорвавшиеся снаряды по дороге и дворам и относили их в овраг метров за 100 от деревни.

Работа эта заняла очень много времени. Мы стащили в овраг не менее полутора сотен снарядов. Большинство снарядов было небольшого размера, но попадались снаряды диаметром более 20 см. Эти снаряды мы обвязывали проволокой и тащили их волоком. На снарядах стояли немецкие буквы, а иногда и даты их изготовления.

Никогда я не видел такого количества невзорвавшихся снарядов. Думается, что они не взорвались по доброй воле наших немногочисленных немецких друзей того времени. Если бы было возможно проследить путь, каким эти снаряды попали на нашу землю, то этот путь мог бы привести нас к нашим друзьям, работавшим в немецком тылу.

Комендантское отделение, на котором лежала обязанность по охране штаба, состояло из ополченцев, которые до войны являлись работниками НКВД, работавшими на охране Кремля. Большинство из них были в прошлом пограничниками. Они умели хорошо нести караульную службу.

Из бойцов комендантского отделения запомнил я тов. Бабкина и тов. Зарубина: оба они до войны работали в органах НКВД.

С возвышенности, на которой была расположена деревня Пожогина, по ночам была видна далекая линия фронта; обозначалась она пожарами и яркими вспышками немецких осветительных ракет. Иногда ночью можно было увидеть до трех огромных пожаров: то горели подожженные немцами города и села Смоленщины.

Тяжелое чувство вызывали у меня эти далекие пожарища. Багровые у горизонта, они поднимались к небу темными облаками дыма, черного, как горе, нависшее над нашей родиной.

Однажды днем комендантское отделение и приданное в помощь для охраны отделение саперного батальона (саперная рота в начале сентября была преобразована в батальон) обедали, расположившись около сарая. Вдруг над нами просвистела одна, за

ней другая и третья пули. Одна из пуль попала в столб, стоящий около сарая. Оставив свои котелки, мы спрятались за сарай и за выступы земли.

Кто-то стрелял в нас со стороны леска, примыкающего к Пожогоину с южной стороны.

Выстрелы повторились еще несколько раз. Разделившись на две группы, мы двинулись к лесу, стараясь быть незаметными для стрелявшего. Мы долго обыскивали лес, но никого найти не смогли. Однако, вечером по дороге, идущей мимо этого леска, ехал вестовой из штаба 24 армии. Его вновь обстреляли, но, к счастью, не попали ни в него, ни в его лошадь.

Отступая, немцы оставляли на нашей территории одиноких стрелков-кукушек, которые занимались пусканием ракет, указывая их направлением объекты для бомбежки немецким самолетам и производили отдельные диверсии, вроде обстрела, которому подверглось комендантское отделение.

В борьбе с ракетчиками не обошлось без курьезов: однажды меня вызвал кто-то из руководящего состава штаба и, указывая на яркую звездочку над лесом, сказал: " Я видел, как из леса была брошена ракета, вон она висит над лесом. Пошли людей или сам обыщи лес. Надо задержать ракетчика". Я посмотрел в указанную сторону и увидел планету Марс, красноватую звездочку, которая в этот вечер особенно ясно выделялась на ночном небе. "По-моему, это Марс", - сказал я несмело. Кто-то, из стоящих рядом, поддержал меня. Но не тут-то было! Мы получили приказ обыскать лес. Двумя группами во главе со мной и Волковым мы обшаривали пустой и безмолвный лес. Когда мы вернулись в штаб усталые и исцарапанные сучьями, то в штабе уже никто не сомневался, что мнимая ракета была, действительно, планетой Марс, которую, несмотря на все наши старания, мы поймать не могли.

Помню еще один случай: ночью соблюдалась строжайшая светомаскировка, и вдруг, проходя ночью по Пожогоину, мы с Сашей Волковым увидели, как в окне одного из домов то вспыхивал, то погасал огонек. Вспышки повторялись периодически, это нас заставило насторожиться.

Дом стоял в стороне от дороги, метрах в ста от основной части деревни. Тихонько, держа наганы наготове, мы приблизились к дому и подошли к окну, в котором мигал огонек.

Нашим глазам представилась следующая картина: окно было завешено какой-то драной овчиной с большой дырой вместо рукава. Через эту дыру и мигал огонек. В небольшой комнате около печки сидела женщина и при свете лучины что-то вязала. С русской печи торчали детские ножки. Женщина встала, взяла ухват, подошла к печке, открыла заслонку, и на нас упал яркий свет пылающих в печке дров. Повернув горшок с варившейся в нем пищей, женщина закрыла заслонку и села вязать. Через некоторое время повторилось то же самое.

Теперь мы поняли, откуда происходили эти заинтриговавшие нас "сигналы". Волков постучал тихонько в дверь и сказал хозяйке, чтобы она получше закрыла окно, что и было сделано.

Но были в Пожогоино и печальные эпизоды. Вскоре после передислокации штаба в Пожогоино нам стал известен такой случай: какая-то группа ополченцев или, возможно, группа рабочего батальона, нашла труп убитого немцами советского командира; к трупу подошли несколько человек. Когда труп стали трогать, чтобы найти документы, раздался страшный взрыв, которым было убито и ранено пять человек. Немцы заминировали труп, не постеснявшись использовать его в качестве "мины - сюрприза".

В этот период, когда штаб дивизии располагался в деревне Пожогоино-Богородицкое, большинство частей дивизии продолжали военную учебу, занимались разминированием минных полей, оставшихся после отхода немцев, собирали немецкую трофейную технику, вели борьбу с ракетчиками и немецкими парашютистами, участвовали в постройке оборонительных сооружений, в рытье противотанковых рвов, в установке минных полей и ряде других работ. Но часть полка полковника Н.А. Оглобина и одна из рот батальона разведки участвовали в боях по освобождению города Ельни от фашистской армии.

Дивизия теперь была полностью укомплектована, в том числе, и артиллерией. Теперь она была крепким боеспособным подразделением, готовым выполнить любое задание командования.

В эти дни, не помню по какому поводу, мне пришлось побывать в небольшой деревне, расположенной к западу от Пожогоина. От Пожогоина до этой деревни мы шли пешком. Равнина за речкой была изрыта воронками от снарядов и мин.

Вот линия окопов. На дне окопа лежит книжка. Я поднял ее и прочитал на заглавном листе надпись, сделанную нашим бойцом во время боев: "Хочется спать, но этот обстрел не дает заснуть даже на минуту". Эта маленькая фраза дала представление о том, что было здесь несколько дней тому назад.

За линией окопов мы увидели убитого красноармейца. Он лежал лицом к земле, распластав руки, как бы обнимая ими землю. Я обыскал карманы гимнастерки и шинели; думал найти документы, но нашел лишь записную книжку, которая была заполнена незнакомыми мне восточными иероглифами. Эту книжку мы сдали в штаб. Вырыв тут же могилу, мы схоронили тело безвестного бойца, отдавшего свою жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками.

Пройдя еще несколько сотен метров, мы подошли к месту, где находилась линия немецкой обороны. А вот и немецкие окопы, а за окопами - блиндажи. Вот логово нашего врага на нашей земле. С нескрываемым волнением рассматривал я все, что осталось здесь после немцев. Хотелось как можно лучше понять кто они, как они живут, чем отличаются от нас, какое у них оружие.

Прежде всего попались мне на глаза немецкие журналы. Запомнились мне две фотографии. На одной из них был сфотографирован горящий Смоленск. Железнодорожные пути, разрушенное здание вокзала, а дальше в столбах пламени и дыма - горящий город. Надпись гласила: "Горящий Смоленск".

Кто мог развлекаться подобными фотографиями? Неужели за этими обгорелыми стенами, за этими кострами, в которых сгорали жилища наших русских людей, не увидели немцы великого горя людей, на которых обрушились эти бесчеловечные испытания? Или немцы, которые бомбили, фотографировали и читали, не имели представления о человеческих страданиях?

Вторая фотография изображала Гитлера на военном параде. Он ехал, стоя на машине, вытянув вперед руку, а перед ним стояла, как каменная масса, армия в несколько десятков тысяч человек. Что-то холодное, отталкивающее было в этой застывшей вышколенной и вылощенной массе людей; это была та черная сила, которую должна была сломить наша Красная Армия.

В блиндажах валялись немецкие противогазы: они были значительно легче наших. Было много патронов и мин.

Я посмотрел на даты, стоящие на патронах. На большинстве патронов стояла дата 1934-35г. Так вот когда задумали гитлеровцы свой поход на Советский Союз!

За деревней валялись ящики из-под снарядов: бросалась в глаза их аккуратная выделка и прочность, и особенно ремни, такие же толстые, как у нас гимнастерочные. Удивили меня огромные подковы. Я представил себе лошадей, подкованных этими подковами; эти лошади должны были быть крупнее наших московских ломовых лошадей.

Очень аккуратно были открыты выброшенные консервные банки; я подумал - немецкая аккуратность. Я увидел интересный, золотистого покрытия, легкий телефонный шнур; тогда у нас таких шнуров еще не делали. Наконец, я увидел мешок, связанный из бумажных ниток и очень крепкий. А вот разбитая немецкая штабная машина, а недалеко от нее - развороченный тяжелым снарядом немецкий танк с коротенькой толстой пушкой и с белыми крестами по бокам.

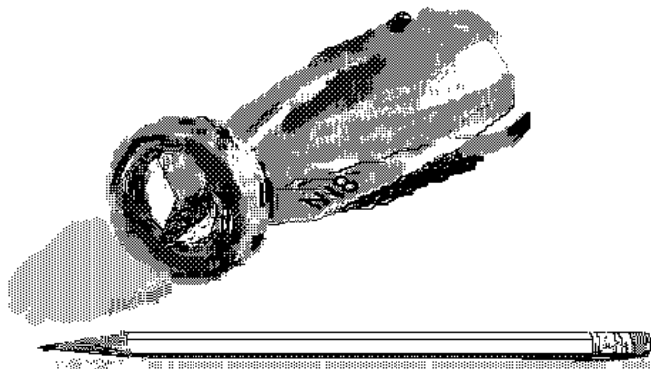
Это первое знакомство с немецкими вещами и с бытом немецкой передовой очень много дало мне в познании нашего врага. Это первое непосредственное знакомство убедило меня в том, что немцы - люди, что у них есть разные стороны, но нет ничего необыкновенного.

Немецкие блиндажи были сделаны значительно хуже наших, сразу было видно, что мы ближе к родной природе, что наше мастерство стоит выше; преимущества же немцев в некоторых виденных мною вещах были не столь уж велики. Это была первая моя оценка облика врага, облика, который все более вырисовывался и принимал определенные черты.

Немцы продолжали бомбить Москву и другие города, мы узнавали об этом из газет и писем. Нередко москвичам приходилось проводить ночи в бомбоубежищах и на постах противовоздушной обороны, но, как ни старались немцы, они не могли вызвать в Москве большого пожара; благодаря энтузиазму населения, которое с успехом научилось гасить зажигательные бомбы, пожары в Москве носили единичный характер.

Отец написал мне, что ему удалось погасить зажигательную бомбу. Стабилизатор этой зажигалки хранится у нас в семье до сих пор. Но бомбежки были тяжелы главным образом тем, что

нарушали сон и нормальный ритм работы. Об этом иногда писала вскользь жена, и рассказывали приезжавшие из Москвы товарищи.

Стабилизатор зажигательной бомбы, потушенной проф. Зылевым В.П. (отцом автора) на крыше химического корпуса МИИТа в сентябре 1941 года.

Сейчас эта часть зажигательной бомбы находится в экспозиции музея МИИТа.

В ОБОРОНЕ

Как я помню, около 10 сентября наша дивизия, входившая в 24 армию резервного фронта, получила участок переднего края обороны западнее и северо-западнее города Ельни. Помню, как мне в этот период пришлось побывать в расположении нашего артиллерийского полка. Там встретился я с Бармашевым А.А., бывшим председателем профкома института. Он был богатырского телосложения, энергичный, волевой человек. Когда мы говорили с ним о нашей дивизии, он сказал: “Да, мы теперь к бою готовы, у нас есть все необходимое”.

10 сентября 1941 года штаб дивизии передислоцировался в деревню Мойтево (Мойтево теперь нет, на карте Смоленской области есть деревня Ходыкино, в которую она влилась), что расположена северо-восточнее города Ельни, примерно в одном километре от него.

Линия фронта проходила западнее Мойтева на 5-6 километров. Мойтево было небольшой деревней, вытянувшейся вдоль дороги, идущей от Ельни в сторону Вязьмы.

В деревне было не более 20 домов. Окрестности Мойтева были сравнительно бедны природой: в обе стороны, на восток и на запад, простиралась довольно ровная местность, местами пересекавшаяся небольшими оврагами и холмами. Деревня располагалась на склонах небольшой ложбины, обращенной в сторону востока. Со стороны запада часть деревни была прикрыта гребнем холма. Это было очень важно, т.к. делало эту часть деревни недосыгаемой для немецкой артиллерии.

С западной окраины Мойтева была видна Ельня, до которой по равнине шла проселочная дорога. За Ельней и западнее ее виднелся лес, до которого было не менее трех километров. От немцев в Мойтеве остались довольно большие блиндажи, расположенные на скатах оврага восточнее деревни. Эти блиндажи использовались для размещения некоторых отделов штаба.

Люди комендантского отделения разместились в маленьких землянках, вырытых также немцами. Эти землянки походили скорее на земляные конурки. Они были устроены так: прямоугольная яма, затем ряд досок и бревен, взятых из крестьянских построек и сверху слой земли; на дно ямы немцы

настлали ботвы и сена. Эти землянки вмещали от двух до пяти человек. В одной из этих землянок расположились мы с Волковым.

Кругом Мойтева на поле то тут, то там были установлены орудия нашего артполка. Эти орудия были вкопаны в землю и покрыты сверху маскировочной сеткой. За деревней в ложбине располагалась батарея тяжелых минометов также нашей артиллерии.

Нередко над Мойтевым пролетал немецкий снаряд, распространяя еле слышный звук, напоминающий не то свист, не то пение струны. Иногда на поле перед Мойтевым разрывался какой-нибудь одиночный снаряд, и в ответ на это звучал выстрел одной из наших пушек. Все это напоминало, что где-то рядом проходит передняя линия обороны, на которой стояли теперь полки и батальоны 6-й дивизии народного ополчения. Но надо прямо сказать, что в первые дни после нашего переезда обстановка в Мойтеве была довольно спокойная. Разрывы снарядов были редки. Иной день на всем видимом из Мойтева поле не разрывалось ни одного снаряда.

Охрану штаба в Мойтеве несло одно комендантское отделение, т.к. Мойтево было значительно меньше Пожогина, и местность была довольно ровная. Но близость фронта требовала особой бдительности. Посты проверялись по несколько раз в ночь, спать ночью почти не приходилось всему составу комендантского отделения. Мы имели теперь ежесуточный пароль, который проверялся у каждого, прибывающего в расположение штаба, особенно, если это происходило ночью.

Днем мы оставляли всего три поста: у входа и выхода из деревни, и один пост западнее деревни для наблюдения за окрестностями. Кроме наших постов некоторые отделы штаба имели свои особые посты.

При передислокации штаба я особое внимание обратил на выбор дома для полковника Шундеева, но на этот раз прибывший из Пожогина полковник не только не возмущался, а сказал, что разместится в том доме, который я ему укажу. И когда я стал объяснять тактические преимущества дома, который я для него выбрал, он остановил меня и сказал: "Мне все равно, покажите, где я должен остановиться".

После разговора в Пожогине полковник стал очень внимательно относиться ко мне.

В связи с тем, что части дивизии заняли участок передовой линии обороны, работа штаба оживилась: больше приезжали из частей, чаще командир, комиссар и, особенно, начальник штаба тов. Лебедев и другие работники штаба ездили в части на передовую.

В политотделе проходила работа по переподготовке и повышению квалификации политического состава. Там работала школа для политических работников, в которой обучалось около 30 командиров. Первый отдел и шифровальный отдел принимали и отсылали шифрованные телеграммы, приказы и сводки. Отдел боепитания занимался снабжением частей дивизии снарядами, патронами, горючим. Расход боеприпасов увеличился, т.к. части дивизии, находясь на передовой, вели перестрелку с немцами.

Штаб дивизии имел телефонную связь со штабом армии и со штабами полков. Кроме того, в распоряжении штаба находилась походная радиостанция.

В этот период запомнился мне комиссар штаба дивизии тов. Костюк А.И. До войны он был деканом эксплуатационного факультета МИИТа. Он был всегда бодрый, веселый, умел объяснить обстановку, успокоить людей, вселить в них чувство уверенности и успеха нашего дела.

Я несколько раз слушал с другими, как товарищ Костюк говорил о положении на фронтах, о задачах дивизии, о том, как ведут себя немцы на нашем участке фронта. Так протекала жизнь штаба дивизии в течении первой недели с момента нашей передислокации в Мойтево.

19 сентября пришло известие, что наша дивизия стала кадровой и получила наименование 160 стрелковая дивизия. Да, теперь мы полностью вооружены, обмундированы, прошли школу прифронтовой жизни и во многих отношениях сравнялись с кадровыми частями. Но предстояла еще большая работа по перестройке ополченческой дивизии в кадровую. Числа 22 сентября группа ополченцев во главе со студентом МИИТа В.С. Ницурой (или В.С. Мицерой) была направлена в Москву для получения удостоверений личности армейского образца. У ополченцев удостоверений не было или были довоенные.

Неподалеку от Мойтева (несколько восточнее его) расположился саперный батальон, где мне иногда приходилось бывать по делам охраны штаба. В штабе батальона я обычно говорил обо всех этих делах с помощником начальника штаба батальона тов. Запорожцем Григорием Ивановичем, у которого я учился в институте по математике. Григорий Иванович ревностно относился к военной службе и всегда оперативно выполнял требования по выделению людей для нужд штаба дивизии.

Числа 22 сентября Саша Волков и я пошли в баню в Ельню; это была первая баня с тех пор, как мы покинули Москву. Конечно, мы мылись в речках, но очень не систематически, и теперь, когда появилась возможность помыться в настоящей бане, мы очень этому обрадовались. Кроме того, нам хотелось посмотреть город Ельню, который побывал в руках фашистских захватчиков и был освобожден нашей армией.

Собрав смену белья, мыло и раздобыв откуда-то мочалки, мы двинулись в Ельню. Был чудесный осенний день, нам было легко, т.к. мы оставили в Мойтеве свои куртки и вещи. Мы шли по дороге, которая извиваясь пересекала большое поле. Собственно, с начала войны мы шли просто так в первый раз. Теперь мы могли посмотреть кругом, вдохнуть поглубже прекрасный воздух полей, поразмять спину, почувствовать всю чарующую прелесть нашей русской природы.

Мы шли не спеша, смотрели, как артиллеристы возились около своих орудий, накрытых маскировочными сетками. Спокойно смотрели, когда вдали одинокий снаряд, взорвавшись, поднимал вверх столб земли и пыли. Мы чувствовали себя спокойно, и, казалось, ничто не могло нарушить это спокойствие первого отдыха за последние 2,5 месяца.

По мере того, как мы приближались к Ельне, очертания города вырисовывались все отчетливее. Город был маленький, большинство домов - одноэтажные, очень похожие на дома подмосковных дачных мест. Справа вырисовывалось каменное здание из красного кирпича с высокой каменной трубой. Это, как мы уже знали, был винный завод. В городе было еще несколько каменных домов, помнится, не более, чем в два этажа. Город не был разрушен полностью, но носил сильные следы бомбежки, артиллерийского обстрела, и, видимо, грабежей.

Населения в городе почти не было, двери многих домов были открыты настежь. Сквозь эти открытые двери, выбитые стекла окон виднелись порой совершенно чистые жилые комнаты; иногда в окне висела белая занавеска, тогда как в другом окне зияла пробоина через разбитую стену прямо в открытое небо.

Мы остановились около здания городской аптеки. Около нее валялись всякие склянки, посуда из-под лекарств, изломанные аптекарские весы и другая аптекарская утварь. Окна аптеки были выбиты, двери открыты, но на плинтусах еще не осело много пыли и казалось, что аптека еще совсем недавно обслуживала своих посетителей.

Но людей почти не было видно: жители города частично эвакуировались вглубь страны, частично были угнаны немцами на оккупированную территорию. Эти сведения мы получили от жителей деревни Мойтево. Здание, в котором располагалась баня, сохранилось довольно хорошо, выбитые окна были закрыты фанерой, так что внутри бани было тепло. В бане мылись и ополченцы, и кадровики. Воды хватило и холодной, и горячей, и, помывшись вволю, мы вышли на улицу, почувствовав какую-то особую свежесть, легкость и бодрость.

На обратном пути мы зашли в один довольно хорошо сохранившийся дом. Нас тянуло туда, т.к. мы уже давно не были ни в одном каменном доме и последние месяцы почти полностью прожили на открытом воздухе. Кроме того, хотелось взглянуть, как жили люди до того, как с насиженных и обжитых мест выгнали их немецкие захватчики.

Дом и внутренность дома сохранились прекрасно: в некоторых окнах даже уцелели все стекла, еще пахло свежей краской стен, белизной сверкали подоконники, на которых осел тонкий слой пыли, но, несмотря на внешнюю сохранность, дом носил на себе следы какой-то борьбы, поспешного бегства. Видно было, что в доме жили интеллигентные люди: в одной из комнат, упав одним краем на стол, валялся книжный шкаф с раскрытой дверцей; книги с его полок упали рядами на пол. По виду книг можно было определить, что их хозяин был очень аккуратный человек, тщательно и долго собиравший свою библиотеку. Тут были книги Фламариона, Майна Рида, Жюль Верна, книги по географии, по истории (Лависс и Рамбо), такие же, какие были у нас дома.

Вообще, набор этих книг, валявшихся в беспорядке, напоминал мне наши книги, книги моего отца, напомнил мне наш дом, нашу жизнь, нашу семью. Я представил себе всю трагедию, постигшую жителей этого дома, их горе стало для меня моим собственным горем. Жгучая досада за эти книги, за их хозяев, переросла в моей душе в возмущение против войны, против варварских поступков немецких фашистов.

Вдруг я представил себе, что судьба людей этого дома может стать судьбой моих близких: матери, отца, жены, и от этого у меня стало как-то тяжело на сердце.

Из Ельни мы возвращались быстрее: стало холоднее, из головы не выходили аккуратные комнаты и книги, рассыпавшиеся по полу из упавшего шкафа, не выходили картины трагедии, которая разыгралась в этом мирном уголке нашей Родины.

Числа 25 сентября к нам из Москвы приехала делегация от трудящихся Дзержинского района. В составе этой делегации были представители районного комитета партии, представители из МИИТа, с завода "Борец", из Министерства внутренних дел и из Министерства иностранных дел. Делегация привезла нам несколько грузовых машин с подарками от жителей Москвы. Мы были рады оказанному нам вниманию и рады тем подаркам, которые получили. Но главное было - внимание.

Гости рассказывали о жизни Москвы, мы интересовались всем: часто ли бывают бомбежки, сильно ли пострадала Москва, как идет работа на заводах и в учреждениях, как идет торговля в магазинах, какая в Москве погода, что говорят о войне и т.д.

Гости отвечали на все вопросы и в свою очередь интересовались нашей жизнью, делами дивизии, положением на нашем участке фронта, трофеями, полученными нашей армией в наступлениях под Ельней и многим другим. К сожалению, я забыл фамилии товарищей, приехавших к нам из МИИТа, но помню, как миитовские ополченцы окружили приехавших и вели с ними беседу.

Мне передали привет и письмо из дома. Мы спрашивали про тех, кто был уволен из ополчения по состоянию здоровья. Я спрашивал, как чувствует себя А.Ф.Смирнов, который очень сильно болел, в конце августа был уволен из армии и вернулся в МИИТ. Мы спрашивали приехавших, как новый набор, как учатся

студенты, как здоровье того или иного из наших уважаемых профессоров.

Этот визит оставил у меня, как и у многих других, самое теплое воспоминание. Мы просили передать нашу горячую благодарность трудящимся Дзержинского района за внимание и за полезные и дорогие нам подарки.

Числа 28 сентября в командировку в Москву с группой ополченцев для получения оружия уехал командарм второго ранга Орлов, они получали в штабе дивизии командировочные удостоверения.

Как-то в эти же числа встретил я на улице Мойтева комиссара дивизии Савельева. Поздоровавшись с ним, я хотел пройти мимо, но Михаил Никитич остановил меня, и мы вместе с ним пошли по дороге. «Вот видите, у немцев не хватает меди и латуни, - говорил он, показывая на орудийные гильзы, оставшиеся на земле в том месте, где у немцев стояла артиллерийская батарея. - Видите, они вынуждены заменять латунь железом, и это из-за недостатка меди и латуни». В гильзах, о которых он говорил, боковые поверхности были выполнены из листового железа, свернутого по спирали. "Скоро запасы немецкой армии истощатся, у них уже не хватает нефти и каменного угля. А вслед за тем наступит крах гитлеровской авантюры". Потом Михаил Никитич как-то тяжело вздохнул и, некоторое время помолчав, сказал: "Скомплектовал я дивизию, обучил ее, а в бой идти не придется". "А почему?" - спросил я. "Меня переводят комиссаром железнодорожного узла. К вам приедет новый комиссар тов. Белов *¹. Он - кадровый и имеет большой опыт политической работы. А все-таки жаль мне оставлять дивизию, хотел бы повести ее в бой".

Что говорили мы потом, я не помню, но только уже через два дня после этого разговора в нашей дивизии появился новый комиссар - полковой комиссар Белов. Он был очень энергичный человек. Его энергия сразу стала чувствоваться: он ездил в части, говорил с работниками штаба, вникал в работу отделов. Товарищ Белов был очень непосредственный, живой, простой и остроумный человек. В нем чувствовался навык армейской работы с людьми, какая-то практическая сметка и хватка.

Период относительного затишья, который наступил на фронте после ельнинского наступления Красной армии, начал к концу

сентября сменяться периодом все более ожесточенной борьбы. Мы чувствовали и видели, что командование фронта готовит какие-то большие операции. Оживление было заметно даже днем. Видно было перемещение войсковых частей; то там, то тут появлялись новые орудия. Особенное оживление ощущалось ночью, когда к фронту прибывали тягачи с орудиями, танки, автомашины.

От моторов тягачей, танков, автомашин ночью по всей округе стоял особый шум - шум современной войны. Мы ожидали большого нового наступления Красной армии на Центральном фронте.

Тридцатого числа мы с Волковым снова пошли в Ельню, чтобы помыться в бане. Теперь на западную часть поля, через которое мы проходили, то и дело падали снаряды, и с нашей стороны велась не очень интенсивная, но довольно систематическая артиллерийская стрельба. По дороге мы заметили немецкое кладбище. Аккуратными рядами стояли десятка два крестов, перед каждым из них на холмике земли лежала немецкая каска. Волков хотел сломать эти кресты, но я остановил его, сказав: "Пусть они стоят как память для тех, кто посмеет посягнуть на нашу землю".

В бане вместе с нами мылись танкисты. Они шутили, что генерал им сказал, что в следующий раз они будут мыться в Смоленске. Да мы думали, что на днях начнется большое, даже решающее наступление Красной Армии на немецко-фашистские войска в районе Центрального фронта. Но события приняли совсем другой оборот.

С конца сентября немцы начали активизироваться на Центральном фронте и, в частности, в районе обороны нашей дивизии и соседней с ней 9-ой дивизии Народного ополчения Кировского района города Москвы, которая занимала участок переднего края обороны южнее Ельни и стала также кадровой.

Приезжая с передовой, комиссар дивизии Белов и начальник штаба дивизии полковник Лебедев говорили о том, что в целом ряде мест немцы пытаются атаковать передний край нашей обороны. Наши части отбивали эти атаки.

Бывавшие на передовой работники штаба наблюдали так называемую психическую атаку немцев, которые подобно офицерским полкам в период гражданской войны строями рот

двигались на наши окопы. Полковник Лебедев оценивал эти действия как определенный вид боевой разведки.

В штаб из частей стали поступать сведения о раненых и убитых; наша дивизия вступила в полосу жестоких боев с немецко-фашистской армией.

Утром 1-го октября был убит один из работников штаба - аспирант МЭМИИТа Казаченко, очень славный молодой человек, отличавшийся свежестью красок лица. П.Ф. Казаченко был смертельно ранен на передовой, куда он попал, выполняя задание штаба. В бессознательном состоянии ночью его привезли в штаб на грузовой машине, которую мне пришлось встретить, он умер через несколько часов. Казаченко похоронили где-то около деревни Мойтево.

Утром 1-го октября в штаб дивизии доставили пленного немца. На мою долю выпала обязанность водить его на допрос в землянку, где его допрашивал комиссар дивизии Белов. Водили мы немца по Мойтеву с завязанными глазами, как это положено делать с пленными в районе штабов действующей армии. Немец был среднего роста, довольно щуплый, с темными волосами; он был одет в серовато-зеленый китель и такого же цвета брюки, заправленные в сапоги с широкими голенищами раструбом, на непривычных для нас высоких каблуках на конус. Под кителем у него был надет шерстяной свитер, довольно тоненький. Шинели у него не было. Когда мы спросили, где у него шинель, он сказал, что они пока шинели не получали. В кармане у него был кошелек, в котором находились деньги и личный номер на металлической пластинке, который заменял ему удостоверение и то, что называлось у нас медальоном или смертником. Кроме того, у него в кармане были грязнейший носовой платок, пачка сигарет.

Комиссар дивизии задавал через переводчика пленному вопросы. Тот назвал часть, в которой служил, сказал, что на фронте уже около месяца. Я спросил, кем он работал до войны, и есть ли у него семья. Он ответил, что по специальности он строительный рабочий, и что у него есть двое детей. Затем по приказанию комиссара пленному принесли поесть. Ел он с жадностью, видимо, проголодался. После еды он вынул сигареты (мы не отобрали их у него) и закурил, прикурив от керосиновой лампы, которая стояла на столе. Товарищ Белов спросил пленного, курят ли немецкие

солдаты в присутствии своих офицеров. Выслушав переводчика, немец заволновался и хотел выбросить сигарету, но комиссар разрешил ему докурить. Затем комиссар задал ему еще несколько вопросов: почему он такой грязный, почему у него до сих пор нет шинели и ряд других вопросов, касающихся быта и положения немецкой армии. Пленный охотно отвечал на все вопросы и вдруг сам задал вопрос. Мы все поняли его без переводчика - он спросил, сколько еще километров осталось до Москвы. "Сколько бы ни осталось, но немецкой армии до Москвы не дойти", - просто и спокойно ответил комиссар дивизии. Немец смутился, поняв, что его вопрос невольно выдал мысли солдат гитлеровской армии и его собственные мысли. До этого мне приходилось видеть пленных всего один раз, когда мы по каким-то хозяйственным делам были в штабе 24 армии. Тогда я видел пленных издали, теперь же я видел и говорил с настоящим немецким солдатом, мог задавать ему вопросы и слышать, как с ним говорили другие. Откровенно говоря, этот щуплый грязный немец показался мне несчастным. Против него насторожила несколько развязная манера его разговора - откуда появилась эта, сквозившая порой в его словах и движениях, скрываема порой рабским раболепием, но все же уверенность?

Утром 2-го октября 1941 года мы с Александром Волковым проснулись в своей землянке от какого-то гула, вся земля дрожала. Едва открыв глаза, мы выскочили на поверхность. Солнце еще не взошло, но восток уже алел зарей, светало. Грохот, который поднял нас на ноги, шел с запада, это была колоссальная артиллерийская дуэль между немецкой и нашей артиллерией. Все кругом гудело, земля дрожала от сотен и тысяч артиллерийских выстрелов и взрывов снарядов. Казалось, что звуки уходили далеко на север и юг, обнаруживая невидимую для глаз линию фронта. Взошло солнце, его первые лучи скользнули по земле и осветили панораму полей и лесов, положили тени на утренний туман в ложбине, осветили розоватым светом дымное облако, которое медленно поднималось над лесами и полями. Теперь линия фронта была не только слышна, но и видна. От горизонта до горизонта с юга на север протянулась над линией фронта полоса дыма и пыли, поднятая взрывами снарядов. Снаряды рвались и в Ельне, и на поле

между Ельней и Мойтевым, но главная их часть рвалась там, где была передовая линия обороны.

Иногда снаряды пролетали над Мойтевым и разрывались где-то позади деревни. Было видно, как в высоте над лесом и Ельней вспыхивали облачка шрапнели.

Артиллерийская стрельба продолжалась более часа, а затем так же внезапно смолкла, как и началась. Установилась непривычная тишина, напоминавшая пустоту.

Как и всегда начиналось утро, и только на западе во весь горизонт долго еще была видна лента дыма и пыли, грандиозно поднимавшаяся к небу.

Вскоре мы узнали, что немцы произвели артиллерийскую подготовку, на которую ответили наши орудия. Вслед за артиллерийской подготовкой немцы атаковали наши части на участке нашей дивизии и на участке обороны 9-ой дивизии Народного ополчения.

Второго октября эти атаки были отбиты. Вернулся с передовой комиссар дивизии товарищ Белов, уехал на передовую начальник штаба дивизии товарищ Лебедев. В штаб поступали донесения об атаках немцев, о наших потерях, об убитых и раненых.

В этот день в штабе шла напряженная работа; было решено выкопать окопы по окраинам Мойтева на случай прорыва немцев к деревне, руководство работами было поручено мне. На рытье окопов использовались бойцы комендантского отделения и, главным образом, выделенный взвод из состава саперного батальона. Работа кипела, люди не успевали есть, никто, казалось, не замечал времени. Ночью охрана штаба была усилена. Заснуть удалось лишь под утро. И опять, как накануне, но несколько позже по времени, нас разбудила артиллерийская канонада. Как накануне, гудела земля, точно кто-нибудь молотил ее огромным молотом. Так же в непрерывный грохот и гром сливались выстрелы и взрывы снарядов. Артиллерийская стрельба продолжалась около двух часов и смолкла, как накануне. И так же, как накануне, над линией фронта поднялась к небу полоса дыма и пыли. Но сегодня за артиллерийской перестрелкой последовала продолжавшаяся больше, чем до половины дня, пулеметная, винтовочная и автоматная стрельба.

В штабе говорили о том, что немцы атакуют на многих участках обороны нашей и соседней дивизии. Обстановка в штабе была очень напряженной, в связи с активными боевыми действиями во всех отделах стало много новой сложной и неотложной работы. Комендантское отделение продолжало нести охрану, выставив с западной стороны дополнительные посты, время дежурств удвоилось, смены караулов не хватало.

Утро следующего дня началось вновь артиллерийской подготовкой со стороны немцев.

В это утро артиллерийская подготовка казалась особенно ожесточенной и продолжительной. Видимо, немецкое командование стянуло на наш участок фронта еще больше артиллерии, чем накануне. Артиллерийская подготовка прекратилась часам к 9-ти утра. Но, как и накануне, стала слышна пулеметная и автоматная стрельба. Сначала она была слышна на прежнем месте, там, где и в прошлые дни, а потом мы стали замечать, что звуки выстрелов стали перемещаться на восток. Особенно это было заметно на нашем левом фланге против и южнее Ельни.

К середине дня по дороге, которая проходила южнее Мойтева, и по дороге, на которой Мойтево было расположено, стали двигаться отступающие части. Мы не пускали их в деревню, но они обходили ее по полю, двигаясь в сторону Волочка и в сторону Вязьмы.

Главная часть отступающих были ополченцы 9-ой дивизии, на участке которой немцы сегодня утром предприняли сильное наступление. Командование дивизии приказало нам задерживать отступающих и размещать их в окопах, которые были вырыты юго-западнее деревни Мойтево.

Комендантское отделение с трудом справлялось с этой задачей. Нам удалось разместить в вырытых окопах около сотни бойцов. Вечером надо было кормить этих людей, запасов продовольствия в эти дни в штабе не хватало, не было подвоза.

Мы нарыли на огородах около Мойтева картошки, на кухне нам ее сварили, дали немного хлеба и соли, и этой пищей накормили наших новых товарищей.

Всю ночь в штабе никто не смыкал глаз. Линия фронта освещалась теперь осветительными ракетами, такими, какие я

видел в Пожогине месяц тому назад. То там, то здесь, западнее Мойтева и южнее его, раздавались выстрелы и автоматные очереди, которые мы научились теперь различать. По звукам было слышно, что линия фронта на нашем левом фланге передвинулась вглубь нашей обороны и теперь проходила несколько восточнее Мойтева.

Командир дивизии полковник Шундеев не отходил от телефонов, которые находились в одном из блиндажей на склоне оврага за Мойтевым. Комиссар дивизии несколько раз в ночь уезжал и возвращался. Комендантское отделение продолжало нести охрану штаба. Смены караулов теперь не было, стояли на постах все, никто не спал, ели прямо с винтовкой в руках.

Утро четвертого октября было более хмурое, чем в предыдущие дни. Небо стали заволакивать тучи. Чудесная сухая осенняя погода, которая стояла все последние дни, стала сменяться более хмурой; казалось, что может пойти дождь, стал дуть прохладный ветерок.

В этот день артиллерийской подготовки почти не было, вернее, она была очень короткой и сосредоточилась главным образом на нашем левом фланге, там, где располагалась 9-я дивизия Народного ополчения, и где на стыке двух армий 24-й и, кажется, 20-й немцам удалось потеснить накануне наши части на несколько километров.

После этой короткой артиллерийской подготовки шум стрелкового боя стал все явственнее уходить дальше на восток. К середине дня выстрелы автоматов и одиночные орудийные выстрелы стали слышаться юго-восточнее Мойтева, немцы охватили нас с юга полукругом.

Мне приходилось в эти часы наблюдать за командиром дивизии полковником Шундеевым. Он страшно волновался, мне казалось, что им овладела какая-то растерянность; это не был страх. Мне казалось, что полковник думал только о фронте, только о дивизии. Но он, казалось, не знал, что надо было делать, или, вернее, знал, но не решался взять на себя инициативу, которая могла быть неправильно понята, а как показала война - это есть необходимое условие, без которого ни один командир не может добиться успеха.

Немцы все продвигались на нашем левом фланге, охватывая дивизию, а вместе с ней и штаб в полукольцо. В это время меня

вызвал начальник первого отдела и приказал организовать похороны только что убитого в Мойтеве разрывом шрапнели военинтенданта 1-го ранга (фамилию я забыл), того самого, который в июле руководил работами по сооружению линии обороны на участке запасного полка дивизии в дни, когда саперный взвод занимался заготовкой кольев.

Для похорон мне приказали взять несколько командиров из школы, которая действовала при политотделе дивизии. Прибежав к дому, где размещалась эта школа, я встретил там Женю Ильина, который учился в аспирантуре вместе со мной. Мы с ним не виделись с самого начала июля. Но поговорить нам не удалось: не успел я еще объяснить, зачем я сюда пришел, как меня срочно вызвали к командиру дивизии. Не выполнив приказаний по похоронам военного интенданта 1-го ранга, я вернулся в блиндаж полковника. Когда я шел по улице Мойтева, то видел, как немцы, выходя из Ельни, стали двигаться по полю в сторону Мойтева; таким образом, им оставалось до Мойтева меньше километра. По ним стали стрелять бойцы, расположенные в окопах вокруг деревни.

Только вошел я в землянку и доложил командиру дивизии, что явился по его приказанию, как дежуривший у аппаратов сказал: "Товарищ полковник, командующий 24-ой армией вызывает вас к аппарату". Командир дивизии взял трубку и, встав по стойке смирно, сказал: "Товарищ генерал, полковник Шундеев вас слушает". Затем мы услышали слова: "Есть организовать отход дивизии в район населенного пункта Волочек и занять в этом районе оборону". На этом разговор был закончен. Тут же полковник Шундеев стал отдавать соответствующие приказы командирам полков и отдельных батальонов.

Не знаю, удалось ли командиру дивизии довести приказ об отходе до всех наших частей: этому могло помешать и отсутствие связи. Мне было приказано начать погрузку отделов штаба на машины. Но этот приказ стал быстро известен во всех отделах, и штаб через несколько минут уже был на машинах.

Комендантское отделение село на полуторку, которая была в распоряжении начальника АХЧ Коршунова. Он сел рядом с шофером, мы все - в кузов машины, к нам же в машину сел и Женя

Ильин. Немцы обстреливали Мойтево из минометов, но штаб ехал уже по дороге к Волочку.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Очень скоро машины штаба выехали на большак (так называют в Смоленской области шоссейные дороги). Вид этого большака был необыкновенный: по нему в сторону Вязьмы катилась лавина отступающей армии. Тут были тяжелые орудия, которые тянули огромные тягачи, всевозможные автомашины, конные повозки, артиллеристы и отступающая пешком пехота.

Шоссейной дороги не хватало, поэтому лавина двигалась параллельно дороге по обочинам. Наши машины вклинились в общий поток, который двигался довольно медленно. Воздух был наполнен лязгом гусениц тягачей и танков, криками людей, гудками автомашин.

Здесь мне пришлось увидеть страшную картину, как тягач своими гусеницами раздавил человека. Произошло это так: довольно пожилой красноармеец, возможно, из ополченцев, пытался сесть на одну из идущих по дороге машин. Как видно, его туда не взяли. Он отцепился от борта машины, будучи повернут при этом спиной к общему движению. В это время сзади шел огромный тягач; водитель тягача не заметил появившегося на дороге человека. Красноармеец успел только вскрикнуть, как гусеница тягача проехала по нему. Там, где был человек, осталась только лужа крови, вмятая в грязь шинель, да две ноги, обутые в черные ботинки с обмотками.

Эта нелепая гибель человека произвела на меня очень тяжелое впечатление.

До вечера машины штаба, более или менее поддерживая связь между собой, двигались в общем потоке отступающей армии. Когда уже стали спускаться сумерки, по указанию какого-то штаба наши машины свернули на проселочную дорогу, которая отходила в правую сторону от большака. На проселочной дороге машин было гораздо меньше, но по ней двигались значительные массы людей.

Проехав несколько километров, наши машины остановились в какой-то небольшой деревне. Здесь мы должны были ждать дальнейших распоряжений, командир дивизии и начальник штаба уехали куда-то вперед.

В это время погода окончательно испортилась: дул пронзительный ветер, шел снег с дождем; если бы не плащ-палатка, то каждый из нас промок бы, как говорят, до нитки.

Мы ждали сначала, не отходя от машин. Прижавшись друг к другу, закрывшись от дождя и снега плащ-палатками, мы старались хоть немного вздремнуть, ведь последние ночи мы спали не больше, чем по 2-3 часа, но холод, сырость и тревога гнали сон прочь. Мы слезли с машины, пытались найти приют в соседних домах.

Я зашел в один дом. Он был полон. Народу было так много, что все стояли, даже трудно было закрыть дверь. В избе было душно и, оттого что часто открывалась дверь, холодно. Все люди находились в состоянии какого-то неопределенного ожидания. Ведь где-то совсем рядом были немцы, а может быть мы были уже у них в тылу. Этот вопрос волновал всех. Все молчали, и вдруг раздался хрипловатый голос, говорил высокого роста красноармеец, я сохранию его язык: "Сталин все знает. Он их заманает, заманает, а потом как дасть!". Никто ему не ответил, столь нелепыми были его слова, так были они далеки от происходящего.

Выйдя на улицу, каждый прислушивался, не слышно ли где стрельбы. Кругом было все тихо, шумел только ветер в деревьях, да хлопала грязь по дороге. Часа в три утра мы получили приказ двигаться дальше. Когда мы уезжали из деревни, машина, на которой ехало комендантское отделение, свернула куда-то вправо по дороге, которая шла вдоль аллеи из высоких старых лип. Мы проехали по этой дороге минут пять и поняли, что отстали от других. В этот момент перед нами разорвалось несколько мин, выпущенных из какого-то невидимого нам миномета. Машина успела вовремя свернуть назад, и мы вскоре присоединились к колонне машин нашего штаба. Скоро стало светать, погода немного стихла, перестал идти снег и дождь, но дорога стала очень тяжелой, то и дело приходилось слезать с машины и общими усилиями вытаскивать ее из грязи. Ехали мы очень медленно, местами не более пяти километров в час. Часов в десять утра мы проезжали через большую деревню. Она носила следы разрушения, видимо, ночью ее бомбили немецкие самолеты, то там, то тут виднелись разбитые и сгоревшие дома. Здесь увидел я несчастную женщину,

наверное, мать погибших детей и хозяйку сгоревшего дома. Она сидела прямо на земле, вытянув вперед ноги, руками она держалась за голову, с которой беспорядочными космами спускались перепутанные распущенные волосы. Дикими, блуждающими глазами смотрела она на то место, где еще вчера был ее дом, жили ее дети, а теперь дымились развалины, покрытые пеплом пожарища.

Женщина как-то беспомощно покачивалась и кричала, нет, не кричала, а выла, как не может выть и зверь, выла человеческим голосом, полным ужаса и безвыходного страшного горя - горя матери, потерявшей своих детей. Этот голос и эту несчастную русскую женщину я никогда не смогу позабыть.

Во второй половине дня мы остановились в небольшом смешанном леске с молодыми, еще не подростыми соснами. Это, видимо, было место, на которое должен был переместиться штаб дивизии, когда он покинул Мойтево. Место это было вблизи от местечка, которое называется Волочек. Я приступил к своим обязанностям коменданта. Осмотрев лесок, я нашел несколько старых блиндажей, которые сохранились здесь еще с июля или августа месяца. В одном из блиндажей расположились полковник Шундеев, полковник Лебедев, начальник первого отдела дивизии и другие командиры; комиссара дивизии здесь не было.

Через некоторое время на это место стали прибывать части дивизии, прибыла часть полка, где командиром был полковник Оглобин, прибыли одиннадцать танкеток батальона разведки, прибыл саперный батальон и люди еще из нескольких частей. Саперный батальон занял оборону вокруг небольшой деревни вблизи от леска, где расположился штаб дивизии и остальные люди. Здесь же в лесу я увидел невысокого роста генерал-майора из штаба 24-ой армии. С ним была часть штаба армии и два танка КВ. Мы стали располагаться в лесу, не зная сколько нам придется еще здесь пробыть. Погода стала несколько теплее, казалось, что могло выглянуть солнышко, но мы мало обращали внимания на погоду, у всех на уме было одно: что мы будем делать дальше, где остальные части нашей дивизии, какова их судьба, где фронт, куда и как продвигаются немцы.

Не успели мы еще оглядеться, как показались немецкие бомбардировщики; они пролетели куда-то на восток, часть из них

сбросила бомбы, но несколько в стороне от того места, где расположилась наша группа.

Через некоторое время после того, как улетели бомбардировщики, над лесом показались "мессершмитты". Они летели шеренгой из 4-х самолетов. Как только "мессершмитты" поравнялись с леском, где расположился штаб дивизии, они заметили людей и открыли по нам огонь из пулеметов. Воздух наполнился ревом моторов, свистом крыльев и очередями тяжелых авиационных пулеметов. Мы не знали, куда укрыться: тоненькие сосны, а тем более осинки и березки не могли служить убежищем. Приходилось оставаться там, где мы были до обстрела; некоторые залезали под автомашины.

Когда пролетели "мессершмитты", я услышал крик - это кричал раненый, он был совсем близко от меня, наверное, шагах в десяти. Я, как и многие другие, подошел к нему. Это был молодой парень, незнакомый мне, он лежал на спине и умирал. Из раны, которая была на груди пониже сердца, небольшим фонтанчиком струилась кровь, руки конвульсивно трогали грудь и живот.

По соседству других жертв не было. Не успели мы прийти в себя после первого обстрела, как "мессершмитты" появились вновь. Так же, как и в первый раз, выли моторы, строчили пулеметы, крылья со свистом рассекали воздух. Точно швейная машина стучали пулеметы, прошивая лес иглами пуль. Все было так же, как и в первый раз, но мы стали другими: появилось чувство какой-то обреченности, хотелось куда-нибудь спрятаться, убежать, но убежать было бессмысленно, прятаться было некуда. Приходилось стоять на месте, ожидая, когда промчатся самолеты, испытывая волей-неволей свою судьбу: "попадет или не попадет?" После второго залпа где-то в лесу раздался жалобный крик раненого человека. Рядом со мной одному ополченцу пулей оторвало палец на руке. Он прятался под машиной и лежал там, положив руку на землю. Пуля угодила как раз в один из пальцев руки. Теперь он стоял, держа окровавленную руку с четырьмя пальцами, смотрел на пустое место, где был палец и, как сейчас помню, улыбался. Уж очень смешным казалось в этой обстановке такое необыкновенное попадание!

Не успели мы перевязать ему индивидуальным пакетом руку, как самолеты появились вновь и опять прострочили лес, в котором мы находились; и так они повторили несколько раз.

Трудно теперь представить себе наше положение и наше состояние. Нервы отказывались служить, с каждым налетом чувство обреченности все более овладевало нами. Мы были жертвами развлечения четырех фашистских головорезов, которым, видно, нравилась эта охота за живыми людьми. Быть живой мишенью, да еще несколько раз подряд - это очень тяжелая и незавидная доля.

И вот, когда казалось, что мы не можем уже больше испытывать эту "утюжку" "мессершмиттов", они улетели и больше не прилетали вновь, видно, им пришлось вернуться на свою базу.

Несмотря на то, что самолеты обстреляли нас пять раз, и, несмотря на то, что в лесу было не менее 2000 человек, жертвы были невелики: они составляли несколько убитых и несколько раненых. Но результат обстрела заключался и в том нервном потрясении, которое испытали мы все.

Начинало темнеть. Мы расположились вокруг землянок, в одной из которых находилось командование нашей дивизии. Люди, машины, танкетки и танки расположились в лесу большим походным лагерем. Положив под себя ветки, мы легли на землю, чтобы отдохнуть. Есть было нечего, мы стали чувствовать голод, т.к. не ели уже более суток. Помню, как ко мне подошел молодой человек. Он представился как аспирант МЭМИИТа. Я не знал его фамилию, а он помнил мою. Мы обменялись с ним адресами, и он просил меня сообщить по данному им адресу его судьбу близким, написать им о том, что мы здесь переживали.

Я записал его адрес на одном из хранившихся у меня домашних писем, но, к сожалению, потерял это письмо и не смог выполнить его просьбу.

Наступила ночь. Кругом была тишина, лишь вдали слышались какие-то взрывы, очевидно, звуки бомбежки. Местами небо розовело от далеких пожаров. Несмотря на тишину, никто не спал; каждый думал о своей дальнейшей судьбе, переживал виденное и слышанное за последние дни, думал о судьбе фронта, Москвы, близких и Родины. Тишина этой ночи, которую временами нарушал чей-нибудь приглушенный разговор, не внушала чувства покоя.

Наоборот, эта тишина настораживала, заставляла прислушиваться к каждому шороху, если он шел с той стороны, где не было наших людей.

И вдруг лес огласили десятки автоматных очередей! Немцы подошли к нам с южной стороны. Над нами просвистели пули, кто-то вскрикнул: "Ой, помогите..." и сразу же смолк. Наступила тишина, еще большая, чем до этого. Немцы перестали стрелять и теперь, вытянувшись цепочкой, стали приближаться к нам.

Вот уже явственно слышны уверенные голоса немецкой команды! Немцы уже совсем близко, до них осталось каких-нибудь 40-50 метров, а наш лагерь затих, мы лежим неподвижно, сердце бьется в груди, готовое, кажется, вырваться из нее. Вот они немцы, вот сейчас решится наша судьба: может быть смерть, может быть немецкий плен! В ушах звучит уверенная немецкая речь. Мы лежим, сжимая свое оружие в руках, томительно тянутся эти страшные секунды, и вдруг я решаюсь: рядом со мной бойцы комендантского отделения, каким-то чужим, незнакомым мне голосом я командую: "Огонь!" И сейчас же по соседству раздаются выстрелы. Вдруг из одной землянки выскакивает человек и кричит, потрясая в воздухе пистолетом: "Кто приказал "огонь"?", но его голос тонет в шуме выстрелов. К нам присоединяются и другие, а затем начинают строчить из пулеметов танкетки и танки, теперь стреляют все, расположенные с той стороны, откуда приближались немцы. Немцы отвечают интенсивным автоматным огнем, лес озаряется вспышками выстрелов, стоящий рядом танк КВ льет огонь горячих искр. Теперь кончилась тишина и нет к ней больше возврата, начался бой, первый бой в моей жизни.

Встретив сопротивление, немцы отошли от нашего лагеря метров на сто и стали вести систематический огонь из автоматов. Они зашли к нам с тыла и обстреляли нас со всех сторон, но главные их силы остались с той стороны, с которой они приблизились к нам сначала. Я взял винтовку у одного пожилого ополченца и, лежа в ложбине около корней дерева, стрелял в немцев. Эта перестрелка продолжалась всю ночь. Запомнился мне здесь начальник штаба полковник Лебедев. У него был единственный в штабе дивизии автомат. Он брал автомат и выползал вперед за линию нашего огня, подползал к немецким автоматчикам, открывал по ним почти в упор огонь, а затем

возвращался обратно. Он уложил за ночь несколько автоматчиков. Приглашал он и меня последовать его примеру, но у меня не было автомата, и я продолжал стрелять с того места, с которого подал команду "Огонь!". Один раз, вернувшись из очередной вылазки, полковник был легко ранен в лицо. Он вытер кровь, перевязал себе рану и вновь повторил свою вылазку. Видел я в ту ночь и полковника Шундеева^{*2}, он был в подавленном настроении. Очевидно, его мучили мысли о судьбе дивизии, он думал о тех полках и подразделениях, которые не пришли на место сбора. Несколько раз он выходил из землянки, становился спиной к дереву, лицом в сторону немцев и так стоял неподвижно, точно ожидая, чтобы какая-нибудь пуля попала в него.

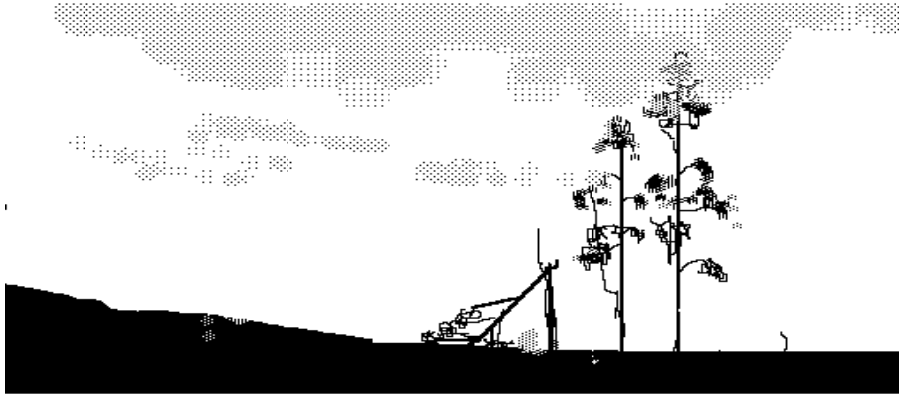
Несмотря на то, что перестрелка велась всю ночь, убитых и раненых у нас было довольно мало, так, например, все люди комендантского отделения остались целы.

Как только начало светать, немцы прекратили стрельбу и отошли от нашего местоположения. Мы ждали, что они вернуться, но они не показывались. Было решено садиться в машины и двигаться в сторону Москвы. Перед тем, как двинуться в дальнейший путь, перед нами выступил генерал-майор, о котором я говорил выше. Я помню, как он говорил, что немцы стараются вызвать панику, больше я ничего из его выступления не помню.

Через несколько минут после того, как мы покинули лесок, в котором провели вторую бессонную ночь, мы выехали на дорогу и с нее видели, как группа "Хейнкелей" сбросила в районе этого леска бомбы, но нас там уже не было. Женья Ильин пересел в одну из машин политотдела, так как в ней ехали люди из его части, и машина была крытая. Сначала мы ехали проселочной дорогой, здесь нас обстреляли из минометов. Откуда стреляли, мы не разобрали и постарались скорее проехать это место. Осколками мин в машинах было ранено несколько человек. Вскоре мы попали на большак, наверное, тот самый, по которому мы ехали день перед этим. Он был забит машинами и людьми. Поток был настолько велик, что местами трудно было определить, где проходит дорога, так как машины ехали по обочинам и по прилегающим к дороге полям. Очень скоро, пробираясь вперед, машины нашего штаба застряли в этом потоке. Двигались машины очень медленно, порой стояли чуть ли не по целому часу. Иногда удавалось каким-нибудь

боковым проселком продвинуться вперед, но дальше дорога была вновь забита. В одном месте прямо на землю около дороги была вывалена целая гора круглых буханок черного хлеба. Мы были очень благодарны человеку, который позаботился о нас, нам удалось получить на машину буханок пять или шесть. Мы разделили хлеб поровну и смогли утолить порядком мучивший нас голод. Дорога становилась все хуже, шел мокрый снег, который, падая на землю, таял, и дорога, особенно на обочинах, состояла из еле проходимой грязи. В одном месте, пересекая кювет, наша машина перевернулась на бок, мы все вывалились на землю, но, к счастью, никто не пострадал. Мы поставили машину на колеса и поехали дальше.

Движение становилось все более медленным, остановки становились все более частыми и продолжительными. Иногда попадались брошенные тягачи с орудиями. Они загоразивали шоссе и сильно затрудняли и без того тяжелый путь. В одном месте мы видели печальные результаты бомбежки дороги немецкими самолетами. Это была картина современной войны: на большом участке шоссе у развилки дорог валялись искалеченные перевернутые машины, лошадиные туши и трупы людей. Само шоссе было покрыто воронками, еще не потерявшей свой цвет кровью, лужами воды и бензина, вылившегося из разбитых машин. Проехать по этому участку шоссе было невозможно, и поэтому он сохранил свой страшный вид - вид борьбы между жизнью и победившей смертью. Но самое главное - это был запах, который расходился от этого страшного места. Это был запах свежей человеческой крови, смешанной с бензином. Этот запах удручал не менее чем то, что мы видели глазами

Штаб нашей дивизии и присоединившиеся к нему под Волочком части в основном поддерживали связь между собой, но это не давало нам какой-то инициативы. Все подчинялись бесконечному потоку отступающей армии, который тек на восток в надежде, что где-то мы остановимся, организуемся и дадим отпор фашистам. Таковы были наши мечты, пока же мы находились в условиях холода, голода и гнетущей неопределенности.

Тут мне пришлось увидеться с полковником Лебедевым. Он был на ногах, но лицо его было забинтовано, а глаз со стороны ранения почти не открывался. Он сказал, что командующий нашей армией генерал Ракутин, отсутствовавший под Волочком, находился в одной из дивизий 24-ой армии.

В этот день нас не бомбили и не обстреливали немецкие самолеты. Почему это было так, об этом мы тогда не задумывались, но сейчас можно сказать, что их, очевидно, устраивало направление нашего движения. Так проходило отступление нашей дивизии в составе Западного и Резервного фронтов.

В ОКРУЖЕНИИ ПОД ВЯЗЬМОЙ

Под вечер движение машин почти полностью прекратилось, никто не понимал, почему мы вовсе не двигаемся. Делались различные догадки, говорили, что впереди очень плохие дороги, и машины застревают в грязи. Другие говорили, что по боковым дорогам на шоссе впереди вливаются все новые потоки техники и людей, и поэтому мы стоим. Но все яснее мы начали понимать, что причина кроется в чем-то другом. К вечеру по колоннам поползли страшные слухи, говорили, что дорога закрыта немцами, что шестого октября в районе Вязьмы немцы высадили большой парашютный десант, который преградил путь отступающей армии. Потом стали говорить, что с десантом ведутся бои, что, возможно, скоро удастся прорваться в сторону Москвы. В колоннах стали появляться мысли свернуть с большака куда-нибудь вправо или влево, на проселочную дорогу и объехать препятствие. Но этот план затруднялся большой, почти непроходимой грязью на проселочных дорогах, однако некоторые машины стали пробовать этот способ. Но вскоре стало известно, что машины, отъехавшие 5-10 километров от большака, обстреливались немцами, и им приходилось возвращаться обратно к общей массе машин. В этот вечер мы познакомились с новым для нас словом - "окружение". Теперь все наши мысли были направлены на то, чтобы вырваться из окружения. Все ловили малейшую возможность продвинуться вперед. Иногда машины приходили в движение, ехали километр или даже два. Тогда настроение у всех поднималось, говорили, что, очевидно, удалось прорвать окружение, и что мы теперь вырвемся из него.

Всю эту ночь мы были заняты тем, что помогали нашей машине выбираться из грязи. Ночью мы решили продвинуться вперед и по обочинам обгоняли стоящие машины. Так как на обочинах была невероятная грязь, мы почти не садились в машину. Напрягая все силы, задыхаясь в бензиновой гари, толкали мы свою полторку, используя каждую возможность продвинуться вперед. Что это была за ночь. Мы даже не заметили, как она кончилась, да она не имела ни начала, ни конца. Это была ужасная грязь дороги, бензиновая гарь, это были 5-6 километров, которые нам удалось преодолеть.

Наутро мы почти не узнали друг друга: выпачканные дорожной грязью и бензиновой копотью, обросшие, худые, мы имели вид людей, вышедших из преисподней, если бы только она существовала. Утро восьмого октября встретило нас где-то в районе города Вязьмы. Окончательно выбившись из сил, мы влились в общий поток и теперь двигались общими темпами, а вернее сказать, совсем не двигались. Это утро выдалось морозным. Выпавший за ночь снежок слегка припушил округу. Малиново-розоватое поднялось с востока солнце, осветив своими лучами тихие уголки смоленских лесков и полянок, и огромную ленту машин, тягачей, орудий, бензовозов, электростанций, санитарных и легковых машин. Эта лента простиралась и вперед, и назад, сколько мог видеть глаз. Но кроме машин здесь было много пеших и конных. Иногда около дороги продвигались целые части, но больше брели одиночки и небольшие группы людей. Но куда они шли? Одни шли вперед в сторону Вязьмы, другие пересекали шоссе с юга на север или наоборот. Здесь не было определенного направления движения, это был какой-то круговорот. Машины стояли, но мы не могли заснуть, мешали голод, сознание нашего положения, а самое главное - холод. Теперь нашей одежды уже было недостаточно, замерзали ноги без теплых портянок, мерзли уши, которые мы старались закрыть нашими летними пилотками, мерзли руки, на которых не было варежек. У одной машины впереди нас испортился мотор, на этой машине был человек, который попросился в нашу машину. Мы его пустили, так как он дал нам за это полмешка гречневой крупы. Эта крупа спасла нас. Мы слезли с машины и тут же, около дороги, стали варить себе гречневую кашу. И, хотя у нас не было соли, мы с удовольствием поели эту несоленую гречневую кашу. Этот день прошел в ожидании. Машины почти не продвигались вперед. За целый день мы проехали не более одного-двух километров. За этот день особых событий не наблюдали. Количество людей, которые были в окружающей местности, все возрастало. Это происходило за счет тех, кто двигался пешком и на лошадях. Они несколько отстали от потока машин. Несколько раз над нами пролетали немецкие самолеты, но они не бомбили и не стреляли из пулеметов.

Окружение становилось фактом, который все сознавали и чувствовали. По инициативе отдельных командиров начали

устраиваться некоторые позиции. Местами расположились артиллерийские батареи или отдельные орудия. Некоторые из этих орудий временами стреляли, но куда падали их снаряды, вряд ли знали и сами артиллеристы. В одном месте мы видели группу зенитных пулеметов, имеющих по четыре соединенных между собой ствола. Эти пулеметы стреляли в пролетающие немецкие самолеты. Куда-то двигались пехотные и кавалерийские части, занимали какую-то оборону, и все это происходило или стихийно, или по инициативе отдельных командиров. Общего порядка и командования не было. Стали говорить, что на выручку окруженных частей посланы какие-то бронетанковые соединения, на это многие возлагали большие надежды. Эти разговоры передавались из уст в уста, с машины на машину и в достоверности их убедиться было невозможно. Мы ждали, ждали, что вот-вот двинется вновь наша застывшая, точно примерзшая к земле, колонна машин, но со второй половины дня движение вовсе прекратилось. Целый день мы простояли почти на месте, нас мучило томительное ожидание, надежда вырваться из окружения то исчезала, то возвращалась вновь. Нас мучил холод, от которого совершенно некуда было спрятаться, мучила усталость, временами страшно хотелось спать. Но вся обстановка заставляла поминутно настораживаться. Мы обсуждали свое положение. Коршунов предлагал, пока не поздно, бросить машину и выбираться из окружения пешком, его план несколько раз обсуждался, но всякий раз большинством отвергался. Машина, хотя и неподвижная, была нашей надеждой, мы верили в то, что окружение будет прорвано, и мы, воспользовавшись машиной, вместе со всеми остальными сможем выбраться из этого тяжелого положения, в которое мы попали. Так шло время, и, наконец, наступила ночь, но это не была ночь, похожая на обычные ночи людей. Несмотря на то, что мы, как и все кругом нас находящиеся, не спали уже трое суток, ночь несколько не увеличила нашего желания спать, наоборот, тьма обострила чувство тревоги. Впереди было видно зарево, там, как мы знали, горела Вязьма, со всех сторон раздавалась беспорядочная стрельба.

Особенно сильно стрельба слышалась впереди. На горизонте во многих местах виднелись зарева пожарищ. Это горели населенные пункты, села и города Смоленской области. Иногда над

нами пролетали немецкие самолеты. В этом случае многие люди бежали от машин в лес, боясь бомбежки, но самолеты нас не трогали, очевидно, это не входило в планы гитлеровского командования. Чем больше проходило времени, тем тяжелее становилось наше ожидание, тем казалось оно бессмысленнее.

Часов в одиннадцать ночи Коршунов еще раз обратился к нам с предложением бросить машину и идти пешком. "Замерзнем мы здесь, переловят нас немцы, как мышей, что вам далась эта машина, погибнете вы вместе с ней",- говорил Коршунов. Но когда большинство все же высказалось за то, чтобы остаться в машине, он сказал: "Я уйду, кто хочет идти со мной, пойдёмте". С ним пошел только один я. Мы пошли вдоль колонны машин в ту сторону, куда мы должны были ехать. Мы прошли мимо потока остановившихся машин километров пять или шесть. Всюду около машин сидели люди, кое-кто стал разводить около машин костры. Впереди нам попало еще несколько побоищ, таких, как мы видели на дороге два дня назад. Но вот впереди стала слышна стрельба, явственно стали вырисовываться контуры какого-то большого пожара, и машины кончились. Мы пошли вдоль дороги, но вскоре подошли к месту, где падали мины и свистели

пули. Пройдя еще немного вперед, мы стали понимать, что так просто из этого места не выйдешь, что немцы наблюдают за дорогой, и что дальше идти, не зная пути, нельзя. Постояв немного, мы повернули назад и часа в два ночи вернулись к своей машине, которая стояла на том же месте. Мы рассказали о том, что нам удалось увидеть, сварили себе гречневой каши, поев ее немного, отогрелись около костра. Надо было опять ждать. Морозило, пошел небольшой снежок, грязь на дороге замерзла, из-за туч порой выглядывала луна, освещая мрачную, застывшую реку машин, тягачей, орудий, лица дремавших людей, всю эту страшную, необычную картину. Но вот на востоке забрезжила заря, начинало светать, все больше рассеивался мрак, все яснее становилось видно наши грязные опухшие лица, ввалившиеся глаза, отросшие за эти дни бороды.

И вдруг в колонне почувствовалось какое-то движение. Оно, как электрический ток, пробежало от машины к машине, от человека к человеку. Все, даже не зная в чем дело, стали заводить машины, послышался шум моторов, ожил огромный поток, казалось уже застывших машин. Теперь работали почти все моторы, бензиновая гарь наполнила чистый морозный воздух. По колонне быстро, как ветер, разнеслась весть, которую мы ждали уже целые сутки. Говорили, что какой-то полковник сказал, что окружение прорвано, что если ехать по проселочной дороге левее шоссе, то можно вырваться из окружения. Вскоре эти слова сделались достоянием всех. Наша машина стояла на шоссе довольно близко от того проселка, на который теперь устремились машины. Сначала машины придерживались дороги, но потом стали обгонять друг друга, и вдоль небольшой проселочной дороги потянулась лента машин. Эта лента становилась все шире, наша машина тоже ехала по целине. Ехать по целине можно было без особых затруднений, так как земля промерзла, и поле было довольно ровное. Постепенно образовалась целая лавина машин. Но вот машинам преградила дорогу небольшая речка со сравнительно пологими берегами, около этой речки образовалось целое море машин. Сначала машины ждали очереди около небольшого моста, но вскоре стали форсировать речку, невзирая на то, в каком месте это приходилось делать. Мы тоже стали форсировать преграду, выбрав место, где берега были более

пологие, а речка казалась нам мельче. Мы вылезли из машины, и шофер, разогнавшись, попытался с ходу взять преграду. Машина, подсакивая на бугорках, съехала с берега, рассекая воду, переехала речку, но не смогла выехать на противоположный берег. То, что в другое время было бы невероятным, было совершено нами в несколько минут. Мы все навалились на машину сзади и, обливаясь потом, буквально вынесли ее на берег. Таким же широким фронтом форсировали речку сотни машин, дальше поле как-то сужалось, и здесь образовалась страшная сутолока. В это время мне пришлось увидеть картину человеческого безумия. Впереди стоял бензовоз, кран его был открыт, и из него хлестал бензин. Около бензовоза творилось что-то необыкновенное: десятки людей с ведрами старались налить себе бензин, и все хотели сделать это первыми. Люди отталкивали друг друга, подсовывали свои ведра под струю и, удовлетворялись, если в ведро наливалось несколько литров бензина. Затем они бежали к своим машинам. Я видел, как какой-то командир, чтобы набрать бензина, ударил одного из стоявших перед ним в висок рукояткой нагана, тот пошатнулся и упал. Но этот эпизод не был чем-то особенным в той обстановке дикого стремления вперед, которая царила кругом. Скоро машины вырвались на широкое поле и сплошной лавиной, шириной, может быть, немногим менее километра, неслись вперед. Трудно представить себе эту картину, но она была совершенно необыкновенной, это была картина какого-то безумия, порыва вперед, казалось, что эта несущаяся лавина может снести все на своем пути.

Наша машина была почти в самых первых рядах, с нее было видно почти всю головную часть потока. В середине ехали автомашины, справа около опушки леса неслась конница, отставая от нее бежала пехота, слева от колонны машин тоже было видно кавалерию и пехоту, и вся масса имела одно только движение - только вперед, вперед, как можно быстрее, вперед, несмотря ни на какие преграды, вперед, не жалея ни машин, ни себя. А впереди расстилалось поле, кое-где покрытое кочками, поле, запорошенное свежим снегом, подмороженное небольшим морозом, на другом конце которого виднелось небольшое село с белой колокольней. Солнце розоватыми утренними лучами осветило и замерзшую

землю, и тихую колокольню, и запорошенный первым снегом лес, и лавину машин, лошадей и людей, стремительно несущихся вперед.

И вдруг со стороны деревушки разом застучали пулеметные и автоматные очереди, перед колонной просвистели и разорвались, взметнув в воздух комья грязи, мины. Точно по невидимому мановению жезла какого-то волшебника головная часть колонны на мгновение замерла, как бы остановилась в позе стремительного движения вперед, как на картине какого-нибудь великого баталиста, а затем повернула и понеслась назад. Произошла страшная сутолока, некоторые машины еще продолжали двигаться вперед. Машины сталкивались, опрокидывались, налезали друг на друга, люди выскакивали из машин и бежали вглубь колонны и в сторону леса, который был у нас до этого по правую руку, а теперь стал по левую. Под радиатором нашей машины разорвалась мина, и машина остановилась, теперь она уже была не нужна, мы соскочили с нее и влились в общий поток бегущих людей. Когда я подбежал к лесу, то увидел среди окружающих меня только одного знакомого мне человека - то был Александр Волков.

Пройдя в направлении на юг, мы пересекли лесок, вышли на поле, по которому так же, как и мы, шло довольно много людей. Мы шли просто так, сами не знали куда идем. Может быть, мы думали, что нам там случайно удастся найти выход из окружения, но вскоре увидели, что это невозможно. Как только мы отошли по полю метров 500 от опушки леса, засвистели мины, и рядом с нами раздалось несколько взрывов. Все люди, бывшие тут, побежали обратно в лесок, и мы вместе с ними. На опушке леска мы нашли несколько разбитых машин, рядом валялись трупы убитых людей. Эти машины принадлежали, очевидно, какому-то отделу вещевого снабжения, потому что в них были теплые сапоги и пилотки. Сапоги нам были не нужны, а теплые пилотки мы взяли и с удовольствием надели их на свои головы. На моей пилотке была звезда, которую я хранил еще со времен, когда, будучи студентом, я стажировался на командира взвода. Бросив старую пилотку, я переколол звезду на новую теплую пилотку. Те бойцы и командиры, у которых были ботинки, стали менять их на сапоги. Как сейчас помню эту картину в лесу: около машин с обмундированием люди мерили сапоги, пилотки, бросали свои

старые вещи, разговаривали между собой. Основным вопросом был вопрос, как выйти из окружения. Нашлись люди, которые уже знали, как выходили из окружения. Выходили отрядами по сто и двести человек. Этот способ был самый безрезультатный. Такая группа сразу замечалась немцами и, будучи сравнительно малочисленной, почти вся погибала или попадала в плен. Лучше было попытаться счастье, попробовав проскочить мимо окружающих немцев маленькой группой. Такая группа могла рассчитывать на то, что ее не заметят, и в этом случае за ней оставался полный успех.

Посидев немного и отдохнув, мы пошли бродить по лесу. Он был полон людей, обычно это были или одиночки, или группы из двух-трех человек, знакомых между собой по службе в одной части. В середине дня мы встретили знакомого - это был заместитель начальника первого отдела нашей дивизии майор из запаса Миняев; и он и мы очень обрадовались встрече, теперь нас было уже трое, но ни у кого из нас не было ни крошки съестного. Голод напомнил нам, что в нашей полуторке осталась гречневая крупа, и мы стали строить план, как нам попасть к нашей машине. Мы подошли к тому месту, откуда было видно поле, бывшее свидетелем событий сегодняшнего дня. На нем виднелись брошенные машины. Идти на поле при свете было невозможно - могли заметить немцы, и мы стали ждать сумерек. Миняев остался на опушке леса, а мы с Волковым пошли к нашей машине, чтобы добыть интересующую нас крупу. Опасаясь обстрела со стороны немцев, мы осторожно пробирались к тому месту, где стояла наша машина. Поле носило следы разыгравшейся утром трагедии, на земле валялись трупы убитых людей, мы обратили внимание на то, что большинство из них лежало лицом к земле, как бы обхватывая ее руками. Наконец мы подошли к своей машине: без людей, среди этого безмолвного поля она показалась нам какой-то чужой. Я поднялся на кузов машины и тут окончательно убедился, что мы нашли то, что искали: по кузову было рассыпано несколько горстей гречневой крупы, но мешка не было. Очевидно, кто-то нас опередил. С пустыми руками мы вернулись к Миняеву. Эта ночь была холоднее других ночей, мороз доходил до 5-6 градусов, по крайней мере, так нам казалось. Усталые и изнемогающие от желания заснуть мы старались потеплее устроиться в какой-то

копне льна, но у нас ничего не вышло. Мы ложились рядом, накрывались пучками льна, но холод пробирал до костей, коченели ноги, болели кости. Вскоре мы поняли, что заснуть не удастся. Тогда мы встали и начали бродить по лесу. Затем решили выйти из окружения. Выбрав определенное направление, мы стали двигаться в этом направлении через лес. Мы прошли километров пять и подошли к месту, где на границах окруженного участка расположилась какая-то часть. Пройдя вперед за линию обороны, мы вскоре были обстреляны из автомата и, увидев, что нас заметили, вернулись обратно и опять стали бродить по лесу. Кругом были люди, в некоторых местах разожгли костры, около них грелись, а те, у кого было что-нибудь съестное, варили в котелках пищу. Мы подошли к одному из таких костров и старались согреться.

Вдруг один из сидевших около огня вскрикнул, схватился за грудь и упал на землю; затем над нами просвистело несколько пуль - это стреляли немецкие снайперы. После этого все отбежали от костра. Больше к кострам мы не подходили. В эту ночь мы повидались и поговорили со многими людьми. Разговоры эти начинались с вопросов: "Из какой вы части? Из какого города? Кадровый или ополченец?" Из этих разговоров мы узнали, что под Вязьмой в окружении находились штабы и части нескольких армий. Тут были представители всех родов войск, большинство было кадровых, но встречались и ополченцы, здесь были люди из разных мест страны: с Урала, из Сибири, но больше всего попадалось москвичей. Все разговоры сводились к одному вопросу: как выйти из окружения. Приводились примеры удачных и неудачных выходов, и мы приходили к выводу, что легче всего было выйти небольшой группой, но для этого надо было изучить местность, выяснить, в каком месте легче пройти через кольцо немецкого окружения.

Вот со стороны востока небо стало светлее, затем заалела заря, и мы опять увидели ту картину, к которой стали привыкать, если только к этому можно привыкнуть. Мы увидели множество таких же, как мы, грязных, обросших и исхудавших людей и, нередко, валявшиеся около них трупы. Теперь, утром, в пору, когда люди обычно встают после сна, мы почувствовали еще больше свою усталость, почувствовали еще больше голод,

ощутили какую-то дремоту, казалось, еще больше замерзли и продрогли. Из нас троих наиболее крепким и выносливым был Александр Волков, но и он был изрядно подавлен всей этой обстановкой. В эти дни я понял, что значит постоянно замерзать, что значит не спать несколько суток подряд, что значит смертельно устать. Я хорошо помню, что холод, голод и усталость снижали волю к жизни, делая жизнь какой-то постоянной пыткой, и, несмотря на это, мы находили силы на то, чтобы думать, как выйти из окружения, на то, чтобы найти этот выход. Давала нам силы мысль о судьбе нашей Родины. Эта мысль тревожила нас, и мы говорили и думали о том, что теперь происходит, куда пошли немцы, где теперь фронт. И мы не хотели выходить из борьбы, окружить нас - это еще не значит взять нас. Думали мы и о судьбе наших близких, о том, что они теперь переживают, о том, что будет с ними, если мы уже никогда к ним не вернемся. В общем, в нас просыпалось чувство активного сопротивления окружающему нас врагу.

Выбрав местечко повыше, мы осмотрели местность и увидели, что в сторону востока шел лес. Решив, что лесом пройти будет легче, мы пошли в сторону востока, думая разузнать за день, где можно выйти из окружения по условиям местности и по опыту тех, кто уже пытался это сделать. Мы прошли несколько километров и остановились в небольшой ложбине, в которой и около которой собралось несколько сотен таких же, как мы людей. Мы сели отдохнуть и поговорить о нашей судьбе. Вскоре над нами появился немецкий самолет, до этого я таких самолетов не видел: он был небольшой, с сильно выгнутыми резко-геометрического очертания крыльями. Кто-то назвал этот самолет "кривой ногой". "Кривая нога" пролетела на сравнительно небольшой высоте над ложбиной, где сидели люди, и улетела. Буквально через несколько минут после ее исчезновения в районе ложбинки начали падать мины - немцы простреливали место скопления людей.

Не желая стать жертвой немецкой мины, мы, как и другие, бегом пустились по лесу. Всякий раз, когда над нами протяжно свистела мина, мы ложились на землю. Через несколько минут мы уже были вне зоны обстрела и продолжали свой путь на восток. Вдруг кто-то окликнул майора Миняева, он обернулся и увидел несколько человек, которые оказались командирами и бойцами из

артиллерийского полка нашей дивизии. Одного из них, помнится, капитана, Миняев знал, так как тот бывал в первом отделе нашего штаба по делам службы. Мы решили соединиться, теперь нас стало человек восемь. Как выяснилось из разговоров, они определенного плана по выходу из окружения еще не имели. Выслушав наш план, они охотно к нему присоединились, и мы все вместе пошли по лесу в сторону востока. Так же, как и у нас, у товарищей из артиллерийского полка не было ни крошки пищи, и они, так же, как и мы, не спали уже шестые сутки. Сон овладевал нами, мы брели, с трудом передвигая ноги, почти не разговаривая между собой. Вот уже четвертые сутки мы находились в окружении, несколько раз за последние дни мы побывали под автоматными, пулеметными и минометными обстрелами, участвовали в боях, повидали страшные картины смерти и разрушения.

Четвертые сутки мы чувствовали себя в огромной западне, окруженной армией врага, который находился в ожидании, когда мы полностью потеряем силы, волю к борьбе и жизни и начнем сдаваться в плен. Тяжелые мысли одолевали нас, нам было обидно, что здесь, на родной земле, на гибель и плен были обречены многие десятки тысяч людей, огромное количество машин и всякой техники. "Но, - думали мы, - пока у нас есть силы и возможности, не дадимся мы немцам". В этом нашем сопротивлении, в этой воле людей к борьбе было то положительное, что возвышает Вяземское окружение над многими окружениями из истории войны. Несмотря на отсутствие общего командования, Вяземское окружение оказывало сопротивление немецким войскам. Местами это сопротивление было организовано отдельными командирами, около которых сохранились части их полков, батальонов, дивизий и армий, местами это сопротивление возникало стихийно, как протест русских людей против действий врага, вторгшегося в пределы нашей Родины. Кто был под Вязьмой, тот представляет себе огромные масштабы происходивших там событий, тот представляет себе ужас пережитого людьми, которые были в числе окруженных частей, тот представляет себе значение для судьбы Москвы, а может быть, Родины того сопротивления, которое оказало Вяземское окружение немецко-фашистской армии. Вяземское окружение было одной из

самых крупных операций первых месяцев Великой Отечественной Войны.

Несмотря на всю тяжесть потерь, понесенных нашей армией в октябре 1941 года под Вязьмой, Вяземское окружение сыграло большую роль в переломе военных событий в нашу пользу в этот тяжелый момент Великой Отечественной войны. Возникшее под Вязьмой сопротивление вынудило немецкое командование выделить значительную часть наступающей в сторону Москвы армии для проведения борьбы с окруженными войсками. Вяземское окружение являет сотни и тысячи героических подвигов как отдельных командиров, так и целых войсковых групп, порой достигавших по численности до десяти тысяч человек. Эти подвиги замечательны еще и тем, что люди, совершавшие их, находились в невероятно тяжелых условиях окружения, условиях, о которых лишь некоторое бледное представление дают картины, описанные в этом повествовании. Эти подвиги замечательны и тем, что происходили они в самый тяжелый момент, когда, казалось, судьба Родины была в величайшей опасности, и в месте, где, кажется, соединились все несчастья, преследовавшие нас летом и осенью 1941 года.

У нас мало писали об окружении под Вязьмой, относя огульно и целиком все это явление к числу крупнейших неудач нашей армии. Это неправильный взгляд, Вяземское окружение заслуживает того, чтобы его изучили, описали в литературе, оценили все его положительное значение, подняли на должную высоту подвиги тысяч людей, тех, что боролись, погибали и побеждали под Вязьмой. А надо прямо сказать, что пребывание в окружении под Вязьмой расценивалось как отрицательный момент в наших биографиях, и это приходилось не раз чувствовать при дальнейшей службе в армии почти до самого конца войны, когда этот факт вообще стали игнорировать, как бы за давностью времени. Я здесь не говорю о наших товарищах по дальнейшей службе в армии, они всегда со вниманием слушали рассказы о Вяземском окружении и отдавали должное тому, что мы пережили в то суровое время (так было со мной, думаю, так было и с тысячами других участников Вяземского окружения). Надо приветствовать то изменение отношения, которое произошло за последнее время к тем, кто попал в плен в районе Вязьмы, к этим

людям после их возвращения из плена было очень несправедливое отношение, и им пришлось немало пережить в связи с этим. Ведь не всем посчастливилось выйти из окружения, не у всех хватило на то сил, да и не всем представились для этого благоприятные обстоятельства. Нельзя судить людей, лишенных командования, лишенных пищи, зачастую не имеющих никаких боеприпасов, недостаточно хорошо одетых и замерзавших в условиях рано начавшейся зимы 1941 года, людей, которые были со всех сторон окружены вооруженной до зубов немецко-фашистской армией. Кроме того, надо иметь в виду, что многие из них оказывали немцам вооруженное сопротивление и использовали все имеющиеся у них средства прежде, чем были вынуждены безысходностью своего положения сдаться в плен, вернее, они не сдались в плен, а были взяты в плен против их воли немецко-фашистскими войсками.

Однако, продолжу описание того, что происходило с нашей маленькой группой. Стараясь поплотнее закрыться нашими плащ-палатками, чтобы сохранить тепло нашего тела, мы медленно шли по лесу. Вдруг невдалеке мы увидели большую толпу людей, которая собралась около двух машин. Мы решили узнать, что там делается.

Когда наша группа подошла к машинам, мы увидели, что люди расхватывают мешки с сахаром и ящики с концентратами. Протиснувшись к машинам, мы умудрились достать себе несколько килограммов прекрасного кускового сахара, несколько десятков кусков концентратов из пшенной крупы и довольно большой кусок самого настоящего мяса. Отойдя от машины, где нам удалось получить продовольствие, и выбрав ложбину поудобнее, мы занялись приготовлением обеда. Были мобилизованы все котелки, в которых на костре варилось мясо и пшенный концентрат, но, не дожидаясь этого прекрасного обеда, мы ели сахар. Вскоре мясо сварилось, каждый из нас получил кусок весом не менее полукилограмма и мог утолить свой голод. Нам удалось раздобыть соль, выменяв ее у одного из соседей на сахар,

В это время над лесом, где мы обедали, пролетела опять "кривая нога", и вскоре опять засвистели мины. Стреляло пять или шесть минометов. Мины сначала разрывались метров за сто

пятьдесят от нас, затем с каждым залпом ряд разрывов все приближался к нам. Хорошо помню свист летящей мины: сначала этот свист бывает еле слышным, затем, все нарастая, оканчивается взрывом. Мы не стали никуда убегать, а, поплотнее прижавшись к земле, уплетая свое мясо, лежали на том же самом месте. Одна мина плюхнулась совсем рядом с нами, метрах в трех-четырёх, но она почему-то не взорвалась. Затем шеренга взрывов перенеслась куда-то вглубь, и мы могли спокойно перейти к своей каше. В это время Саша Волков окрикнул какого-то красноармейца, проходившего мимо нас, он назвал его по имени. Тот обернулся и назвал Волкова "Сашей". Они подошли и пожали друг другу руки. Красноармеец, с которым поздоровался Волков, был из одной с ним деревни. Хотя они не виделись уже довольно много лет, они узнали друг друга. Он подошел к нашему костру и с удовольствием поел пшенной каши, которую мы ему предложили, и у нас завязался разговор.

Сначала Волков рассказал, как мы хотим выйти из окружения, а потом заговорил его односельчанин. Он сказал нам, что у них сохранилась половина кадрового состава саперного батальона, помнится, около 400 бойцов, сказал, что этой ночью они будут выходить из окружения и предложил нам присоединиться к его части. Несколько пожалев о своем плане, мы решили воспользоваться его приглашением.

Вычистив свои котелки, разделив между собой сахар и пшеничные концентраты, мы двинулись за товарищем Саши. Совсем поблизости от того места, где мы варили себе еду, был небольшой овраг, в нем то и расположился батальон, в котором служил Сашин земляк. Они сидели и лежали на земле, кое-где горели костры, на них готовили пищу; у них были еще некоторые запасы продовольствия. Народ это был все рослый, крепкий, одного возраста; как говорится, кадровики.

Не помню, с кем мы вели переговоры о нашем присоединении к батальону, но здесь возник такой план: наша группа должна была выполнить роль разведки при выходе из окружения, это соответствовало и нашим планам. Нам дали бойкого, живого паренька, который в прошлую ночь, разведывая дорогу для батальона, два или три раза пробирался незамеченным через линию немецкого окружения и возвращался назад. Он

говорил, что в лесу наша группа сможет пройти незаметно, а за ней пойдет батальон, который должен будет, в случае нашей удачи, подползти к позициям немцев и, внезапно напад на них, прорвать линию обороны и вырваться из окружения.

План этот был более реален, чем наш. Теперь приближалось время, когда мы этот план должны были превратить в действительность.

Все хорошо понимали, что могут возникнуть большие трудности, что дело не обойдется без жертв с нашей стороны и многим придется погибнуть этой ночью в этом неизвестном лесу. Мы наломали себе веток, положили на них плащ-палатки и улеглись, прижимаясь друг к другу. После еды нами овладела какая-то дремота: это не был сон, это было какое-то полузабытье. Днем холод был меньше: на солнце, которое показывалось из-за туч, начинал таять выпавший в эти дни снежок. Было довольно тихо, трудно было подумать, что здесь, почти рядом, расположено около 400 людей, которым этой ночью предстоит испытать в неравном бою свою судьбу. Отдыхая, мы старались восстановить свои силы, которые, как мы понимали, будут нужны нам этой ночью.

Но неожиданное обстоятельство изменило еще раз все наши планы.

ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА КОЗЛОВА

На склоне оврага появились два старших лейтенанта. Они были одеты в полную форму - форму кадровой армии, с кубиками на петлицах, с ремнями, перекрещивающимися на спине, с планшетками и наганами. Такой вид был необычен в этих местах и в это время: большинство командиров сняло ремни, так как немецкие снайперы, замечая командиров именно по этим ремням, охотились за командным составом. Командиров отличал лишь наган, который висел на шинельном ремне.

Правда, эти два командира не выглядели так, как если бы они прибыли со стороны: шинели их были испачканы, лица небритые, глаза как у всех нас ввалились; в общем, это были командиры из числа окруженных частей. Один из них, стройный, сухощавый, невысокого роста человек, обратился к нам со следующими словами: "Товарищи, - он подождал, пока на него обратят внимание, а потом продолжал, - товарищи, генерал-майор Козлов, командующий армией (он называл номер армии, но я этот номер точно не помню и не буду его называть), организует выход из окружения. У него имеется несколько кадровых, почти полностью сохранившихся частей: саперный батальон штаба армии, батальон связи, часть батальона разведки и другие части, а также несколько тяжелых орудий. Выход из окружения будет осуществляться этой ночью. При выходе из окружения группу генерал-майора Козлова будет поддерживать артиллерия. Если вы хотите присоединиться к нам, мы отведем вас в расположение частей генерал-майора Козлова".

Посоветовавшись несколько минут, весь состав саперного батальона и наша группа решили присоединиться к группе войск под командованием генерал-майора. Все поднялись на ноги: впереди пошли два старших лейтенанта, а за ними длинной лентой гуськом - бойцы и командиры саперного батальона и среди них наша маленькая группа.

Присоединение к группе генерал-майора было для нас важным и ответственным шагом, ясно и четко определявшим нашу судьбу; теперь мы шли к месту, где должны были

встретиться с врагом для того, чтобы или победить его или умереть. Я никогда до этого не слышал фамилию генерал-майора Козлова, а теперь вверил ему свою жизнь и свою судьбу.

Правильно ли мы поступили? Этот вопрос не раз возникал в нашем сознании пока мы шли, вытянувшись длинной лентой за двумя старшими лейтенантами. Но что-то располагало к тому, чтобы верить нашему новому руководителю, и это "что-то" было поведение и обращение с нами двух командиров, шагавших в голове колонны. Это "что-то" было то чувство, которое слышалось в голосе старшего лейтенанта, когда он говорил о генерале. И это чувство уважения, которое было у командиров к своему генералу, чувство, которое в этой обстановке могло быть только искренним, передавалось невольно и нам.

Мы прошли уже более километра и пересекли небольшую покрытую снегом полянку, как увидели, что в десяти-пятнадцати метрах от нашей колонны лежит убитый. Так как убитые не были чем-то особенным, шеренга шла мимо, не обращая на него почти никакого внимания. Только каждый про себя думал: "Вот, может быть и я буду так же валяться на снегу, когда пройдет эта ночь".

И вдруг, когда наша группа еще не поравнялась с убитым, он зашевелился, затем с невероятным усилием поднялся на локоть, обратил в нашу сторону свою страшную голову с мертвенно-бледным лицом, со взъерошенными волосами, слипшимися от запекшейся крови. Он посмотрел на нас затуманенным взглядом, в котором мелькнула искра сознания и надежды; хриплым жалобным голосом он простонал: "Помогите"! Мы же шли мимо, опустив низко головы, стараясь не глядеть на раненого, и в тоже самое время были не в силах оторвать от него наших глаз.

Он сначала просил, но видя, что мы проходим мимо, он стал ругать нас, затем поднялся на ноги, стал кричать ругательства и какие-то бредовые слова, сделал несколько неверных шагов в сторону нашей шеренги и, оступившись, упал на землю плашмя, ударившись об нее головой, и замер, распластавшись, раскинув руки, пальцы которых судорожно впивались в землю.

Тут он приподнял лицо, по которому теперь струилась кровь, и посмотрел на нас взором, в котором была ненависть, мука и мольба одновременно. Никогда не забыть мне этого взгляда! Он

был для нас, кажется, тяжелее нашей собственной доли; но что могли сделать мы, у которых не было ничего, мы, каждого из которых через несколько часов могла ожидать судьба этого несчастного умирающего человека.

Поднявшись на небольшой холмик, наша колонна вошла в лес. Здесь царило заметное оживление; чувствовалось, что все, что здесь происходит, делалось по какому-то плану.

То и дело в этот лес прибывали новые группы людей; их приводили командиры генерал-майора Козлова. Эти группы содержали от 10-20 человек до 4-5 сотен. В лесу собиралась значительная войсковая группа. Нас располагали шеренгами; помнится, мы находились в третьей шеренге, за нами находилось еще несколько шеренг.

Нас подвели к переднему краю обороны позади стрелковых окопов, которые тянулись сплошной линией через лес. В окопах находились бойцы и командиры из кадровых частей генерал-майора. Нас расположили позади этих окопов, вытянув в сплошную линию длиной около километра. Таких лент-шеренг было около 7 или 8, за этими шеренгами находились санитарные машины с ранеными; эти машины должны были вслед за нами вывезти раненых из окружения. Где-то в глубине, на окруженной территории, расположилась батарея из нескольких 152-х миллиметровых орудий, которые должны были поддерживать нас во время боя. Для руководства войсками генерал-майор вдоль по фронту через некоторые интервалы (метров по 50-100) расставил ответственных командиров, которые получили условные названия по имени цветов: роза, ромашка, левкой, одуванчик и т. д. На этих командиров возлагалась ответственность за руководство теми людьми, которые находились в непосредственной близости от них.

Была установлена строгая дисциплина, никто не должен был командовать и кричать.

Команды отдавал сам генерал-майор, который находился в передних шеренгах в середине нашего построения. Ответственные командиры должны были передавать команду генерала и этим самым организовывать действия людей во время боя.

Вдоль фронта были распределены такие средства борьбы, как ручные и станковые пулеметы, люди, вооруженные

зажигательными бутылками, противотанковыми и ручными гранатами.

Противотанковые средства были нужны, т. к. не исключалась возможность того, что немцы будут использовать против нас танки. Все эти приготовления происходили при соблюдении строжайшей тишины и светомаскировки, было запрещено разжигать костры и курить.

Наши цепи были расположены метров за 30 позади окопов, в которых находились бойцы, поддерживающие постоянную перестрелку с немцами.

Со стороны немцев велась также сравнительно неинтенсивная автоматная и винтовочная стрельба. Мы должны были или лежать на земле, или, в крайнем случае, сидеть, но так, чтобы нас было не видно со стороны немцев; это облегчалось тем, что мы сосредоточились в лесу. Людям, имевшим винтовки, были розданы дополнительные патроны, также раздавались гранаты и зажигательные бутылки, но этих средств было довольно мало.

Наконец, приготовления были окончены, движение в нашем лагере прекратилось, и мы стали ждать сигнала к началу наступления. Только иногда среди леса пробирался связной, который шел или от генерал-майора, или от ответственных командиров к нему.

Среди войск, которые были готовы выйти из окружения под командой генерал-майора Козлова, были самые разнообразные части: большинство составляли кадровые бойцы и командиры, но не мало виднелось и ополченских курток со стоячим воротником. Здесь, по-моему, были представители всех армий, части которых попали под Вязьмой в окружение.

Несмотря на то, что мы не знали друг друга, между нами сразу же установилась какая-то тесная моральная связь. Большую роль в этой связи играл принцип добровольного привлечения в нашу группу большинства ее участников (около трети группы находилось, как я указывал выше, в составе частей, где генерал-майор был командиром). Все, кто здесь был, готовы были в бою отстаивать свою свободу и честь Родины. Не последнюю роль в нашем сплочении играл тот авторитет, которым обладал генерал-майор Козлов у своих подчиненных; было видно, что они ему верили, и эта вера передалась и всем остальным.

Итак, в лесу замолкло в ожидании боя около десяти-двенадцати тысяч бойцов и командиров, кадровых и ополченцев, московских, смоленских, сибирских, уральских сынов нашей Родины, готовых отомстить за нее ненавистному врагу.

Миняев, Волков и я сидели почти рядом, подложив под себя ветки; на головах у нас были надеты каски, которые мы в этот день утром подобрали в лесу. Как сейчас помню, каски оказались очень тяжелыми и, с непривычки, утягивали голову при повороте шеи и наклоне головы. Шея от них очень уставала, и мы их частенько снимали и клали на землю. У каждого из нас был наган и по полусотне патронов. Мы осмотрели наганы, потренировались в их перезарядке; ближе к середине ночи из-за отдельных бежавших по небу облаков стала выглядывать луна. Она была почти полная, ее холодный отраженный свет сквозил сквозь ветви деревьев, освещал тихие покрытые белым снегом полянки, освещал лица дремавших людей, серебрил края облаков, которые плыли по бездонному темному небу, на котором кое-где виднелись одинокие звезды. Стрельба со стороны немцев прекратилась; были тихи и эти залитые лунным светом, запорошенные снежком полянки, и эти сидевшие неподвижно люди. Была тишина, но это была тишина перед бурей; как гигантская пружина притаилась эта людская масса, готовая по первому сигналу нанести страшный удар по врагу. И вдруг по нервам точно пробежал электрический ток, все разом насторожились, воздух вздрогнул от залпа орудий и от грохота разорвавшихся снарядов. Это наша артиллерия начала обстрел немецкой обороны, наши пушки сделали несколько залпов по тому месту, где располагались немцы. И как только орудия перенесли свои залпы куда-то вглубь немецких позиций, наша группа пришла в движение. Раздалась команда “В атаку! Вперед!”, которая пронеслась по всей цепи распределенными по ней командирами. Мы побежали вперед, стреляя на ходу в сторону немцев. Тотчас со стороны немцев открыли огонь автоматчики. Судя по огню, немцы приготовились к встрече с нами, но они не смогли сосредоточить силы, достаточные, чтобы противостоять нам. Наша группа широкой лавиной бежала в сторону немцев, стреляя в них на ходу. Немцы использовали в этом бою трассирующие пули, по лесу веерами летели светящиеся точки трассирующих пуль, как-то

особенно потрескивающих в воздухе. То, что немцы стреляли трассирующими пулями, приносило нам двойную пользу: во-первых, было видно, как ведет свою очередь автомат, и можно было, до некоторой степени, увертываться от пуль, во-вторых, было видно, где располагается автоматчик, следовательно, легче было его уничтожить. Вскоре мы уже были в пределах обороны немцев. Но немцы имели глубокую оборону, автоматчики были расположены, как и мы, в несколько эшелонов, но их было гораздо меньше, чем нас. Трудно представить себе их число, но думается, что на участке нашего прорыва их было не менее 1000-1500 человек. Уцелевшие в первой линии автоматчики отошли ко второй своей линии. Их огонь стал очень сильным, и нам было приказано залечь. К нам подтягивались задние шеренги, мы открыли интенсивный огонь по автоматчикам; их ряды стали таять. Опять раздалась команда “Вперед!” Наши цепи поднялись и вновь пошли в атаку. Мы бежали, стреляя в автоматчиков на ходу, затем мы снова залегли и стали продвигаться перебежками, перебегая вперед от одного укрытия к другому. Я спрятал в кобуру наган и подобрал винтовку, положив в карман несколько валявшихся возле нее обойм. С винтовкой было как-то уверенней, уж очень ничтожными казались выстрелы из нагана среди шума этого боя. Помню, как перебегая от одного укрытия к другому, я спрятался за какое-то возвышение. Когда, после падения на землю, я посмотрел вперед, то увидел перед собой совершенно голое, уже замерзшее тело молодого атлета. Труп был огромного размера, лежал он на спине. Луна, отблески выстрелов освещали это молодое тело, делая его похожим на какую-то восковую статую. Я удивился только одному: почему он совершенно голый. Это мне непонятно и до сих пор.

Перебегая и все время стреляя на ходу, мы двигались вперед; автоматчики отходили назад, отстреливаясь длинными очередями из автоматов, от них к нам протянулись длинные линии трассирующих пуль. Эти пули летели как маленькие огоньки. Ощущая успех нашего предприятия, мы все упорнее и все быстрее двигались вперед, иногда залегая, а потом устремляясь на немцев.

Немцы старались прижать нас с флангов, старались отрезать задние шеренги от передних, и им это, очевидно, частично удалось; но главная часть группы двигалась вперед, ведя постоянный огонь по отходившим автоматчикам.

Но вот над нами полетели снаряды, и в воздухе раздался их оглушительный свист: это мы попали под огонь своей артиллерии. Не то мы дошли до места, которое она простреливала, не то она перенесла свой огонь и теперь ее снаряды рвались в том месте, где проходила наша группа. Мы приспособились к ее огню, и, как только взрывалась очередная партия снарядов, раздавалась команда “Вперед!” и мы, что есть мочи, бежали вперед до тех пор, пока не раздавался свист летящих снарядов, который заменял команду “Ложись!”

Снаряды тяжелых орудий рвались со страшным грохотом, порой обсыпая нас комьями земли. Помню, что в этот момент я чувствовал себя значительно лучше, чем под обстрелом автоматчиков; была какая-то, может быть, глупая уверенность, что снаряд не попадет.

И вот мы пробежали через зону обстрела нашей артиллерии; в ушах еще стоял звон от разрывов, в воздухе еще носился запах пороховых газов, а мы продолжали двигаться вперед, сохраняя порядок шеренг; правда, теперь шеренги стали более плотными и сливались как бы в одну полосу.

Впереди опять показались автоматчики. Мы вновь открыли по ним огонь, продолжая перебежками двигаться вперед. Мы то залегали, то повинувшись команде “Вперед!”, которая передавалась по нашей цепи ответственными командирами, бежали, стреляя на ходу в отходивших автоматчиков.

Здесь одна пуля из автомата задела мою каску; удар был довольно сильный, он был похож на удар палки. Каска, которую я теперь совсем не чувствовал на голове, наверное, спасла мне жизнь.

Вспоминается самочувствие во время боя: во-первых, никакого страха не чувствовалось, страшно было только тогда, когда первые орудийные выстрелы возвестили начало боя, это было только одно мгновение, затем страх исчез, его заменило какое-то обостренное внимание. Усталость и сонливость исчезли, сознание работало четко и ясно, точно я утром после зарядки читал газету, а ведь я не спал уже шесть суток подряд! Казалось, что можно вставать и ложиться бесчисленное число раз, увертываясь от огоньков автоматных очередей.

Здесь запомнилась мне одна сцена, очевидцем которой пришлось мне быть. Передо мной бежали три девушки, должно

быть, из санитарного батальона. Вдруг одна из них вскрикнула и схватилась руками за грудь - ее ранила автоматная пуля. К ней подбежали подруги, и сквозь шум боя я услышал, как она сказала. Эти слова остались в моей памяти навсегда: “Возьмите меня, девушки, я еще жить хочу”. Она могла передвигаться и с помощью своих подруг, которые перевязали ей грудь и поддерживали ее, она вышла из окружения.

Казалось, что мы уже прорвали окружение, впереди уже не было слышно выстрелов, они слышались лишь с флангов нашей группы и за ней, и из того места, в котором мы прорвали линию окружения. Но вдруг немцы стали обстреливать нас минометами; от взрывов мин стоял сплошной несмолкаемый гул, совсем нельзя было различить отдельных взрывов, воздух наполнился едким пороховым дымом. Мы бежали вперед, стараясь как можно быстрее пройти это место, стараясь как можно скорее выйти из зоны минометного обстрела. Это был бег наудачу: прятаться или уберечься от мин было невозможно, так как они разрывались непрерывно; свиста мин слышно не было, этот свист тонул в сплошном грохоте взрывов.

Думаю, что во время прохождения через полосу минометного обстрела мы потеряли немало убитыми и ранеными, которые оставались на поле боя, если только некоторые раненые не могли сами продолжать путь.

Но вот мы вышли на место, которое не обстреливалось из минометов, или, возможно, по какой-то причине огонь из минометов был немцами прекращен. Теперь мы продолжали бежать по лесу; вскоре он стал редеть, и мы вышли на опушку. Перед нами открылось широкое поле, покрытое белым снегом и освещенное светом луны, которая то исчезала за бегущими по небу облаками, то вновь появлялась.

По середине этого поля протекала какая-то маленькая речка, по берегам ее местами виднелся невысокий кустарник. За речкой, на той стороне поля, возвышалась насыпь железной дороги, которая была расположена приблизительно поперек направления нашего движения. Поле это было довольно широкое; нам предстояло пройти по нему около километра.

На опушку леса мы вышли уже не сплошной шеренгой, а двумя группами, вытянутыми в том же направлении, что и наши

первоначальные шеренги. Двигаясь в заданном направлении, мы вышли на край этого большого поля.

Как только люди отделились от леса, немцы стали обстреливать нас и с правого, и с левого флангов.

Местность была открытая, и немецкие пули стали поражать многих, создалось некоторое замешательство; люди побежали к лесу в места, не простреливаемые немцами. Кроме того, желая стрелять в немцев вдоль фланга, две наши группы стали стрелять друг в друга. Раздались какие-то крики и команды, не исходившие от генерал-майора.

И тут я впервые увидел и услышал генерал-майора Козлова; образ его навсегда останется в моей памяти, как образ бесстрашного героя. Совсем рядом со мной прозвучал могучий голос, казалось, покрывший шум боя: “Прекратить стрельбу!” Команда была передана в обе стороны ответственными командирами, и стрельба моментально прекратилась. А генерал продолжал: “Кто тут командует? Командир тут есть. Всякого, кто нарушит мою команду, расстреливать на месте!”

Этот голос восстановил дисциплину, вновь соединил в этот ответственный момент нашу большую группу, дав ей уверенность и единую волю. Моментально исчезли всякие следы паники, которая, казалось, могла расстроить наши ряды.

Генерал-майор был одет в генеральское зимнее пальто с серым каракулевым воротником, на голове его была папаха. Луна и зарево пожара освещали его довольно молодое лицо с высоким лбом, лицо, в котором светилась уверенность в победе, видна была воля большого и умного человека, и все это соединялось в каком-то страстном порыве, делавшем этого человека душой и сердцем нашего боя. Отдавая свою команду, генерал-майор Козлов стоял с поднятой и устремленной вперед рукой. Его высокая фигура четко вырисовывалась на фоне покрытого снегом поля, через которое нам предстояло пройти.

Закончив свою команду, генерал замолчал на несколько секунд, в продолжении которых все ожидали, что он еще скажет; затем, указав рукой на луну, которая вышла в это время из-за облаков, скомандовал: “Направление на луну, вперед, бегом!” И все как один бросились вперед!

Это было страшное поле: с левого и правого флангов немцы обстреливали нас из пулеметов, то там, то здесь падали люди, за нашей группой на снегу оставались убитые и раненные. Но, вступив на него, можно было выйти только вперед.

Для того, чтобы лучше нас видеть, немцы зажгли с правого фланга деревья в лесу, облив их, очевидно, бензином. Теперь эти деревья пылали, как огромные факелы. С левого фланга на расстоянии 1-1,5 километров от середины группы были зажжены дома в соседней деревне или на станции, находившейся на той же железной дороге, к которой мы продвигались.

Вдоль речки было размещено с десяток автоматчиков, но их огонь не мог остановить наше стремительное движение, мы стреляли в них на бегу.

Тяжело было бежать по этому полю! Не так было оно велико, а как трудно было его перейти! Широкое, ровное, покрытое тонким слоем первого снега, освещенное заревом двух пожарищ и светом луны, с фигурами нескольких тысяч бегущих людей, покрытое кое-где телами убитых и раненых - оно представляло грандиозную картину человеческой борьбы и страданий.

Около речки пришлось убавить темп нашего движения, залечь и открыть огонь по стрелявшим в нас с фронта автоматчикам. Я стрелял из винтовки в автоматчика, который располагался против меня, прячась за берег речки. Но вот кончились патроны; вынув из винтовки затвор, я бросил его в сторону и стал стрелять из нагана. Автоматчик перестал стрелять.

Раздалась команда “Вперед!”, и мы побежали к линии речки. Это была совсем маленькая речка. На берегу наполовину в воде лежало тело в немецкой шинели; я воспользовался им: наступив на него, перепрыгнул на другую сторону.

Теперь огонь немцев стал менее эффективным: от их пулеметов, которые стреляли в нас с флангов, теперь уже было более километра. Но мы продолжали бежать, опасаясь преследования танками. Нас еще подгонял какой-то огонек, который появился слева и приближался к нам по линии железной дороги.

Но вот невысокая насыпь, а за ней низкорослый лесок. Перебежав через насыпь, мы углубились в лес. Мы теперь не бежали, а скорее шли. Шум боя сменился тишиной ночного леса и нарушался теперь только топотом наших ног. Вдали за нами

раздавалась какая-то стрельба, горели в лесу зажженные немцами деревья и дома в деревне; там, откуда мы пришли, за заревом пожара, оставалось Вяземское окружение.

Только теперь вздохнули мы полной грудью, подняли головы и почувствовали, что вернулись к жизни на земле!

Генерал объявил привал. Мы повалились на землю не усталые, нет, а как люди, с которых спал какой-то тяжелый груз. Ко мне подошел молодой парень, раненый в ногу повыше колена, и попросил его перевязать. Пуля пробила ногу насквозь, видимо, не задев кость. Я взял один из двух индивидуальных пакетов, бывших у меня, и перевязал рану, закрыв ее с двух сторон тампонами и обмотав бинтом, который закрепил к поясу кальсон, чтобы повязка не упала.

Трудно представить, как мы здесь себя чувствовали, что мы переживали! Наши сердца переполняла какая-то радость, мы чувствовали какое-то теплое отношение друг к другу, точно все мы были братья, дети одной семьи. Все эти мучительные дни, все эти ужасы окружения, все сомнения, вся безысходность и неопределенность нашего положения теперь исчезли и заменились радостью исполненного долга, радостью свободы, ощущением жизни.

Мы чувствовали себя так, как будто мы второй раз родились на свет. В эти минуты мы забывали, чего стоила нам эта свобода, и не думали о том, что ждет нас впереди. Мы просто были счастливы, так счастливы, что наше счастье, казалось, готово было расплескаться из наших сердец. Никогда в жизни не пришлось мне испытать таких чувств, как в эти краткие минуты отдыха после выхода из окружения.

Я совсем не заметил, что в каких-то 10 метрах от меня расположился так же, как и все мы, человек, которому мы обязаны были всем, что мы сегодня совершили, которому мы были обязаны жизнью и этим необыкновенным счастьем. Я узнал его только тогда, когда какой-то строгий, но сердечный голос сказал: “Товарищ генерал, разрешите поздравить Вас с успешным выводом людей из окружения”. Я оглянулся в сторону говорившего и увидел, как генерал-майор Козлов жал руку какому-то невысокому аккуратно одетому командиру в шинели. “Поздравляю с этим же и

Вас, товарищ бригадный комиссар”, - ответил генерал, и в голосе, в котором было столько мягкости, я не узнал голос, который вел нас в самые тяжелые моменты боя. “Товарищ генерал, - продолжал бригадный комиссар, - людей надо поднимать и уходить как можно скорее с этого места, немцы могут нас преследовать танками, мы уже отдыхаем 15 минут”.

Уходить было пора. Состояние радостного возбуждения, которое нас охватило вначале, теперь стало сменяться ощущением усталости: начинало клонить ко сну, давал чувствовать себя и холод, о котором мы забыли во время боя.

Через несколько минут раздалась команда “Подъем!”, и мы, с трудом разминая ноги, двинулись за генералом, придерживаясь примерно первоначального направления.

Мы шли двумя группами. Волков и я нашли друг друга и теперь мы шли рядом, но Миняева видно не было. Что с ним? Или он погиб, или, может быть, он в другой группе? Или, может быть, мы не видим его?

Из окружения вышло примерно 2000 человек - это составляло менее четверти числа людей, которые три с половиной часа назад начали выход из окружения. Многие из этих людей погибли или, будучи тяжело ранены, остались на поле боя, но большинство, наверное, было отрезано немцами и по-прежнему находилось на окруженной немцами территории.

Не было с нами и санитарных машин. Они отстали от нас еще до того, как мы вышли из леса после минометного обстрела.

Все эти потери были тяжелы; но это были потери, понесенные в бою с врагом, который заплатил нам за это несколькими сотнями жизней. Мы чувствовали себя победителями, у нас появилось ощущение силы нашего коллектива; мы знали, что наша группа представляет собой не просто 2000 человек, а две тысячи опытных и упорных бойцов, прошедших сквозь огонь и испытания этой ночи.

Мы двигались, разделившись на две большие группы: в одной, что шла несколько впереди, находилась большая половина людей; Волков и я шли в группе, которая несколько отставала от первой.

Километрах в двух от линии железной дороги, которую мы перешли, перед нами открылось небольшое поле, посередине которого раскинула свои домики тихая заснувшая деревушка. В

этой мирной деревеньке было, наверное, 20-25 домов. Из деревни, посередине поля, лентой тянулась проселочная дорога, вдоль которой стояло 5 или 6 стогов сена. Деревня и поле вокруг нее лежали как раз на линии нашего движения.

Как только мы вышли из леса и стали пересекать поле по диагонали, мы увидели Миняева; он шагал несколько впереди нас, он был невредим. Мы опять соединились, обменявшись словами приветия и испытав радость встречи с товарищем, которого почти уже считали погибшим. Товарищей из артиллерийского полка нашей дивизии, которые выходили из окружения вместе с нами, не было; не было также и земляка Саши Волкова - они или погибли, или, отрезанные немцами, остались в окружении.

В это время наша группа, которая пересекала поле несколько левее деревни, подходила к проселочной дороге, вдоль которой стояли стога сена. Другая группа, которая была более многочисленной, подходила к самой деревне. Тихая ночь, заснувшая деревенька, одинокие стога сена, лунный свет, который временами серебрил всю эту картину - весь этот мирный сельский ландшафт не вызывал у нас никакой тревоги. Мы только что прошли через огонь и воду и теперь чувствовали себя очень далекими от какой-нибудь опасности.

И вдруг (это было совершенно для нас неожиданным) из каждого стога сена в нас застрочили из автоматов по несколько автоматчиков; из стогов сена выехали 5 или 6 танков, которые открыли по нашей группе пулеметный и орудийный огонь.

Первая наша группа подверглась яростному обстрелу из деревни: теперь из каждого дома строчили десятки автоматов; в воздух взлетели осветительные ракеты, стало светло, как днем. Мы разом упали на землю, прижавшись к ней как можно плотнее. Около нас по земле ударялись пули, которые потоком светлячков летели от стогов сена, от маленьких танков и из деревни, которая теперь была разукрашена вспышками выстрелов, полосками летящих трассирующих пуль и огнями десятков ракет, которые немцы запускали в нашу сторону. Среди нас на земле рвались снаряды, ракеты освещали местность так, что стал виден каждый выступ земли, пучки сена в стогах, грязь проселочной дороги, деревья на опушке леса, стали видны наши грязные, давно уже немые руки, наши бледные, заросшие бородами лица. Мы

лежали на земле и не отвечали на огонь немцев - слишком неожиданным для нас было их нападение. Неужели смерть? Неужели пропали даром все наши жертвы? Неужели наша радость свободы, которую каждый испытал незадолго перед тем, была преждевременной? Неужели нас превратят в куски окровавленного мяса эти немцы, которых мы только что победили, выйдя из окружения? Такие мысли бродили в нашем сознании, быстро сменяя друг друга. Страшная горечь обиды, обиды прижатого в угол, затравленного зверя, ненависть и ярость, не знающие страха, переполнили наши сердца.

Мы встали, встали все и без всякой команды, ее никто не мог бы произнести, потому что она была не нужна. Думаю, что это наше действие заставило облиться холодным потом наших врагов, дало им понять, что теперь на земле будем жить или мы, или они. Мощное "Ура!" потрясло воздух, мы ринулись на врага. Стреляя на ходу, мы неслись к танкам, к стогам сена, к деревне. Наше "Ура!" заглушило шум боя, оно несло нас на крыльях победы, мы не чувствовали под ногами земли, даже мертвые делали шаг вперед, ничто не могло нас остановить кроме смерти. В несколько секунд мы преодолели те 30-40 метров, которые отделяли нас от противника. Те, у кого были противотанковые гранаты, зажигательные бутылки, бросились на танки, и танки были моментально выведены из строя и замолкли. Я побежал мимо стреляющего из орудия танка, один из выстрелов оглушил меня на правое ухо, я побежал мимо стальной брони танка и хотел выстрелить в него из нагана, но понял, что это не даст никакого результата. Мы устремились к стогам сена, из которых уже никто не стрелял - несколько десятков человек почти одновременно выстрелили в двух жалких автоматчиков, которые, бросив свои автоматы, пытались спрятаться в сено, но прятаться было поздно, да и некуда им было спрятаться от нашего справедливого гнева. И вдруг мы, подбежавшие к этому стогу, увидели третьего человека. Он был одет в офицерскую немецкую шинель; мы бросились к нему и готовы были расправиться с ним так же, как и с теми двумя автоматчиками, тела которых теперь валялись на земле. И в эту секунду он заговорил на чистом русском языке: "Подождите, что вы делаете, я такой же, как и вы, выходил из окружения, я одел на себя шинель, которую снял с убитого офицера". Мы подошли к

нему вплотную. Кроме немецкой шинели от всех нас его отличало еще то, что он был бритый. Но русская речь спасла его, с ним вступили в разговор. Вернее, ему был учинен допрос: “Почему бритый?” “Я побрился, у меня была бритва.” “Из какой армии?” Он ответил, но мы номера армии, которую он назвал, не знали. Это насторожило нас и чуть не решило участи этого человека. “Вы не верите мне? - сказал он, - посмотрите, в чем я одет”. И он распахнул шинель, показал под ней форму красноармейца. Он присоединился к нам. Мне не известна судьба этого человека, помню только, как он долго еще рассказывал что-то, возбужденно размахивая руками, идя позади нашей группы, состоявшей из Волкова, Миняева и меня, среди людей, которые слушали его рассказ. Трудно представить переживания этого человека в тот момент, когда он сидел в стогу сена, рядом с которым стоял немецкий танк и расхаживали немецкие автоматчики. Его нельзя обвинить и в том, что он не известил наш отряд об опасности, которая нас ожидала - зарывшись в сено, он не мог видеть нашего приближения. Но что испытал он в тот момент, когда мы бросились в атаку на немцев?

Точно так же, как мы расправились с немецкими танками и автоматчиками около стогов сена, другая часть нашего отряда бросилась одновременно с нами в атаку на деревню и в несколько минут уничтожила всех немцев, которые там были. Наши группы соединились на другом конце поля. У многих теперь появились немецкие автоматы. Помню одного паренька, который очень живо рассказывал, как он уничтожил в деревне двух немцев и в доказательство показывал два немецких автомата, один из которых заменил ему винтовку. В этом коротком бою, который продолжался минут 10-15, а то и меньше, мы уничтожили какой-то немецкий штаб, 5 или 6 танков, полторы-две сотни гитлеровцев. В деревне, которая казалась незадолго перед тем мирным селением, заснувшим среди залитого лунным светом, убеленного снегом поля, теперь горело несколько домов. Отблески этого пожара напоминали о том, что здесь произошло. Пройдя поле по диагонали, мы углубились в лес, вытянувшись в длинную цепочку, во главе которой шел генерал-майор Козлов.

Когда мы вошли в лес, я посмотрел на часы - было четыре часа. С начала боя прошло всего четыре часа, а сколько событий произошло за это время, может быть больше, чем за всю жизнь.

Весь остаток ночи мы быстро шли гуськом, часто меняя направление движения, чтобы сбить со следа немцев, если они начнут преследовать нашу группу, а немцы имели для этого основания, ведь у них с нами были особые счеты. Нам не разрешалось курить, зажигать спички, не разрешалось производить шум. Часов в 6 утра, отойдя от места последнего боя километров на 10 и не видя погони, мы остановились в лесу неподалеку от опушки. Здесь нам разрешили сделать привал. Мы сели на землю, подложив под себя плащ-палатки. Когда я отвязал плащ-палатку от своего вещевого мешка, то увидел, что она была пробита пулей. Огонь нам разводить не разрешали, и поэтому мы позавтракали теми пшеничными концентратами, которые достали накануне, еще на окруженной территории. Соленый пшеничный концентрат - прессованная плитка, состоящая из сырой пшеничной крупы вперемешку с каким-то жиром, не казался нам особенно вкусным, но больше есть было нечего. Сахар почти уже кончился, и у каждого осталось по три-четыре куска. Потом мы захотели пить. Собрав несколько котелков, я пошел вместе с другими красноармейцами на опушку леса, где кто-то обнаружил небольшое озерцо. Стараясь быть незамеченными со стороны поля, мы вышли на опушку и приблизились к озерцу. Озеро было покрыто тонкой пленкой льда, в котором отражались розоватые облака и большое красноватое солнце, поднимавшееся над горизонтом. Как красива была природа: тихо стоял запорошенный первым снежком лес, разукрашенный разноцветной листвой осин и березок, которые перемежались с темной хвоей елок. От леска за озером расстилалось необъятное поле, над которым висело бездонное небо, с востока покрытое розовой краской утренней зари. Багровое солнце, как и всегда, медленно поднималось над горизонтом, освещая своими первыми лучами проснувшуюся землю. Воздух был необыкновенно чист, свеж и полон ароматов полей, лесов, земли и снега. Вся эта картина напомнила мне описание осени в произведении Некрасова “Железная дорога”.

После того, как мы поели и напились озерной воды, нам захотелось спать, все заволакивал какой-то туман, казалось, что все, что кругом происходит, происходит во сне, а не наяву.

Часа через два нам было приказано построиться. Выстроили нас в лесу плотными квадратами, в каждом квадрате было сотни по две людей, а квадратов таких было десять или одиннадцать.

Перед нами выступил генерал-майор Козлов, который произнес очень краткую речь, но она запомнилась мне. “Товарищи, разрешите мне поздравить вас с успешным выходом из окружения. Вы совершили славный героический поступок, Родина вас не забудет, многие из вас достойны высоких правительственных наград. Теперь мы будем двигаться в сторону Можайска и, очевидно, где-нибудь там пересечем линию фронта. Мы подойдем к немцам с тыла и, ударив по ним, поможем частям Красной Армии, обороняющим Москву. Думаю, что предприятие наше будет успешным и не столь уж трудным. Двигаться мы будем по лесам, соблюдая светомаскировку и тишину...” Он закончил тем, что еще раз поздравил нас с выходом из окружения. Внимательно выслушали мы эту простую речь генерала. Мы знали цену каждому слову, сказанному им, и его похвала звучала для нас, как похвала Родины.

После речи мы двинулись в путь в сторону Москвы, вытянувшись длинной вереницей, впереди которой шел генерал-майор Козлов и бригадный комиссар. Мы шли, соблюдая осторожность. Если над нами пролетал немецкий самолет, мы прекращали свое движение и прислонялись к деревьям. С середины дня за нами стали двигаться “кукушки” (так мы называли немецких автоматчиков), которые следовали за нами по пятам где-то вблизи от нашей группы. Стреляя из автоматов в воздух, они старались обратить на нас внимание какой-нибудь немецкой части, которая могла оказаться поблизости. Возможно, что эти автоматчики привязались к нам из-под самой Вязьмы или с места нашего последнего боя. Для того чтобы уничтожить автоматчиков, были выделены истребительные группы. Эти группы отошли от основной шеренги, и им через некоторое время удалось уничтожить этих “кукушек”. Когда рядом с нами перестали морзить немецкие автоматы, мы почувствовали себя свободнее, теперь нас никто не преследовал. Во второй половине дня мы сделали второй привал.

Мы отдыхали часа два. Опять погрызли пшеничный концентрат и, кажется, доели свой сахар. Лежать было холодно, и заснуть не удалось. Под вечер было решено продолжать путь. Чем больше мы шли, тем больше сказывалась усталость, мы начали буквально на ходу засыпать. Особенно тяжело было раненым, которых в нашей группе было не так много, но все же их число достигало, наверное, сотни. Большинство из этих раненых имели легкие ранения рук, ног или головы. Помнится, что среди нас, когда мы готовились к выходу из окружения, была одна тяжелораненая в нижнюю челюсть девушка, ее товарищи нашли ей где-то лошадь, на которой она сидела. В ее лице не было ни кровинки, нижняя часть лица была обмотана бинтом, на котором кое-где выступали следы крови. Удалось ли ей выбраться на свободную от немцев территорию? Удалось ли ей сохранить свою жизнь? Я не помню, была ли она с группой генерал-майора после нашего боя у деревни. Сейчас в этом месте я вспомнил ее потому, что ее глаза, ее вид вызывали великую жалость и показывали мучения раненых, которые шли вместе с нами.

Наступающая ночь - ночь с одиннадцатого на двенадцатое октября 1941 года была очень темной, стало несколько теплее, низкие тучи закрывали луну и небо, и мы лишь ошупью могли пробираться по лесу, чуть не держась за впереди идущего. Иногда ветки ударяли по лицу и лишь каким-то, казалось, чудом не попадали в глаза. Вернее не чудом, а благодаря тому, что человек чувствует в темноте, есть ли что-либо около его глаз. Мы шли гуськом, один за другим. Это были уже восьмые сутки без сна, и это, кажется, был предел того, что может вынести человек. Засыпая, я начинал падать прямо на ходу, падая, просыпался и, выправив свой шаг, опять засыпал. В таком состоянии находились почти все остальные люди. Ночью наше движение стало значительно более медленным, мы то и дело останавливались, очевидно, впереди выбирали путь. И вот в один несчастный момент мы остановились и стояли больше обычного. Мы простояли минут пятнадцать - двадцать, когда, наконец, наша остановка вызвала среди нас тревогу. Нашлись люди, которые стали обгонять стоящих и двигаться в голову колонны; Волков, Миняев и я последовали их примеру. Прошли всего двадцать - тридцать человек и увидели картину, которая заставила нас полностью очнуться от

обуревавшему нас сна. На дороге, в самых различных позах: и лежа, и сидя, спало не менее пятнадцати человек. Мы побежали дальше и увидели, что отстали от генерал-майора. За последним спящим никого не было, колонна ушла. Куда они ушли, мы ничего не знали. Все оставшие пришли в страшное смятение, точно с уходом генерал-майора оборвалась та крепкая связь, которую мы ощущали со страной и армией. Темнота ночи не позволила нам определить путь, по которому ушли наши товарищи. Очень скоро мы поняли, что окончательно сбились с пути. Мы стали бегать по лесу то в одну сторону, то в другую, но поиски наши не привели ни к каким результатам. Кто-то предложил стрелять, но это предложение было отвергнуто. Потеряв нашего руководителя, мы в первое время чувствовали себя совершенно растерянными, наше самочувствие было похоже на самочувствие заблудившегося в лесу человека. В этот момент мы были готовы отдать что угодно, только бы вновь найти наших товарищей и нашего руководителя.

Утром наша, теперь маленькая, группа, которая насчитывала сотню с небольшим человек, подошла к какой-то деревне. Мы послали в деревню разведку, которая узнала, что в деревне немцев нет и еще не было, но жители сказали, что по какому-то большаку, который находился в нескольких километрах, видели немецкие части, которые двигались в сторону Москвы.

Мы решили остановиться в этой деревне, выспаться там, отдохнуть, а самое главное - найти себе какой-нибудь еды. Разойдясь по домам, мы занялись приготовлением еды, поели, и в первый раз за много дней легли спать. Помнится, здесь я обменялся с одним красноармейцем котелками. Я взял у него круглый котелок, он был более вместителен - это было важно, так как нас было трое. На этом котелке была выцарапана фамилия Усольцев и какая-то рыба. Этот котелок сохранялся у меня всю войну.

Проснулись мы во второй половине дня совсем разбитые, с тяжелыми головами, но вскоре мы стали чувствовать, что все же отдохнули и отогрелись. Я спал в помещении первый раз за последние 3,5 месяца. После этой деревни наша группа разделилась: большая ее часть пошла в сторону Ленинграда под руководством военврача третьего ранга; а другие, в том числе Миняев, Волков и я, пошли в сторону Москвы. На этом пути мы

надеялись встретить группу генерал-майора Козлова^{*3} или части своей дивизии.

*6

ПО СМОЛЕНЦИНЕ

Нам предстоял долгий трудный и опасный путь. Мы находились примерно в 120 километрах от Можайска, в районе которого, как говорил генерал-майор Козлов, находилась линия фронта.

Мы решили двигаться в сторону Можайска. Наш путь пролегал по сельским местностям Смоленской и Московской областей. Территория, по которой мы должны были пройти, находилась в тылу у немецко-фашистской армии, которая ее заняла за 5-6 дней перед этим. Возможность добраться до линии фронта обеспечивалась помощью со стороны местного населения, которое относилось к выходившим из окружения с исключительным сочувствием; кроме того, задача наша облегчалась тем, что немцы, пройдя по большакам и шоссейным дорогам, еще не успели побывать, а тем более закрепиться в большинстве сел и деревень.

Однако велика была и опасность! Каждую минуту мы могли наткнуться на немецкие части, которые жестоко расправлялись с пробирающимися к линии фронта командирами и бойцами Красной Армии, приравнивая их к партизанам. Оценив эту обстановку, мы сначала решили двигаться по ночам, а днем где-нибудь отдыхать.

Выйдя под вечер из деревни, где нам удалось подкрепить свои силы, мы пошли по дороге, которая, по словам местных жителей, шла по направлению к Можайску.

У нас не было никакой карты местности, что очень затрудняло наш путь. В ночное время нас несколько выручал компас, который я получил, когда был еще командиром саперного взвода запасного полка.

Выбрав направление в сторону востока, мы шагали сначала по указанной нам дороге, но очень скоро дорога стала сильно отклоняться, и мы решили оставить ее и идти по прямому направлению на восток.

Полная темнота, которая окружала нас, не столько заставляла нас поминутно настораживаться, прислушиваться к различным неожиданным звукам, сколько мешала нам различать местность.

Когда мы проходили большое поле, то увидели, что по какой-то дороге, которая шла через него, идут машины с включенными

фарами. Это были немецкие машины. Затем мы услышали лязг гусениц. От машин до нас было довольно далеко, зато от того места, где мы стояли, до опушки леса, казалось, совсем близко.

Мы решили бежать. Расстояние до леса, которое казалось нам небольшим, оказалось значительно большим, чем мы сначала думали. Особенно затруднила наше движение полоса необработанного льна: когда мы бежали по льну, то казалось, что кто-то хватается нас за ноги.

Пробежав это льняное поле, мы выбились из сил и, войдя в лес, остановились, с трудом переводя дыхание. Нам казалось, что немецкие машины заметили нас и приближаются, но мы были теперь в лесу и чувствовали себя в безопасности. Остаток ночи мы шагали по лесу, наткнулись на речку шириной метров 20 и, идя вдоль ее берега, отклонились куда-то на юг. Наконец мы добрались до какой-то мельницы и перешли на другую сторону речки.

Теперь мы совсем не знали, куда нам идти. К концу этой ночи мы поняли, что передвигаться в темноте по незнакомой местности без карты нельзя.

Утром 13 октября мы остановились в какой-то небольшой деревне. Немцев в ней еще не было. Мы подошли к одному из домов и попросили разрешения отдохнуть с пути. Наспустили.

Когда в июле и августе мы подходили к домам и просили продать нам молоко, мед, какие-нибудь овощи, то нередко встречали не слишком радушный прием. У меня даже сложилось впечатление, что смоленские люди не слишком гостеприимны. Но теперь, в эти дни, мнение мое совершенно изменилось: нас пускали в любой дом, давали нам отдохнуть, охотно разговаривали с нами, указывали нам путь, предупреждали, где и в какой деревне находятся немцы. Относились к нам сочувственно, с каким-то теплом. Не боялись понести от немцев наказание за то, что давали нам приют; а немцы запрещали это делать под страхом суровых кар, которые доходили до сожжения домов и других, более зверских, репрессий. И, несмотря на это, местное население относилось к нам, как к родным. Вот, когда я вспомнил и оценил русскую пословицу “Друга узнают в беде”. Без этой бескорыстной помощи жителей смоленских деревень погибли бы десятки тысяч бойцов и командиров, которые в суровых условиях осени 1941 года пробирались по оккупированной территории к Красной Армии. В

этой помощи большая заслуга Смоленской области перед нашей Родиной и далеко не единственная за период Отечественной войны.

Отдохнув до половины дня и поблагодарив гостеприимных хозяев, мы пошли дальше по указанному ими направлению. Мы шагали по проселочной дороге, стараясь по возможности быть незамеченными. Увидев по дороге селения или какие-нибудь строения, мы обходили их лесом или подальше отклонялись в поле.

На этих дорогах мы были не одни: часто по пути, обгоняя нас или, наоборот, двигаясь медленнее нас, попадались нам одиночные бойцы, а порой и небольшие группы от 3-5 человек до 15-20. Дороги, по которым мы шли, были небольшими сельскими проселками, протянувшимися от одной деревни до другой.

В эти дни погода стояла теплее, снег таял, и дорога превращалась в месиво грязи. Грязь очень затрудняла наше движение: она налипала на сапоги, образуя на каблуках пирамидальной формы лепешки, которые очень мешали идти, и которые часто приходилось счищать.

Если эта дорожная грязь и эта непроходимость дорог затрудняли наше движение, то они одновременно и облегчали его, так как немцы в этот период были вынуждены двигаться по шоссейным дорогам, и мы были в значительной мере гарантированы от встречи с ними.

Эта непролазная грязь грунтовых проселочных дорог определила направления, по которым вынуждена была двигаться

немецкая армия после прорыва Западного фронта в начале октября 1941 года, и облегчила тем самым организацию обороны Москвы на рубежах Волоколамск-Можайск, где немецко-фашистская армия была остановлена на больших шоссейных дорогах благодаря героическим подвигам войск генерала Говорова, генерала Панфилова, которые хорошо описаны в нашей литературе.

Мы каждый день проходили не менее 30-40 километров, но прошли расстояние до Можайска только в 5 дней, хотя оно по прямой составляло не более 120 километров от места, где мы отстали от генерал-майора Козлова.

Происходило это по двум причинам: во-первых, мы не имели карты и нередко уклонялись в сторону, наткнувшись на препятствия в виде речек; и, во-вторых, нам нередко приходилось обходить те места, где, по рассказам местных жителей, уже были немцы.

Все это сильно удлиняло наш путь. Мы старались двигаться как можно быстрее, напрягая все свои силы. От того, как скоро мы подойдем к Можайску, зависела возможность перейти фронт. Мы понимали, что пока еще сплошной линии фронта нет, но что она могла образоваться в ближайшие дни. Поэтому скорость нашего движения в значительной мере решала нашу судьбу и судьбу всех тех, кто рядом с нами так же, как и мы, двигался в сторону Москвы, в сторону Можайска.

Помню, что у Саши Волкова возник такой план: он предлагал выйти вечером на шоссе, остановить какую-нибудь немецкую машину, где будет один шофер, и заставить его с помощью оружия везти нас в сторону Можайска. Но мы отвергли этот план как рискованный, и сам Саша, наконец, согласился с нашими доводами.

Вечером мы подошли к деревне, где в этот день отмечали престольный праздник.

Деревня эта осталась в стороне от военных действий, еще никто в деревне не видел немцев, хотя жители деревни уже знали, что их деревня находится в тылу у немецкой армии. Это сильно мешало им справлять праздник, в деревне не было обычного веселья; но все же они принарядились и приготовили праздничную еду. Нас позвал к себе какой-то пожилой колхозник. Нас пригласили к столу, угостили очень вкусным холодцом, прекрасным хлебным квасом, жирными крестьянскими щами и хлебом домашней выпечки.

За ужином шел разговор о войне, о судьбе нашей Родины, о том, что теперь будут делать на оккупированной территории немцы. Мы все говорили, что судьбе нашей Родины угрожает величайшая опасность, и сходились в том, что не покорить немцам России, что еще много сил заложено в нашем народе, и что эти силы сломят хребет гитлеровской армии.

В этом доме мы хорошо отдохнули. Утром хозяин посоветовал нам как дальше идти, накормил нас на дорогу и пожелал счастливого пути.

Весь этот день (а это было, насколько я помню, 14 октября) мы шагали по проселочным дорогам, стараясь, по возможности, двигаться в сторону востока. Как ни старались мы набавлять темп, но нас нередко обгоняли женщины, которые по делам шли от деревни к деревне. Я с некоторой завистью смотрел, как легко и быстро они двигались, а мы, по сравнению с ними, ползли, точно черепахи.

Но мы ничего больше сделать не могли: у нас не хватало сил. Особенно тяжело было Миняеву, который был старшим среди нас - ему было не менее 45 лет.

Но надо было идти, и мы шли почти целый день, почти не останавливаясь, озираясь по сторонам, внимательно наблюдая за дорогой, но на ней виднелись спины таких же как мы людей или фигуры местных крестьянок.

Под вечер мы подошли к небольшой деревне, которая была окружена лесом. Мы вошли в один из домов и попросились переночевать, хозяйки радушно на это согласились. Когда мы сняли свои шинели (в конце сентября в штабе дивизии выдали шинели) и стали просить, чтобы они сварили нам пшеничную кашу из наших концентратов, одна из хозяек сказала: "А вы идите в колхозный склад, там проходящим красноармейцам выдают продукты". Мы были удивлены сказанному. Волков и я пошли к сараю, где располагалась колхозная кладовая. Хозяйки дали нам бидон для молока и мешок для картошки. Мы подошли к сараю, двери его были приоткрыты, и мы вошли внутрь. За небольшой перегородкой в длинном овчинном тулупе стоял дед. Как сейчас помню его облик: довольно длинная тоненькая полуседающая борода, бледное лицо с довольно правильной формы несколько крупным носом. С виду он не казался приветливым. Ростом он был повыше

меня, пожалуй, с Сашу Волкова. Я сказал: "Нам хозяйка говорила, что у вас можно получить продукты". Дед посмотрел на нас каким-то внимательным и вместе с тем добрым взглядом и вместо ответа спросил: "А сколько вас?" Волков ответил: "Нас трое". "Давай сюда бидон",- сказал дед и налил три литра молока. Затем он отвесил девять килограмм картошки. Откинул рогожу, за которой мы увидели разделанную коровью тушу. Тут Волков не выдержал и, войдя во вкус, сказал: "Дед, отрежь нам печенки". "Ну, вот еще",- сказал дед строго и серьезно,- на всех у меня печенки не хватит, бери, что даю". Но, сказав так, он отрезал большой кусок печенки и аккуратно взвесил нам три килограмма мяса. После того, как были даны эти продукты, дед попросил написать расписку в том, что мы эти продукты получили из колхозной кладовой. Волков написал эту расписку и вручил ее деду. Получив продукты, мы вернулись в наш дом, отдали продукты хозяйкам, которые принялись готовить нам из них пищу.

Мы узнали, что в деревне создан партизанский отряд, что колхоз снабдил продуктами уже не одну сотню проходивших мимо деревни красноармейцев и командиров. Плотно закусив и угостив наших хозяек "положенным" нам довольствием, мы легли спать.

Когда я лег, то стал думать о теплом приеме, который мы встретили вот уже в третьей деревне. Стал думать о замечательных делах этого колхоза, который сам, по собственной инициативе, в тылу у немцев, снабжал продуктами своего труда отступающую армию, который не роздал продукты по домам, а благородно и бескорыстно отдавал их незнакомым людям, разделяя таким образом общую участь тяжелой осени 1941 года. Меня воодушевлял этот прекрасный патриотический поступок; мне хочется, чтобы деяния этого колхоза и, в частности, этого деда, который ведал выдачей продуктов, стали достоянием всех наших людей, чтобы Родина теперь поблагодарила замечательных колхозных патриотов.

Закусив утром на дорогу и сердечно поблагодарив и хозяек, и гостеприимный колхоз, мы отправились в дальнейший путь. Теперь нам стало идти легче. Мы на этом тяжелом пути стали, если это только возможно, набирать силы. Мы шли повеселевшие, ноги наши двигались живее, грязь точно сделалась меньше.

Но черные думы омрачали нам этот путь: во-первых, каждую минуту мы могли ожидать нападения немцев, во-вторых, нас тревожила судьба Москвы и мысль о том, что ждет нас в том месте, где должен проходить фронт. Но теперь, после теплого приема в последней деревне, нам все же стало как-то легче, сил у нас прибыло. Весь этот день прошел без особых происшествий; запомнился мне один эпизод, который сыграл, по-видимому, решающую роль в состоянии моего здоровья.

В середине дня мы проходили маленькой лесной деревушкой. Когда мы уже прошли мимо деревни, то в небольшом овражке за деревней заметили дом, больше похожий на какой-то сарай. Около дома толпились красноармейцы и что-то, как нам показалось, ели. Мы решили посмотреть поближе. Оказалось, что дом, который мы видели, был местом, где изготавливались различные маринованные грибы. В сарае стояли бочки с грибами отменного сорта и качества. В одной бочке были только шляпки белых грибов маленького размера, а в другой - покрупнее. Замаринованы эти грибы были с особым мастерством. Кто-то из местных жителей сказал, что эти грибы направлялись в Москву в Кремль. Сейчас вокруг этих бочек толпились и местные жители, ведрами таскавшие грибы к себе домой, и такие же, как мы красноармейцы и командиры. Мы съели изрядное количество этих грибов. Помню, что я набрал этих грибов в каску. Грибы были так вкусны, что мы опорожнили каску очень скоро после того, как прошли эту деревню.

Под вечер мы подошли к какому-то большому селению. В нем собралось так много отступающих, что мы не сразу нашли дом, в котором можно было переночевать. Остановились мы в очень бедном доме; несмотря на свою бедность, хозяйка сварила нам картошки, и мы вместе с ней поужинали, угостив ее запасами, которые еще сохранились у нас от прошлой стоянки.

День 16 октября был для нас памятным: местное население сообщило нам, что немцы сбрасывали листовки, в которых говорилось, что 16 октября немецкие войска войдут в Москву. Была ли это ложь или правда, мы не знали, и эта весть сильно беспокоила нас. Мы стали думать о судьбе Москвы; у каждого из нас в Москве была семья, и это, естественно, нас волновало. Надеюсь, что немецкая листовка лгала, и что немцам не удастся войти в Москву, мы сохранили направление движения по-прежнему на Можайск. Но

теперь мы шли печальные: судьба Москвы, судьба наших родных и близких, наша собственная судьба занимали наши мысли. В добавление ко всему, я стал очень плохо себя чувствовать; у меня началась дизентерия, отнимавшая последние силы.

Трудно себе представить с каким трудом я шел: ноги казались налитыми свинцом, я уже ничего не видел кругом кроме грязи дороги. Я не мог смотреть по сторонам и все силы употреблял на то, чтобы не отстать от товарищей.

Вторым важным событием этого дня была необходимость пересечь большую шоссею дорогу, помнится, Калужское шоссе. Переходить шоссе и даже приближаться к нему было очень опасным делом, т. к. по шоссе двигались немецкие машины, танки, регулировщики на мотоциклах, а в районе шоссе располагались немецкие войсковые части.

Мы подошли к району шоссе уже в середине дня и стали выискивать место, где его перейти. Мы заходили в деревни и советовались с жителями; но никто не мог дать нам точного совета, жители сами затруднялись, а говорить наобум или по старым данным они не хотели, боялись подвести людей.

Здесь к нам присоединился один капитан - высокий, сильный человек, сибиряк, насколько помню, лыжник-перворазрядник. Он был из штаба 20 или 24 армии. Мы стали разведывать дорогу вчетвером. В одной деревне нам на улице встретилась женщина, которая шла как раз со стороны Калужского шоссе. Она была в белом шерстяном платке. Мы остановили ее и стали спрашивать; она оказалась учительницей. Выслушав нас, она дала нам совет, на основании которого мы стали действовать. "Я только что была в деревне Иваново (или Иванове), которая расположена с той стороны большака, в деревне немцев нет, они бывают там только рано утром, ищут таких, как вы; если найдут, то расстреляют как партизан. Рядом с деревней Иваново - совхоз, в нем стоит большая немецкая часть. С другой стороны, в деревне тоже стоят немцы. Лучше всего вам перейти большак напротив Иванова. Хорошо это и тем, что с этой стороны к дороге вплотную подходит лес. Идите осторожно вдоль этих проводов, они как раз приведут вас к Иваново. Будьте осторожны, а то здесь вчера немцы застрелили группу окруженцев".

Мы поблагодарили учительницу, но потом, когда предложенный ею план удался, мы поблагодарили ее в своих сердцах еще горячее. Выслушав учительницу, мы пошли по указанному направлению вдоль проселочной дороги и линии указанных ею проводов какой-то местной связи или электропроводки.

Когда мы подошли к окраине деревни, в которой разговаривали с учительницей, то на огородах увидели тела нескольких красноармейцев, которых накануне расстреляли здесь немцы. Они, видно, шли так же, как мы, через деревню, и наткнулись на автоматчиков. По расположению тел было видно, что они пытались добежать до леска, через который теперь надлежало идти нам.

Тела убитых напомнили нам Вязьму и все, что нам пришлось там пережить. Напомнили они нам и о том, что за каждым кустом нас может ждать смерть.

Очень осторожно двигались мы по лесу вдоль путеводных проводов. В этот день продолжалась оттепель: шел дождь со снегом, и мы насквозь промокли, сапоги наши стали скользкими от воды. Часам, наверное, к шести подошли мы к шоссе и, спрятавшись в леске, стали наблюдать, изучая то, что происходило на шоссе.

Мы увидели широкую с покрытием дорогу с обочинами и кюветами. Напротив нас, за шоссе, была расположена небольшая деревня - это было Иваново, как сказала нам учительница. По шоссе движение было не очень интенсивное, но все же по нему часто проходили одиночные машины, многие из которых имели непривычную для нас конструкцию: у них не было видно мотора - казалось, что они едут как-то сами собой. Часто по шоссе проезжали регулировщики движения на мотоциклах.

Мы стали ждать наступления темноты. Переход шоссе был настолько рискованным делом, что мы выбросили все лишние документы. Я порвал удостоверение, которое было выдано мне по окончании института к значку "Лучшему ударнику, успешно окончившему МИИТ". Комсомольский билет я решил сохранять до последней возможности и положил его во внешний карман шинели с тем, чтобы в случае чего засунуть его под снег. Мне не пришлось

этого делать, и я сохранил свой комсомольский билет, сдав его в политотдел той части, где я вступил в конце войны в партию.

Мы не хотели сдаваться в плен, но обстоятельства могли сложиться так, что нам пришлось бы это сделать помимо нашей воли. Мы могли ожидать любого исхода нашей операции по переходу большака. А попадаться в лапы немцев с документами, которые показывали бы немцам кто мы, нам не хотелось.

Но вот наступили сумерки, стало темнеть. Теперь машины двигались по шоссе с включенными фарами. Мы невольно вспомнили, что нашим машинам в районе фронта запрещалось зажигать фары, и нам стало обидно, что враг вел себя так нахально на нашей земле.

Машин стало меньше, стемнело. Выбрав момент, когда на шоссе не было машин, мы решили начать наш переход. В тот момент, когда мы подошли к дороге, вдаль показалась немецкая машина. Бежать обратно было поздно, и мы решили лечь в кювет, мысленно недобрым словом помянув эту подвернувшуюся нам поперек дороги машину. Мы лежали в кювете, плотно прижавшись к земле, вытянувшись цепочкой один за другим, и ждали, когда проедет эта машина. Но вдруг, проехав метров 15 далее лежавшего впереди Миняева, машина остановилась у нашего края шоссе, не заезжая на обочину.

Зачем остановилась машина? Неужели заметили нас? Эти мысли до предела напрягли наши нервы. Чувство безысходности, напоминавшее то чувство, которое мы испытали, когда нас обстреляли немцы из стогов сена, охватило нас. Но теперь оно было другим: оно пришло как финал нашего тяжелого и длинного пути. Теперь это была ужасающая обида, горькая до слез. Это была обида не только за себя - это была обида за всю нашу землю.

Из остановившейся машины вышел человек, должно быть шофер. Куда он пойдет? Ведь достаточно ему сделать несколько шагов в сторону кювета, и он увидит нас! Но он обошел машину и стал что-то делать с той стороны машины, которая была обращена к шоссе.

В машине сидело человек 15 автоматчиков; они весело разговаривали между собой. Мы слышали каждое слово, и, если бы я хорошо знал немецкий язык, то мог бы сейчас передать содержание их разговора.

Но самое главное было не в том, что они говорили, а в том, как они говорили. Они были веселы, часто смеялись; один из них насвистывал мотив какой-то песенки, они были беспечны, они были бесконечно далеки от тех ужасов, которые испытали мы, дети той страны, в которую они пришли как завоеватели. Их не трогали картины человеческих страданий, которые они привезли в нашу страну с собой. Какая страшная разница: веселые беспечные завоеватели, от которых едва не пахло театральными духами, и мы, сыновья этой земли, лежащие на ней, сырые, измученные и больные. Я помню, что мне было обидно до слез, обидно за нас и нашу великую землю.

Вскоре к машине подъехал регулировщик движения; он, видимо, спросил в чем причина остановки и поехал дальше, а вслед за ним тронулась и машина. У нас отлегло от сердца. Подождав, когда машина отъехала от нас метров на 200, мы встали и бросились бегом через шоссе. Добежав до противоположной стороны, я запнулся о какое-то бревнышко и со всего размаха ударился головой о противоположную сторону кювета. У меня из глаз посыпались искры, и я на мгновение потерял сознание. Когда я очнулся, то увидел, что товарищи мои бежали по огородам в сторону деревни; я поднялся и побежал за ними, боясь их потерять.

Вскоре около околицы мы соединились вместе, большак мы перешли; теперь перед нами стояла задача - не замерзнуть. Мы промокли насквозь, целый день шли, ничего не ели и даже в этот день не думали о еде. Надо было где-то переночевать и обсушиться, а для этого надо было зайти в какой-нибудь дом.

Но где мы? Может быть, это Иваньково? А может быть, соседнее селение? Конечно, мы шли точно, как сказала нам учительница, но мы могли незаметно для себя сбиться с пути. И если это Иваньково, то не произошло ли изменений с прошлой ночи, и нет ли в деревне немцев?

Эти вопросы были слишком важными. От решения этих вопросов зависела наша жизнь.

Оставаться этой ночью на улице мы не могли - мы слишком устали, были голодны и могли замерзнуть в нашей насквозь сырой одежде. Надо было узнать, есть ли немцы в деревне. Мы тихонько, со стороны огородов, подошли к крайней хате, которая стояла по левую сторону от деревни, если к ней подходить от шоссе.

В окне, к которому мы подошли, светился слабый огонек. В комнате мы увидели русскую печку, на которой сидели и лежали ребятишки, на скамейке около стола сидел пожилой русский мужчина. Немцев не было.

Мы постучались. Спросив, кто стучится, и получив ответ, что свои, мужчина впустил нас. Мы поздоровались и вошли в комнату; мужчина предложил нам сесть, но раздеваться не предложил. Мы сели довольные хотя бы тем, что мы в тепле. Мы спросили, что это за деревня. Он ответил: "Иваньково". "Есть ли здесь немцы?" Он сказал, что немцев здесь нет, но что они рядом в двух соседних селениях.

Он спросил, откуда мы. Я ответил, что наши семьи живут в Москве, тогда он рассказал, что он тоже работал в Москве швейцаром в каком-то ресторане или гостинице и что сейчас во время отпуска приехал сюда на родину.

"Слушай, хозяин, - сказал Волков, - ты видишь, что мы все сырые и голодные, что мы нуждаемся в ночлеге!" "От этого увольте, ребята, - сказал мужчина, - отдохнуть - отдохните, а потом и в путь". "Но ведь мы замерзнем на улице"- возразил Волков. "Ничего не могу поделать. Немцы каждое утро рыщут по деревне; найдут вас у меня - и вам капут, и мне, а у меня ребятишки. Нет, не взыщите, а оставить ночевать вас не смогу".

Оставаться ночевать помимо воли хозяина было опасно, и, посидев минут пять, мы вышли из дома. Это был первый и единственный случай, когда нам отказали в приюте.

Сделав вид, что мы уходим из деревни совсем, мы пересекли ее наискось, прошли от нее метров сто по огородам, а затем, пройдя несколько дальше середины деревни, вернулись в нее.

Мы подошли к одному из домов по правой стороне порядка, если идти от шоссе. У дома было небольшое крылечко, выходившее в сторону улицы.

Мы подошли к двери и тихонько постучались. Через несколько минут за дверью раздался шум, и женский голос спросил: "Кто там?" Мы ответили: "Свои." Дверь открылась, и мы увидели пожилую женщину, приветливо смотревшую на нас. "Заходите, миленькие. У меня муж и сын где-то вроде вас маются. Может быть, даст Бог - и их кто-нибудь приютит, как я вас". Мы вошли в комнату. Хозяйка зажгла лампу, попросила нас раздеться, усадила

за стол. Она дала нам поесть щей и студня. Я ел так же, как и другие, без пищи нельзя было жить и передвигаться.

Покормив нас, женщина дала нам овчины и тулупы, и дала нам одеяла, которыми мы могли укрыться. Она попросила, чтобы мы сняли всю свою мокрую одежду, и повесила ее сушиться на русскую печку. Когда она увидела, что мы кладем наганы под голову, то сказала: "Вы не бойтесь, я спать не буду, посижу, посторожу вас, а утром разбуду рано, а то немцы по хатам шарят, ищут вот таких, как вы". Мы легли и заснули спокойным сном, благодарные этой замечательной русской женщине, которой мы обязаны были своим спасением.

Рано утром, еще чуть светлел восток, хозяйка нас разбудила. Мы надели на себя теплое сухое обмундирование, и даже я почувствовал, что силы возвращаются ко мне. Хозяйка накормила нас и дала на дорогу большой круглый каравай самодельного хлеба.

Пришла пора прощаться. Мы уходили из этого замечательного дома, от этой замечательной русской матери, от этой большой патриотки в скромном крестьянском платке.

"Нет, - подумал я про немцев, которых видели мы сегодня ночью в машине на шоссе, - нет, вы нигде и никогда не встретите такой любви и ласки; наша земля греет нас, от нее вы не ждите тепла!" Миняев, насколько помню, записал фамилию этой женщины, я же, по молодости лет, этого не сделал.

Славная наша хозяйка указала нам путь в сторону Можайска, до которого было, насколько помню, километров 40. Мы попрощались с ней, пожелали, чтобы ее муж и сын вернулись невредимыми с войны; она нам пожелала счастливого пути.

Когда мы вышли за пределы деревни, то видели, как метров за 150 от нашей дороги, около каких-то сараев, около своих машин возились немцы. Место, где они собрались, было освещено электричеством, и мы видели их хорошо; они же не подозревали, что совсем недалеко от них, выспавшиеся и отдохнувшие, шагали четыре командира Красной Армии, намеревавшиеся сегодня же попасть на свободную от немцев территорию.

Весь день 17 октября мы шагали по дорогам, приближаясь к нашей заветной цели - к Можайску. Капитан из штаба армии шел быстрее нас, и мы скоро потеряли его из вида.

Чем ближе подходили мы к Можайску, тем яснее становилась для нас обстановка. От местных жителей мы узнали, что немцы Можайск не взяли, что еще вчера были люди, которые приходили из Можайска, и которые утверждали, что сплошной линии фронта нет.

Во второй половине дня нам повстречалась группа москвичей, которые, как они нам рассказали, были посланы в тыл немцам для организации партизанских отрядов и участия в их действиях.

Мы рассказали им об обстановке на оккупированной территории, о том, где скорее всего можно встретить немцев, а где их еще пока нет.

Рассказали о замечательных смоленских жителях и об их помощи отступающим.

В свою очередь, встретившиеся нам товарищи рассказали, как живет Москва, рассказали о большой эвакуации, которая там сейчас происходила, а самое главное, они сказали, что южнее Можайска, лесом, можно пройти на свободную территорию, что в этом месте они прошли утром, и что там линии фронта нет. Они сказали, что Можайск находится в руках Красной Армии, но они предупредили, что нам надо спешить, что линия фронта может каждый час замкнуться, и что тогда наш проход весьма осложнится или сделается вообще невозможным.

Мы выслушали их и пошли, стараясь прибавлять шаг. На дороге, по которой мы шли, двигалась целая вереница таких же как мы людей, пробиравшихся на свободную от немцев территорию.

Когда до Можайска осталось километров 15, Миняев стал говорить, что он предлагает переночевать в ближайшей деревне. Волков считал, что делать этого нельзя, что эта ночь может стоить нам жизни и всех наших трудов. Но Миняев решил остаться в деревне ночевать. Я собрал все свои последние силы и пошел вместе с Волковым.

Вскоре на дороге мы присоединились к группе бойцов, состоявшей из 10-12 человек; старшим у них был высокого роста, очень решительный красноармеец. Шли они еще быстрее нас. Теперь пришлось напрягать все свои силы, которых, надо сказать, осталось совсем немного. Тяжелый путь и один мог измотать любого человека, да еще привязалась болезнь.

Мы подошли к какой-то деревне, где решили перед переходом фронта несколько отдохнуть. Расположились мы в пустой школе, куда нас пустил сторож. Мы лежали на полу класса и грызли откуда-то появившийся горох. Я не помню названия этой деревни, запомнил я лишь, что где-то рядом была деревня Ельня; это название, известное мне хорошо, врезалось в память.

От того места, где мы отдыхали, до Можайска было 11 километров. Всего 11 километров, да еще прошедшему их давался приз в виде жизни и свободы! И, несмотря на это, когда товарищи мои поднялись, я подняться не мог. Я пожал руку Волкову и пожелал ему счастливого пути. “Вставай, Борис, - сказал Александр Волков, - неужели ты не можешь идти, ведь завтра будет поздно, можно пройти или теперь, или никогда”. Но я встать не мог, и только когда они вышли, и я остался в пустой комнате, ко мне вернулись силы.

Неужели меня не увидит больше мой отец, моя мать, моя жена и мой будущий сын? Неужели я не смогу пройти эти 11 километров? Нет, я должен это сделать! “Сегодня или никогда”, - повторил я слова Волкова.

Я вскочил, выбежал на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как последний участник моей группы, а это был Саша Волков, заворачивал в левый проулок, который вел к лесу.

Я побежал. Я бежал, наверное, неровно и небыстро, но мне казалось, что я бегу, как на дистанции во время студенческих соревнований.

Я догнал их, когда они уже входили в лес. В это время выпал снежок, но мороза не было. Под ногами хлопала грязь и болотистая почва. Мы углубились в лес, где была почти полная тьма, лишь черной полосой среди заснеженной земли вырисовывалась дорожка, по которой мы шли.

В лесу была тишина, но слева от нашей дороги, в нескольких километрах от нее, слышались временами выстрелы, взлетали ракеты, красными точками летели порой трассирующие пули или снаряды.

Помню на этой дороге такой случай: мне приходилось иногда отставать. Один раз, когда я догонял нашу группу, один из красноармейцев принял меня за немца: он направил на меня винтовку и хотел выстрелить. Спас меня Волков. “Что ты делаешь?”

- крикнул он, - это же наш Борис!” - окрикнул он меня. “Саша”, - ответил я. “Вот черт, - сказал красноармеец, опуская винтовку, - я тебя чуть было не прихлопнул, думал, что немец бежит”.

Один раз мы сбились с пути. Здесь помог мой компас, и мы восстановили правильное направление движения.

Но вот кончился лес, мы пересекли большое шоссе (сделали мы это зря, надо было идти вправо по шоссе) и стали двигаться по полю, пересеченному небольшими оврагами. Тут нас заметили немцы. Лениво застрочили два автомата, но их пули летели слишком далеко от нас; мы были не ближе, чем на 400 метров от стреляющих. Затем засвистели мины и стали взрываться вокруг нас, но их тоже было мало. Видимо, стрелял лишь один миномет.

Тут мы наткнулись на какой-то высокий проволочный забор. Колочая проволока была так плотно натянута на столбы, что мы никак не могли пролезть сквозь нее. Порвать проволоку мы тоже не смогли. Мы побежали вдоль этого забора в надежде, что он скоро кончится, или что в нем будет проход. Мы бежали вдоль забора, а немцы обстреливали нас из автоматов. Мы испытали неприятное ощущение, напоминающее то, что мы чувствовали, когда попали под обстрел немецких самолетов.

Но вот в заборе оказался проход. Я пролез через него последним, оставив на проволоке свою плащ-палатку, которая была прикреплена к вещевому мешку на спине. Она зацепилась за проволоку и осталась на ней. Я заметил это только тогда, когда мы отбежали от забора метров на 20, но возвращаться за плащ-палаткой я не стал, хотя очень дорожил ею и высоко ценил ее замечательные свойства - не пропускать воду и холодный ветер. Мы были на свободной территории. В первый раз за последние полмесяца мы вздохнули полной грудью.

Пройдя несколько километров около Можайского шоссе, мы зашли в деревню и постучались в один из домов. Нас пустили. Не раздеваясь, кто в чем был, мы легли на пол и заснули.

Проснулись мы уже днем. Другие товарищи наши куда-то ушли, в доме кроме хозяев остались только мы с Волковым. Хозяева предложили нам побриться, нашлась у них и бритва. Когда мы посмотрелись в зеркало, то увидели там почти незнакомых людей. Космы отросших и давно нечесанных волос на голове, воспаленные глаза, а главное - покрытые длинной щетиной лица

изменили нас почти до неузнаваемости. Приятно было сбрить эту щетину и принять прежний человеческий вид. Топилась печка. В ней мы сварили последние две плитки концентратов в котелке Усольцева. Затем сели за стол и позавтракали.

В это время кто-то из хозяев завел граммофон, поставив на него какую-то веселую песенку. Эта музыка так подействовала на меня, что я разрыдался. Я закрыл лицо руками, но слезы текли по щекам, и я не мог их остановить. Тут я вспомнил слова известной русской песни: “Эх, товарищ, и ты видно горе видал, коли плачешь от песни веселой...”

У хозяев мы узнали, что в Дорохово был сборный пункт тех, кто вышел из окружения и с оккупированной территории. Мы направились в Дорохово, но, когда прибыли туда, то узнали, что сборного пункта там уже нет. Точно нам сказать, где он находится, никто не мог. Некоторые указывали, что такой пункт есть в Голицино. До Голицино мы ехали на попутном танке КВ. Танкист посадил на корпус танка человек 10 таких же, как мы, и довез нас до самого Голицино. Танк по шоссе шел довольно быстро. В Голицино мы тоже найти ничего не могли и решили ехать в Москву, где надеялись в институте узнать, что нам дальше делать и какова судьба нашей дивизии.

Вечером восемнадцатого числа мы на поезде приехали на Белорусский вокзал. Мы вышли на вокзальную площадь и увидели Москву, которая очень сильно изменилась с тех пор, как мы одиннадцатого июля покинули ее. Мы с Волковым расстались, решив встретиться завтра у меня дома.

С нетерпением шел я домой, как забилося мое сердце, когда я увидел институт, увидел свой родной дом; но в окнах почему-то не было света. Я позвонил, мне открыл кто-то из соседей. “Как живут мои?” - спросил я. Ответ поразил меня. “Ваши эвакуировались вместе с институтом 16 октября”. Я вошел в комнаты, они не были даже закрыты. Никого, пустые комнаты. Я опустился на диван и долго смотрел вокруг себя, мне было тяжело. Мне хотелось увидеть отца и мать, мою жену, хотелось излить им все, что наболело на душе, рассказать им свою необыкновенную историю. И вот никого, пустая квартира!

Я решил пойти на квартиру, где жила до замужества моя жена. Там должны были находиться ее мать Вера Александровна

Чистякова и брат жены Петя, тогда студент энергетического института. Во дворе МИИТа и от соседей по квартире я узнал, что МИИТ эвакуировался, что в здании института расположилась какая-то воинская часть. Штаба связи дивизии народного ополчения с организациями района, в котором мы надеялись узнать о судьбе дивизии, тоже уже не было, обращаться оставалось только в райвоенкомат.

Я пошел на квартиру к Вере Александровне. Мне никогда не забыть той сердечной встречи, той заботы и материнской любви, с которой она встретила меня. Здесь я нашел сердечное тепло, так необходимое мне в эти дни. Я был совершенно больной и пролежал в кровати около двух дней.

Я рассказал Вере Александровне и Пете всю мою историю; они выслушали ее с большим вниманием, и она произвела на них сильное впечатление. На следующий день я написал заявление в райвоенкомат, в котором изложил все обстоятельства, просил, чтобы они направили меня в армию. Вера Александровна передала его утром в отдел учета командного состава.

19 октября ко мне зашел Александр Волков, он спросил меня, удалось ли мне что-либо узнать о нашей дивизии. Я рассказал ему все, что узнал, мы поговорили с ним о нашей дальнейшей судьбе и расстались.

20 октября я стал чувствовать себя лучше и явился в райвоенкомат. Меня принял начальник стола учета командного состава. Он еще раз прочитал мое заявление, посоветовался с другим товарищем и сказал: “Направить бы его к коменданту города, да он ополченцев не берет. Переправим его на формирование на должность командира взвода во вторую школу”. Я получил повестку, в которой значилось, что 23 октября я должен явиться на сборный пункт во вторую школу.

Школа эта была мне известна; находилась она за Марьянским рынком. Но куда я направлюсь потом, я не знал. Я получил два дня отдыха, в течение которых я, с помощью матери жены, восстановил свое здоровье. 23 октября 1941 года я в качестве командира первого взвода второй маршевой роты Дзержинского района города Москвы шагнул в сторону Муром для прохождения дальнейшей службы в запасных частях. Жаль мне было покидать Москву, но такова была судьба.

Я шагал впереди взвода, смотрел на целые дома, на нормальную жизнь, на природу и вспоминал только что пережитые мной события: Ельню, Волочек, Вязму, генерал-майора Козлова, Волкова и Миняева, прекрасных патриотов смоленской области, которым я, как и многие тысячи мне подобных, был обязан жизнью и свободой.

Штабом 14 запасной стрелковой бригады в Чебоксарах я был направлен в 39-ый саперный Запасный батальон в Буинск, на должность командира учебного взвода. Там прослужил с ноября 1941 года по март 1942 года, подготовив более 50 младших командиров.

Из запасной части я попросился на фронт, был в резерве МВО, а затем в МЗО (Московская зона обороны) на постройке укрепрайонов. Оттуда был направлен в расположение штаба железнодорожных войск для использования по моей воинской специальности (разрушение и восстановление железнодорожных мостов).

В штабе железнодорожных войск я выбрал направление на Крымский фронт. Весной 1942 года, будучи в Москве, я встретил А.В. Даркова^{*4}, который рассказал мне свою необыкновенную историю, достойную пера художника. Тогда же я узнал, что Миняев перешел линию фронта и затем служил в 160 стрелковой дивизии, которая была переформирована в ноябре 1941 года на основе частей нашей дивизии, вышедших из окружения^{*5}. Наиболее крупными из них были группы под командованием полковника Оглоблина и полковника Лебедева. Из миитовских ополченцев в дивизии осталось всего несколько человек.

В апреле я пережил трагическую смерть матери моей жены. Затем пережил радостное известие о рождении сына.

Начиная с мая 1942 года до сентября 1945 года, я служил в железнодорожных войсках Красной Армии, в составе которых на должности инженера-мостовика участвовал в восстановлении и постройке мостов на Северо-Кавказском, Сталинградском, Втором Украинском фронтах и в отдельной Приморской армии. Я прошел с войсками путь до Румынии, участвовал в восстановлении и постройке крупнейших мостов, нашел себе прекрасных друзей, но никогда не забывая я осени 1941 года, в которую из величайших мучений и тяжелых неудач поднялась заря нашей великой победы.

При составлении этих воспоминаний мной использовались записная книжка, в которой я сделал краткие записи 20 сентября и 20 ноября 1941 года, а также письма, которые я писал своим родным летом и осенью 1941 года.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ АВТОРА КНИГИ

Зылев Борис Владимирович 1916-2004 г.

Родился в 1916 г. в Томске. В 1923 г. вместе с семьей переехал в Москву. Отец Б.В. Зылева, профессор, работал заведующим кафедрой «Высшая математика» МИИТ с 1923 по 1952 год. Мать Б.В. Зылева работала врачом в поликлинике МИИТа. Таким образом, он был связан с МИИТом с самого раннего детства.

В 1940 г. с дипломом первой степени и значком «Лучшему ударнику, успешно окончившему МИИТ» окончил строительный факультет по специальности инженер-мостовик. Осенью 1940 г. поступил в аспирантуру при кафедре «Мосты» МИИТа. За 1940-41 учебные годы окончил первый курс аспирантуры и досрочно сдал кандидатский экзамен по мостам, однако, начавшаяся 22 июня война с Германией изменила все его планы.

7 июля 1941 г. Борис Владимирович добровольно вступил в Народное ополчение, где стал командиром саперного взвода 6-ой дивизии Народного ополчения Дзержинского района г. Москвы. Саперный взвод состоял из одиннадцати преподавателей МИИТа и двадцати пяти строительных рабочих ополченцев из Орехово-Зуева. В составе взвода был один профессор И.В. Урбан и несколько доцентов: А.Ф. Смирнов (будущий член-корреспондент АН СССР), А.В. Дарков (будущий профессор по строительной механике, заведующий кафедрой ВЗПИ), В.П. Гудков, А.В. Осокин и другие.

В ночь на 11 июля ополченческая дивизия была переброшена навстречу немцам в район города Ельня Смоленской области. Летом и осенью 1941 г. 6-я ДНО участвовала в боях с немцами на дальних подступах к Москве. Это были очень тяжелые сражения, в которых, несмотря на всю тяжесть положения нашей армии и страны в целом, начинала крепнуть уверенность в будущей победе. Эти события еще недостаточно описаны в нашей литературе. Тем ценнее является книга Б.В. Зылева «Воспоминания о Народном ополчении», которая совмещает в себе правдивое, захватывающее повествование с хронологически точными наблюдениями очевидца. Первое издание этой книги давно разошлось. Среди читателей этой книги были участники Великой Отечественной войны, наши известные историки и писатели, родственники ополченцев МИИТа, и многие наши соотечественники, люди разных возрастов и профессий. Все дают очень высокую оценку этой работе. Настоящее переиздание работы позволит ознакомить с ней более широкий круг читателей.

Часть отрывков из этих воспоминаний В.Б. Зылева напечатана ранее: в 1961 г. и в 1966 г. в книгах «Народное ополчение Москвы» и «От Москвы до Берлина». В них публиковался отрывок «Героический прорыв», описывающий выход из окружения под Вязьмой группы советских войск, участником которого он сам являлся. В книге «Битва за Москву» изд. 1966 г. маршалы Г.К. Жуков и И.С. Конев дают высокую оценку героическому подвигу окруженных войск и значению действий этих войск в обороне Москвы. Ополченцы МИИТа, имена которых нанесены на памятник Погибшим во время Великой Отечественной войны, погибли в основном, в боях за Москву в октябре 1941 г.

После выхода из окружения Б.В. Зылев был направлен в запасную часть, где служил командиром учебного взвода. А в мае 1942 г. был переведен в железнодорожные войска, где служил по своей военной специальности, полученной в МИИТе, в звании старшего техника-лейтенанта на должности инженера отделения мостов управления железнодорожной бригады.

В составе отдельной 36-ой железнодорожной бригады восстанавливал мосты на Крымском, Северокавказском, Сталинградском и 2-ом Украинском фронтах. Он спроектировал восстановление 50-ти железнодорожных мостов и как инженер

выполнял техническое руководство по их постройке. В составе частей 36-ой железнодорожной бригады он участвовал в восстановлении и постройке таких крупнейших мостов, как мост через реку Волгу у Астрахани, мосты через Днепр у Кременчуга и у Черкасс, мост через Южный Буг.

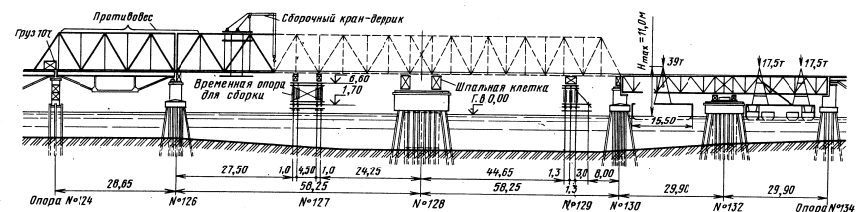
Восстановление мостов происходило на высоком уровне, большими темпами, что было необходимо для обеспечения снабжения наступающей армии. Проект временного восстановления моста длиной несколько сотен метров выполнялся Б.В. Зылевым очень быстро, иногда менее чем за сутки непосредственно на месте строительства. Свободное владение методами расчета, которое обеспечивало образование, полученное в МИИТе, играло здесь огромную роль. «Один день восстановительных работ – тысяча жизней на передовой» - такой плакат висел на строительстве моста через Южный Буг. Немецкие военные строители безусловно уступали нашим железнодорожным войскам в темпах восстановления. Зато искусству разрушать, у них можно было поучиться. Как правило, мосты были разрушены полностью, как пролетные строения, так и опоры. Причем, разрушались все мосты: большие, средние и малые.

Здесь необходимо отметить большую роль в восстановительных и строительных работах на фронтах Отечественной войны выпускников МИИТа. Назовем некоторых из них, вместе с которыми Б.В. Зылеву довелось работать: К.С. Силин, впоследствии Герой Социалистического труда, и Н.М. Колоколов спроектировали мост через Волгу у Астрахани с уникальным свайно-ряжевыми опорами, полная высота которых достигала 30 с лишним метров; И.И. Цурюпа, за руководство постройкой высоководного моста через Днепр у Киева получил звание Героя Социалистического труда, Тибилов А.А. – начальник строительства железной дороги Станица Крымская-Тамань, и многие другие. Нельзя не отметить большое влияние на военную подготовку выпускников МИИТа заведующего военной кафедрой генерал-майора С.Н. Савченко, свой практический военный опыт он умело сочетал со специальной подготовкой, которую студенты получали на кафедрах института.

Мосты через Днепр длиной более километра, на которых работал Б.В. Зылев, были восстановлены за 30-35 дней при

государственном сроке 40 дней. Второй Украинский фронт первым вышел к государственной границе и первым перенес боевые действия на территорию врага. Вместе с частями фронта первыми среди железнодорожных войск были и части 36-ой бригады. Эти героические успехи второго Украинского фронта были отмечены двумя салютами в Москве.

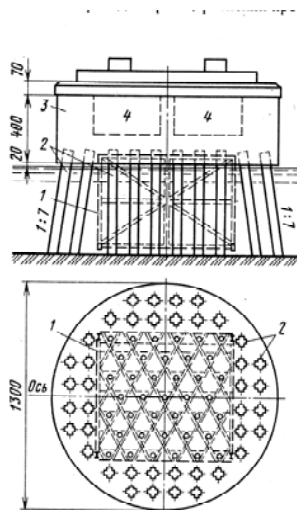
В 1944 году 36-я бригада, как накопившая большой опыт в восстановлении мостов, была переброшена на строительство моста через Керченский пролив. Этот мост длиной 4,5 км был открыт для движения поездов за 150 рабочих дней. В его опорах использовались огромные металлические сваи длиной более 20 м. Морские условия создавали целый ряд сложностей, которые с успехом преодолевали военные строители. Особую сложность представляло строительство разводных пролетов и опор под ними. Строительством этих опор руководил Борис Владимирович.

Монтаж разводных пролетов Керченского моста

**Б.В. Зылев - инженер
мостовик 25 мостового
батальона.
Май 1942 года, Крымский
фронт**

**Центральная опора главного
разводного пролета
Керченского моста**

К сожалению, строителям не удалось защитить мост от ледохода со стороны Азовского моря. Первоначально в проекте предполагалось строительство металлических ледорезов, но материал для их изготовления не был получен. В связи с этим Б.В. Зылеву только в феврале месяце в срочном порядке было поручено спроектировать деревянные ледорезы. Однако успели построить и установить только четыре ледореза, а их нужно было соорудить 128 штук. И 20 февраля 1945 г. десять пролетных строений моста были опрокинуты льдом в море (см. статью Н.А. Зензинова, Б.В. Зылева и М.С. Руденко, опубликованную в журнале «Транспортное строительство» №6 1991 году, «Мост через Керченский пролив»).

Защита Керченского моста ото льда, идущего со стороны Азовского моря, безусловно, представляла большие сложности. Эта техническая проблема до конца жизни волновала Б.В. Зылева. По прошествии многих лет он пришел к выводу, что следовало строить не ледорезы, а устройства, которые можно условно назвать

ледоупорами. Это могли быть каменные островки, отсыпанные на достаточно большом расстоянии от оси моста. Действительно, большие поля морского льда достаточно было лишь остановить, а не пропускать, как в случае моста через реку.

Зылев Б.В. выступал докладчиком от 36-ой железнодорожной бригады на всесоюзной конференции, посвященной обобщению опыта восстановительных работ железнодорожными войсками в период Великой Отечественной войны. Этот доклад назывался «Постройка мостовых опор в морских условиях».

В октябре 1945 г. Борис Владимирович, после демобилизации вернулся в аспирантуру МИИТа, которую закончил весной 1948 г., получив ученую степень кандидата технических наук. Его диссертация была посвящена расчету ледорезов с наклонной режущей гранью.

Борис Владимирович начал работать на кафедре «Теоретическая механика» МИИТа, где проработал непрерывно 41 год. В 1952 г. Б.В. Зылев получил звание доцента по теоретической механике. Педагогическую работу он сочетал с большой общественной работой. Так, он избирался членом парткома института, много лет был заместителем секретаря партбюро факультета «Мосты и тоннели», полтора года был главным редактором институтской многотиражной газеты, в 50-е годы возглавлял совет ветеранов 6-ой дивизии Народного ополчения. Был заместителем председателя центральной группы народного контроля института. В 60-е и 70-е годы выезжал со студентами в район Ельни на место боев 6-ой ДНО, где выступал с воспоминаниями о годах войны. Б.В. Зылевым, Назаровой Р.А. вместе со студентами в районе Ельни была посажена роща из трехсот березок, посвященная памяти трехсот МИИТовцев, вступивших в ополчение в 1941 г.

В музее МИИТа имеются экспонаты, посвященные 6-ой ДНО. На приводимых ниже фотографиях портреты ополченцев, упомянутых в тексте воспоминаний Б.В. Зылева. Фотографии взяты из фондов музея.

**Командир
дивизии
полковник
А.И.Шундеев
(погиб в 1941
году)**

**Полковник
Н.А. Оглоблин
(погиб в 1942
году)**

**Доцент,
к.т.н.,рядовой
саперного
взвода
В.П. Гудков
(погиб в 1941
году)**

**Доцент,
к.т.н.,рядовой
саперного
взвода
А.В. Осокин
(погиб в 1941
году)**

Борис Владимирович обучил теоретической механике несколько тысяч студентов института, у которых он пользовался известностью как хороший лектор, внимательный воспитатель и преподаватель, требовательный, но справедливый экзаменатор. Кафедра в его лице имела принципиального и высококвалифицированного сотрудника, защищавшего и сохранявшего большой опыт, накопленный за время существования института. Борис Владимирович опубликовал более сорока печатных работ. Среди них «Методические пособия для студентов по различным разделам теоретической механики», работы по исследованию движения переменных гироскопов - исследования, которые были первыми в этой области. По этому вопросу он сделал два доклада в институте механики при АН СССР. Ряд его работ были посвящены истории МИИТа и истории Великой Отечественной войны. Следует упомянуть историю Московского Инженерного училища – историю первых семнадцати лет нашего института, изданную в 1989 г., и работы, посвященные приоритету нашей страны в области создания ледоколов, опубликованные в журналах «Морской флот» и «Наука и жизнь».

Б.В. Зылев награжден Орденом Отечественной войны второй степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За

участие в героической обороне Москвы», «За героическую оборону Кавказа», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями. Он являлся Почетным железнодорожником.

У входа в первый корпус МИИТа установлена памятная доска, посвященная 6-й дивизии народного ополчения. На барельефе доски изображены три ополченца. Первому из них скульптор Алексей Викулов придал сходство с командиром саперного взвода дивизии Б.В. Зылевым.

В последние четыре года жизни Б.В. Зылев потерял зрение. Несмотря на это он много работал в области истории нашей страны, истории железнодорожного транспорта. Участвовал в написании и редактировании книг о МИИТе. Его часто навещали товарищи по работе. Активное участие он принимал в создании музея при МИИТе, куда он передал ряд уникальных экспонатов, которые сейчас используются в экспозиции.

Настоящее издание «Воспоминаний о народном ополчении» будет лучшей памятью автору этой книги.

ПРИМЕЧАНИЯ

*0 Смирнов Анатолий Филиппович (1909-1986) - рядовой дивизии народного ополчения. Впоследствии д.т.н., профессор, член-корреспондент академии наук СССР. Крупный ученый в области строительной механики.

*1 Полковой комиссар Белов. Прибыл в дивизию в конце сентября 1941 года. Был смертельно ранен снарядом, оторвавшем ему руку при отходе дивизии из-под Ельни. Там же он был похоронен двумя ополченцами, находившимися с ним.

*2 Полковник Алексей Иванович Шундеев - командир 6-ой дивизии народного ополчения с 7 июля 1941 года вплоть до своей гибели в октябре 1941 года под Вязьмой. С 4 по 7 июля 1941 года (то есть в течение 3-х дней) командиром дивизии являлся генерал-майор Дрейер, который был затем переведен на другую должность.

*3 Генерал-майор Козлов - организатор успешного выхода из окружения под Вязьмой большой группы войск (по моим наблюдениям более десяти тысяч человек). Я находился в составе его группы всего лишь в течение двух суток. К сожалению, несмотря на мои многократные попытки, узнать его дальнейшую судьбу мне не удалось.

*4 Дарков Анатолий Владимирович - рядовой 6-й дивизии народного ополчения. Был взят в плен под Вязьмой в октябре 1941 года. Через несколько дней, в районе Смоленска он бежал из плена и вышел с оккупированной территории в декабре месяце 1941 года. Далее являлся профессором МИИТа, заведующим кафедрой ВЗПИ. Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, автор многих широко известных книг по строительной механике. Он написал очень интересные воспоминания о войне. Скончался в 1991 году.

*5 При реформировании 160-ой дивизии народного ополчения в ноябре 1941 года ее командиром был назначен Ф.М. Орлов. Командарм второго ранга Ф.М. Орлов сначала был командиром батальона разведки в дивизии народного ополчения. Во время событий октября 1941 года находился в служебной командировке в Москве.

*6 Рисунки выполнены В.Б. Зылевым, набор текста - М.В. Зылевой.